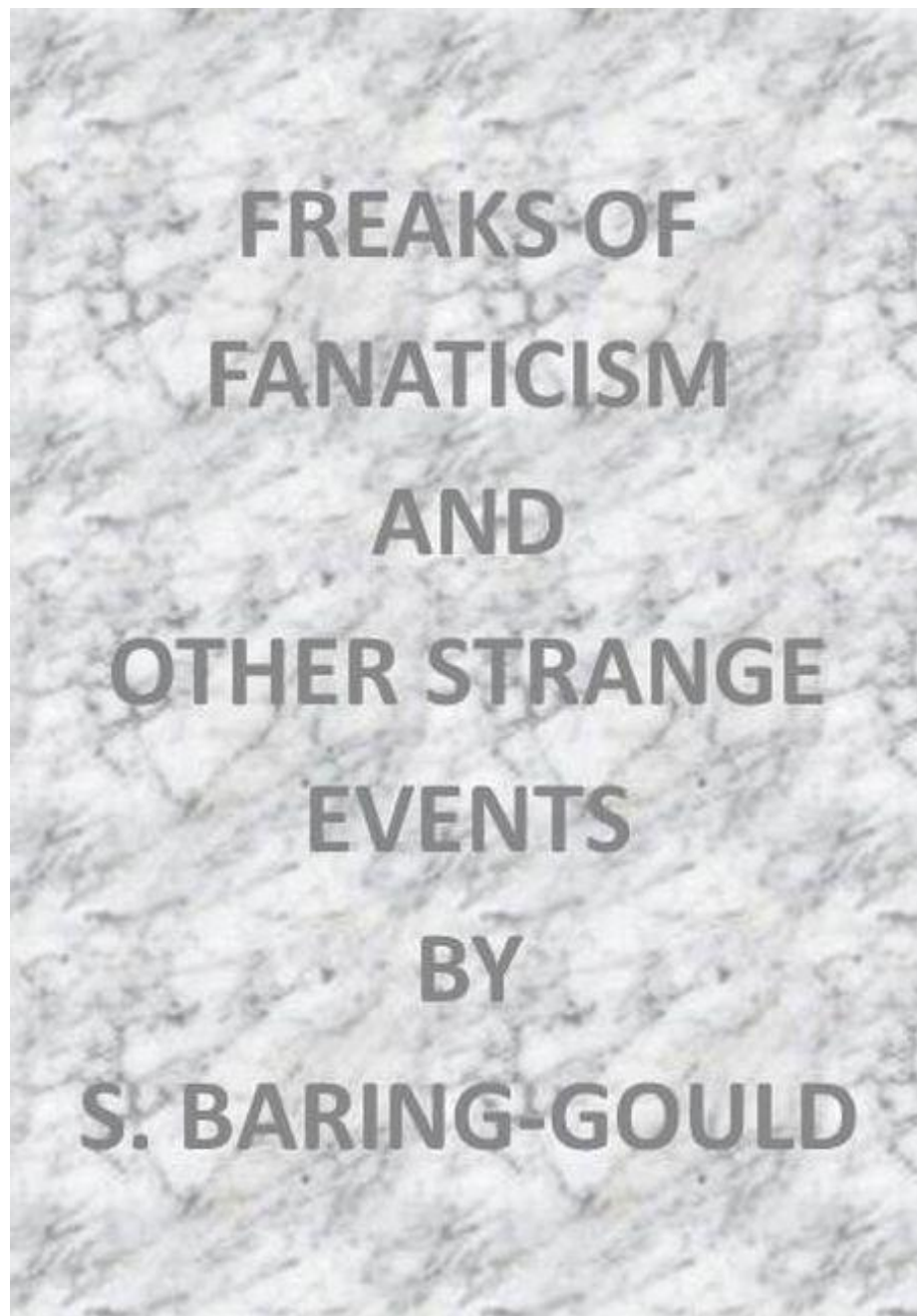

Фрики-фанатики и другие странные события

С. Бэринг-Гулд

Электронная книга проекта "Гутенберг" о фанатичных фриках и других странных событиях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Фрики-фанатики и другие странные события

Автор: С. Бэринг-Гулд

Дата выхода: 30 августа 2013 г. [Электронная книга № 43601]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Крисом Керноу, Джулией Нойфельд и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРИЧУДЫ ФАНАТИЗМА И ДРУГИЕ СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ" ***

ПРИСТУПЫ ФАНАТИЗМА И ДРУГИЕ СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

ФРИКИ-ФАНАТИКИ И ДРУГИЕ СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

АВТОР С. БЭРИНГ-ГУЛД, магистр МЕДИЦИНЫ

АВТОР КНИГ "МЕХАЛА", "ЖИЗНЬ СТАРОЙ ДЕРЕВНИ", "ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ", "ПЕСНИ ЗАПАДА" И ДР.

Метуэн и Ко.

18, БЕРИ-СТРИТ, ЛОНДОН, WC
1891

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот том, первоначально появившийся как Вторая серия к "Историческим странностям и странным событиям", теперь выходит под новым названием, которое описывает своеобразие большей части его содержания. Несколько статей посвящены истории мистицизма, той грани человеческой природы, которая заслуживает тщательного изучения. Мистицизм - это вспышка в человеке духовного элемента, который нельзя игнорировать, который нельзя полностью подавить, и который является самым благородным элементом человека, когда он правильно направлен и сбалансирован. Она способна к регулированию, но нерегулируемая, она может стать даже вредной способностью.

Когда евреев изгоняют из России и к ним относятся с ожесточенной враждебностью в других частях Восточной Европы, статья о выдвинутых против них обвинениях может оказаться весьма поучительным чтением.

Существует политический, а также религиозный и расовый фанатизм, и история с "Отравленным пастернаком" иллюстрирует готовность, с которой выдвигаются ложные обвинения против политических врагов и принимаются без проверки. "Жан Эймон" проявляет ту же беспринципность там, где речь идет о религиозных страстях. Любопытный эпизод из "Северного Рафаэля" показывает жажду дурной славы, которая так сильно характеризует сентиментальное, истерическое благочестие.

С. Бэринг Гулд.

Лью Тренчард, Девон,
1 сентября 1891 г..

Содержание.

	Страница
Швейцарской пьесы "Страсти"	1
Северный Рафаэль	39
Отравленный пастернак	67
Убийство отца Томаса в Дамаске	86
Некоторые обвинения против евреев	107
Мавзолей Кобурга	120
Жан Аймон	129
Миланские патарины	146
Анабаптисты Мюнстера	195

ФРИКИ-ФАНАТИКИ

Швейцарская пьеса о страсти.

Мы немного удивлены и, возможно, немного шокированы нелиберальностью швейцарского правительства, даже в таких протестантских кантонах, как Женева, Цюрих и Берн, запрещающего выступления на их территории "Армии спасения", и считаем, что такое поведение не соответствует протестантской свободе суждений и демократической независимости. Но опыт, пережитый в Швейцарии, как и в Германии, в отношении путаницы и вреда, иногда причиняемых фанатизмом, мы не скажем, что оправдывает, но в некоторой степени объясняет возражения правительства против возрождения религиозного мистицизма в его более вопиющих формах. Следующая история иллюстрирует экстравагантность, до которой иногда доходит подобная духовная экзальтация — к счастью, лишь изредка.

Примерно в восьми милях от Шаффхаузена, чуть в стороне от дороги на Винтертур, в долине, раскинулась незначительная деревушка Вильдисбух, ее луга затенены густыми ореховыми деревьями. Деревушка находится в приходе Трюлликон. Здесь, в начале этого века, в отдельно стоящем фермерском доме, жил Джон Питер, вдовец, с несколькими своими детьми. У него был только один сын, Каспар, женившийся в 1812 году и разведшийся со своей женой; однако он был благословлен пятью дочерьми — Барбарой, вышедшей замуж за кузнеца в Трюлликоне; Сюзанной, Элизабет, Магдаленой, вышедшими замуж за Джона Мозера, сапожника; и Маргареттой, родившейся в 1794 году, его младшим и любимым ребенком. Вскоре после рождения Маргаретты умерла ее мать, и с тех пор ребенок был предметом самой нежной и преданной заботы ее сестер и отца. Маргаретта выросла замечательным ребенком. В школе она отличалась своими способностями к обучению, а в церкви - преданностью, с которой она следовала утомительной цвинглианской службе. Пастор, готовивший ее к конфирмации, был поражен ее энтузиазмом и стремлением узнать больше о религии. Она явно была человеком с богатым воображением, и для человека с таким сложением, как у нее, церковь, похожая на амбар, лишенная всякого элемента красоты, старательно сделанная настолько отвратительной, насколько могла себе представить извращенная фантазия, и священные функции, сведенные к крайней унылости, из которых был вытянут каждый элемент благочестия, были неспособны удовлетворить внутренний духовный огонь, который пожирал ее.

В каждой человеческой душе есть божественное устремление, стремление к невидимому и духовному, у одних более развитое, чем у других, у некоторых души существуют лишь в том зачаточном состоянии, в котором, как говорят, ноги находятся у угря, а глаза - у устрицы, но у других это преобладающая способность, настоящая страсть. Если этой способности не дать законного простора, не дисциплинировать и не направлять ее, она проявляется в ненормальных и нездоровых проявлениях. Мы знаем, каков результат, когда нарушается регулярное функционирование пор кожи или циркуляция крови. Возникают лихорадка и галлюцинации. Так же обстоит дело и с духовной жизнью в человеке. Если этому не дать свободного хода для здоровой реализации своей активности, оно впадет в фанатизм, то есть примет болезненную форму проявления.

Маргаретта намного опережала своего отца, брата и сестер по интеллектуальной культуре и моральной силе характера. Сюзанна, вторая дочь Джона Питера, была дружелюбной, трудолюбивой молодой женщиной без независимости характера. Третья дочь, Элизабет, была тихой девочкой, довольно туповатой; Барбара вышла замуж, когда Маргаретте было всего девять, а Магдалена вскоре после нее; однако ни одна из них не избежала влияния своей

младшей сестры, которая распоряжалась их волей почти так же безраздельно, как и волей двух своих незамужних сестер, с которыми она общалась ежедневно.

Насколько велика была ее власть над сестрами, можно судить по тому, что они заявили после нескольких лет тюремного заключения, и по тому, что они вынесли ради нее.

Барбара, старшая, призналась тюремному капеллану в Цюрихе в 1823 году: "Я удовлетворена тем, что Бог действовал в могущественной силе и благодати через Маргарет вплоть до часа ее смерти". Сам отец заявил после разорения своей семьи и смерти двух своих дочерей: "Я уверен, что моя младшая дочь была отделена Богом для какой-то экстраординарной цели".

Когда Маргарет было шесть лет, она могла читать свою Библию и собирала вокруг себя всю семью, чтобы послушать ее лекции из священного тома. В то же время она молилась с большим рвением, и увещевала своего отца и сестер вести богобоязненный образ жизни. Когда она прочитала рассказ о Страстях, то не смогла удержаться от слез; ее волнение передалось всем собравшимся вокруг нее, и вся семья рыдала и громко молилась. Она была настоящим "ребенком-служителем" в своей семье во всех духовных делах. Поскольку она родилась на Рождество, считалось, что сам этот факт указывает на какую-то особую привилегию и благодать, оказанную ей. В 1811 году, в возрасте семнадцати лет, она приняла свое первое причастие и назидала всю церковь елеосвящением и возвышением души, с которым она явилась за стол. Спустя годы пастор Трулликона сказал о ней: "Несомненно, Маргаретта была самой умной в семье. Она часто приходила поблагодарить меня за наставления, которые я давал ей в духовных вопросах. Ее обещания соблюдать все, чему я ее научил, были самыми пылкими. Я возлагал на нее самые большие надежды, хотя и заметил в ней некоторую экстравагантность. Маргаретта быстро добилась абсолютного превосходства в доме своего отца. Все должны были делать то, что она приказывала. Ее воля, выраженная устно или в письме, когда она отсутствовала, исполнялась как воля Божья".

Внешне Маргаретта была привлекательна. У нее были прекрасные формы, хорошо сложенное тело, длинная шея, на которой ее голова держалась очень прямо; большие серо-голубые глаза, светлые волосы, высокий, хорошо изогнутый лоб. Нос был правильной формы, но подбородок и рот были несколько грубоватыми.

В 1816 году брат ее матери, мелкий фермер из Рудольфингена, пригласил ее приехать и управлять его домом вместо него. Она поехала и оказала огромную помощь. Под ее рукой все процветало. Ее дядя думал, что она принесла благословение Всемогущего и на его дом, и на его землю.

Находясь в Рудольфингене, святая дева познакомилась с пиетистами Шаффхаузена. Она посещала их молитвенные собрания и толкования Священного Писания. Это углубило ее религиозные убеждения и вызвало депрессию в ее поведении, которая поразила ее сестер, когда она навещала их. В ответ на их расспросы, почему она была замкнутой и меланхоличной, она ответила, что Бог с каждым днем открывал ей Себя все больше и больше, так что она с каждым днем все больше осознавала свою собственную греховность. Если бы это действительно было так, это спасло бы ее от того, что последовало за этим, но это ощущение ее собственной греховности было всего лишь фразой, которая на самом деле означала чрезмерное самомнение. Она выдержала всего около двенадцати месяцев пиетистских упражнений в Шаффхаузене, а затем почувствовала призыв проповедовать, свидетельствовать

и пророчествовать самой, вместо того чтобы сидеть у ног других. Соответственно, она отказалась от своего места у дяди и вернулась в Вильдисбух в марте 1817 года, когда начала свою деятельность в качестве активистки движения возрождения.

Теперь отцовский дом несколько расширился. Старый фермер нанял помощника по полю и конюшне по имени Генрих Эрнст и молодую женщину в качестве горничной по имени Маргарет Яггли. Эрнст был верным, дружелюбным молодым человеком, которому старый Питерс полностью доверял, и он стал предан семье сердцем и душой. Маргарет Яггли была человеком с очень безразличным характером, которую за ее безнравственность выгнали из родной деревни. Она была подвержена эпилептическим припадкам, которые, по ее мнению, были одержимостью дьяволом, и она приехала на ферму семьи Питера в надежде быть там исцеленной молитвами святой Маргаретты.

Еще одной обительницей этого дома была Урсула Кюндиг, которая переехала в него в возрасте девятнадцати лет и жила там как настоящая разнорабочая, хотя и не получала жалованья. Эта девушка была милейшего, кротчайшего нрава. Ее приходской пастор засвидетельствовал о ней: "Она всегда была такой хорошей, что даже скандалисты не могли найти повода для клеветы в ее поведении". Ее лицо было полно ума, чистоты, и в нем чувствовалось благородство, превосходящее ее происхождение и воспитание. Ее дом был несчастлив; она была помолвлена с молодым человеком, но, обнаружив, что он не заботится о ней и ищет только ее небольшое состояние, она разорвала помолвку, к большому неудовольствию своего отца. Именно из-за ссоры дома по этому поводу она отправилась в Вильдисбух, чтобы умолять Маргаретту Питер стать "ее духовным проводником по жизни в вечность". Сначала Урсула лишь изредка навещала Вильдисбух, но постепенно эти визиты стали продолжительными, и в конце концов она поселилась в этом доме. Душа несчастной девушки была подобна воску в руках святой, которую она почитала с глубочайшим восхищением как Избранницу Господа; и она исповедовала свою непоколебимую убежденность, "что Христос явил Себя во плоти через нее и что через нее были спасены многие тысячи душ". С тех пор дом в Вильдисбухе стал отличным местом сбора всех духовно мыслящих жителей окрестностей, которые желали наставлений, руководства, просветления, а Маргаретта, верховная жрица мистицизма, помогала всем тем, кто не мог найти удовлетворения глубочайшему голоду своей души в цвинглианских службах своей приходской церкви.

Человек состоит из двух частей; у него есть духовная природа, которую он разделяет с ангелами, и животная природа, которой он обладает вместе с животными. Следовательно, в нем есть двойная тенденция: одна - к неопределенному, неограниченному, духовному; другая - к ограниченному, чувственному и материальному. Религиозная история всех времен показывает нам эту высшую природу, стремящуюся к освобождению от закона тела, и никогда не преуспевающую в достижении побега, всегда возвращающуюся, подобно Дедалу, к разрушению, когда пытается бросить вызов законам природы и воспарить слишком близко к невыразимому свету. Мистицизм древнего языческого мира, мистицизм гностических сект, мистицизм средневековых еретиков почти неизменно выливался в оргии распущенности. Бог связал душу и тело воедино, и попытка разделить их в религии фатально обречена на провал.

Воплощение Сына Божьего было неразрывным союзом Духа с формой как основой истинной религии. Отныне Дух больше нельзя было отделять от материи, авторитет - от видимой Церкви, благодать - от сакраментального знака, мораль - от незыблемого закона. Все великие восстания

против католицизма в средние века были в большей или меньшей степени восстаниями против этого принципа и были возвращением к чистому спиритуализму. Реформация была использована для того, чтобы мистические устремления людей вызвали бунт. Индивидуальные эмоции стали высшей и единственной критикой добра и зла, истины и лжи и единственным авторитетом, которому следовало подчиняться.

Осенью 1817 года Маргаретта из Вильдисбуха познакомилась с женщиной, которая также была замечательной в своем роде и возглавляла другое движение возрождения. Это была Джулианна фон Крюднер, о которой теперь следует сказать несколько слов.

Юлианна родилась в 1766 году в Риге, в семье знатных и состоятельных людей. Ее отец посетил Париж и взял девочку с собой, где она познакомилась с рационалистическими и спекулятивными настроениями французского общества до революции. В вольтеровской атмосфере маленькая Джулианна росла без религиозной веры и моральных принципов. В четырнадцать лет она вышла замуж за человека намного старше себя, барона фон Крюднера, русского посла в Венеции. Там ее печально известные безнравственные поступки привели к расставанию, и Джулианна была вынуждена вернуться в дом своего отца в Риге. Это не удовлетворило ее любовь к удовольствиям и тщеславию, и она уехала в Санкт-Петербург, а затем в Париж, где предавалась всевозможным развлечениям. Она написала роман "Валери", в котором откровенно признала, что женщина в молодости должна отдаваться удовольствиям, затем заниматься искусством и, наконец, когда ей ничего другого не остается, посвятить себя религии. В возрасте сорока лет она уже вступила в эту заключительную фазу. Она поехала в Берлин, была допущена к общению с королевой Луизой и попыталась "обратить" ее. Милая, святая королева не нуждалась в обращении, и баронесса фон Крюднер была вынуждена покинуть Берлин. С тех пор она кочевала с места на место, бывала то в Париже, то в Женеве, то в Германии. В Карлсруэ она познакомилась с Юнгом-Штиллингом и с тех пор всей душой посвятила себя пиетистскому возрождению. Теперь ее миссия состояла — так она считала — в том, чтобы проповедовать Евангелие бедным. В 1814 году она получила доступ к русскому двору, где ее пророчества и увещевания произвели такое впечатление на царя Александра I, что он умолял ее сопровождать его в Париж. Она так и сделала и проводила духовные конференции и молитвенные собрания во французской столице. Александру она вскоре надоела, и она уехала в Базель, где покорила женевского пастора Эмпейтаза и базельского профессора Лашеналю. Ее собрания за возрождение, на которых присутствовало большое количество людей, вызвали всеобщее волнение, но привели ко многим семейным ссорам, так что городской совет уведомил ее о необходимости покинуть город. Затем она совершила паломничество вдоль Рейна, но полиция и городские власти повсюду возражали против ее действий, и она была отправлена обратно под надзор полиции сначала в Лейпциг, а оттуда в Россию.

Оттуда в 1824 году она отправилась в Крым, где решила основать колонию по плану моравских поселений, и там умерла, не успев осуществить свое намерение.

Именно в 1817 году, когда она совершала свое апостольское путешествие по Рейну, она познакомилась с Маргареттой Вильдисбух. Очевидно, последнее произвело на легковозбудимую баронессу более глубокое впечатление, чем святая Юлианна на Маргаретту. Два аруспика не смеялись, когда встретились, потому что они были оба предельно серьезны и не имели ни малейшего подозрения, что обманывают сначала самих себя, а потом уже других.

Встреча с Крюднерами произвела двойной эффект. Во-первых, святая Юлианна, когда невозрожденная полиция вынудила ее покинуть этот район, поручила своих учеников блаженной Маргарите; и, во-вторых, последней хватило проницательности понять, что, если она хочет играть хоть в чем-то подобную роль своего товарища-апостола, ей следует получить немного больше образования. Поэтому Маргарет старалась писать грамматически и правильно по буквам.

Результатом благодарности святой Иулиании ее учеников Маргарите стало то, что с тех пор в Уайлдисбух началось регулярное паломничество набожных людей в ландо и багги, верхом и пешком.

Теперь необходимо представить некоторых дополнительных действующих лиц в драме.

Магдалена Питер, четвертая дочь Джона Питера, была замужем за сапожником Джоном Мозером. Влияние Маргарет быстро дало о себе знать в их доме. Сначала пожилая мать Мозера жила с этой парой вместе с Конрадом, младшим братом Джона Мозера. Первым признаком обращения Мозера и его жены было то, что они выгнали старую мать из дома, потому что она была мирской и лишенной "спасительной благодати". Конрад был трудолюбивым парнем, очень полезным, и поэтому без него нельзя было обойтись. Избранные сосуды, обнаружив, что он им не симпатизирует, и сочтя его слишком ценным, чтобы без него обойтись, морили его голодом до тех пор, пока он не поддался их фантазиям, не увидел видения и не объявил себя "спасенным". Барбара, также вышедшая замуж за кузнеца Бауманна, была следующей обращенной и обрушила всю свою духовную артиллерию на кузнеца, но тщетно. Он позволил ей идти своим путем, но сам ничего не смог бы сказать о великом духовном возрождении в доме Питеров. Барбара, не найдя в своем муже родственной души, связалась с человеком столь же возвышенного благочестия, портным по имени Хаблютцель.

Еще один человек, который фигурирует в этой истории, - Якоб Ганц, портной, который был связан с движением в Базеле при Юлианне Святой.

Брат Маргарет, Каспар, был человеком с дурной репутацией; он был разлучен со своей женой, с которой жестоко обращался; стал отцом незаконнорожденного ребенка и теперь слонялся по стране, проповедуя Евангелие.

Портной Ганс отбросил ножницы и превратил себя в бродячего проповедника. Во время одного из своих апостольских путешествий он познакомился со святой Маргаритой и был глубоко впечатлен ею. У него был избранный ученик в Ильнау, в Кемптале, к югу от Винтертура. Это был сапожник по имени Якоб Морф, женатый мужчина тридцати лет, маленького роста, с головой, похожей на тыкву. Этому сапожнику Ганц с энтузиазмом рассказал о духовном возвышении святой Маргариты, и Морф преисполнился живого желания увидеть и услышать ее.

Кажется, Маргаретте через некоторое время надоела монотонность жизни в отцовском доме, или же внутренний дух погнал ее за границу, чтобы нести свой свет во многие темные уголки родного кантона. Она решила быть похожей на Ганса, странствующего апостола. Иногда она отправлялась в свои миссионерские путешествия одна, иногда вместе со своей сестрой Элизабет, которая подчинялась ей со слепым и непреклонным послушанием, или же с Урсулой Кюндиг. Эти путешествия начались в 1820 году и простирались до Цюриха и вдоль берегов этого прекрасного озера. В мае того же года она посетила Ильнау, где была с энтузиазмом принята верующими, собравшимися в доме некоего Рюгга, и там впервые встретилась с Якобом

Морфом. Завязавшееся знакомство вскоре переросло в дружбу. Когда несколько недель спустя он отправился в Шаффхаузен за кожей, то свернул в сторону Вильдисбуха. После этого его визиты туда стали не только частыми, но и затяжными.

Маргарет была для него величайшим утешением в его смятенном состоянии души. Она описала ему свои поиски и тревоги, так что он заплакал "от радости, что встретил человека, который прошел через то же, что и он сам".

В ноябре 1820 года Маргарет на некоторое время поселилась в доме ученика Каспара Нотца недалеко от Цюриха и сделала его центром, откуда она начала серию миссионерских экскурсий. Здесь также собрались избранные из Цюриха, чтобы послушать, как она излагает Священное Писание, и помолиться. И сюда же приходил сапожник Морф, ища успокоения для своей мятущейся души, и иногда оставался в тамошнем доме с ней по неделе кряду. Наконец, его жена, достойная Регула Морф, приехала из Ильнау, чтобы найти своего мужа, и убедила его вернуться с ней домой, к его работе сапожником.

В конце января 1821 года Маргарет снова посетила Ильнау и увела за собой околдованного Якоба, который следовал за ней всю дорогу домой, в Вильдисбух, и оставался в доме ее отца еще десять дней.

На следующий день Вознесения он снова был с ней, и тогда она открыла ему, что такова воля небес, чтобы они вместе вознеслись, не вкусив смерти, в обители блаженных и вместе занимали один трон на всю вечность. В течение всего этого года, когда сапожника Якоба не было в Вильдисбухе или Святой Маргаретты в Ильнау, пара непрерывно писала друг другу, и их переписка до сих пор хранится в архивах Цюриха. Вот образец стиля святой Маргариты. "Мое дорогое дитя! твоё дорогое письмо наполнило меня радостью. О, мое дорогое дитя, с какой радостью я рассказал бы тебе, как у меня обстоят дела! Когда мы расстались, я был вынужден отойти в сторонку, где меня никто не мог видеть, чтобы облегчить своё сердце слезами. О, сердце мое, я не могу описать тебе горе, в которое я впал. Целый час я лежал без чувств. От душевных мук я не мог вернуться домой, такие невыразимые муки я испытывал! Моя прежняя разлука с тобой была лишь тенью этой разлуки. О, почему ты так невыразимо дорог мне и т. Д.", А затем поток болезненной, благочестивой болтовни, от которой становится не по себе.

Регула Морф прочитала это письмо и покачала головой. Она покачала головой над другим письмом, полученным ее мужем месяцем ранее, в котором святая дева писала: "О, как велика моя любовь! Она сильнее смерти. О, как ты дорог мне. Я мог бы прижать тебя к своему сердцу тысячу раз". И на полях было нацарапано: "Эти слова предназначены только для твоих глаз". Однако Регула, увидев их, покачала головой и сказала мужу, что это письмо показалось ее непросвещенному уму очень похожим на любовное письмо. "Ничего подобного, - ответил сапожник, - это говорит только о духовной привязанности".

Теперь мы должны опустить черту в жизни святой девы, которая в высшей степени неучтивая, но которая является всего лишь еще одним примером той истины, которую история мистицизма навязывает во все века, а именно, что духовная экзальтация естественно и неизбежно переходит в распушенность, если ее не удерживать в железных оковах дисциплины в соответствии с моральным законом. Мистик - закон для самого себя. Он не склоняется ни перед каким внешним авторитетом. Как бы сильно он ни преступал кодекс, установленный религией, он не испытывает ни угрызений совести, ни угрызений совести, ибо его сердце не осуждает его.

Так было и со святой Маргаритой. Ее промах или оплошности никоим образом не пробудили в ней чувства греховности, а лишь подтолкнули ее дальше по безумному пути самодовольного возвеличивания.

Она на много месяцев исчезла из отцовского дома вместе со своей сестрой Элизабет. Полиция навела справки о местонахождении старого Джона Питера, но он не предоставил им никакой информации о том, где находятся его дочери. Он заявил, что не знает. Ему пригрозили, что, если они не будут представлены к определенному дню, он будет оштрафован. Полиция была отправлена на поиски во всех направлениях, кроме нужного.

Внезапно, ночью 11 января 1823 года, сестры появились вновь, Маргарет, бледная, слабая и измученная болезнью.

Через две недели после ее возвращения Джейкоб Морф снова был в Вильдисбухе, как он сказал впоследствии суду, "ведомый туда, потому что Маргарет заверила его, что они вместе вознесутся на небеса, не умирая".

С этого времени поведение Маргаретты перешло в другую фазу. Вместо того чтобы возобновить свой паломнический посох и путешествовать по стране, проповедуя Евангелие, она целыми днями оставалась в одной комнате со своей сестрой Элизабет, закрыв ставни, читая Библию, медитируя, молясь и сочиняя письма своему "дорогому ребенку" Джейкобу. Проступки, которые она совершила, были крестами, возложенными на ее плечи Богом. "О! "почему, - писала она в одном из своих посланий, - мой Небесный Отец избрал *это* от всей вечности в Своем провидении для меня? Были тысячи и тысячи других крестов, которые Он мог бы возложить на меня. Но Он избрал то, которое было бы для меня самым тяжелым, тяжелее всех преследований, которым я подвергаюсь от дьявола и которые почти свергают меня. От основания мира Он никогда так не испытывал ни одного из Своих святых, как нас. Всею воинству небесному доставляет радость, когда мы страдаем до конца ". Опять же, "чем большему унижению и позору мы подвергаемся и вынуждены терпеть от наших врагов здесь, на земле" — подумайте, навлекших на себя ее собственное скандальное поведение, — "тем невыразимее наше прославление на небесах".

Вечером Маргаретта спускалась вниз и принимала посетителей, проповедовала и пророчествовала им. Весь дом был охвачен религиозным экстазом, который усиливался по мере приближения Пасхи. Время от времени святой собирал домочадцев и увещевал их бодрствовать и молиться, ибо приближалось великое испытание их веры. Однажды она спросила их, готовы ли они отдать свои жизни за Христа. Однажды она сказала в духе пророчества: "Смотрите! Я вижу, как воинство сатаны приближается все ближе и ближе, чтобы окружить меня. Он стремится одолеть меня. Оставь меня в покое, чтобы я мог сразиться с ним. " Затем она раскинула руки и ударила воздух раскрытыми ладонями.

В ней росла мысль, что мир в опасности, что дьявол обретает над ним господство и снова уведет все души в плен, и что она — и почти только она — стоит у него на пути и защищает мир людей от его власти.

В течение многих лет она пользовалась своей властью, которая росла с каждым годом, над всеми в доме, и ни одной живой душе там и в голову не приходило сопротивляться ей, уклоняться от приказов, которые она им отдавала, подвергать сомнению ее слова.

Дом был закрыт для всех, кроме самых избранных. Пастору прихода, как "мирскому", не разрешалось переступить порог. По стуку дверь открывалась, и те, кого считали достойными, впускались, и дверь за ними поспешно запиралась на засов. Все рассматривалось в духовном свете. Однажды вечером Урсула Кюндиг и Маргаретта Яггли сидели за прялкой у плиты. Внезапно раздался хлопок. В сосновых поленьях в печи лопнул сучок. Но Яггли вскочила, отбросила прялку и закричала— "Слушайте! Сатана барабанит в окно. Он хочет меня. Он заберет меня!" Она упала в конвульсиях на пол с пеной у рта. Была вызвана Маргарет, святая. Корчившаяся девушка закричала: "Помолись за меня! Спаси меня! Сражайся за мою душу!" и Маргаретта немедленно приступила к своим духовным упражнениям по изгнанию злого духа из больной и одержимой служанки. Она била руками по воздуху, кричала: "Отправляйся, ты, убийца душ, проклятый, в геенну огненную. Ты пытаешься отнять у меня мою заблудшую овцу? Моя овца, которую я поклялся спасти?"

Однажды у горничной случился особенно сильный эпилептический припадок. Вокруг ее кровати стояли старый Джон Питер, Элизабет и Сюзанна, Урсула Кюндиг и Джон Мозер, а также святой. Маргарет боролась с Лукавым кулаками и криками, когда Джон Мозер впал в экстаз и увидел видение. Его отчет будет передан его собственными словами: "Я видел Христа и сатану, и последний держал открытую книгу перед Христом и предлагал Ему посмотреть, сколько претензий у него есть на душу Яггли. Книга была размечена по диагонали красными линиями на всех страницах. Я отчетливо видел это и поэтому пришел к выводу, что аккаунт был аннулирован. Затем я увидел, как все святые на небесах выхватили книгу и разорвали ее на тысячу кусочков, которые упали дождем".

Но сатану было не так-то легко победить и изгнать. По словам Маргарет, он свил себе гнездо под крышей дома, и только отчаянное усилие веры и борьба с духовным оружием могли изгнать его. К этому Армагеддону она велела всем приготовиться. Вряд ли нужно добавлять, что она не могла бы вестись без присутствия горячо любимого Джейкоба. Она написала ему и пригласила прийти на великую и последнюю битву с дьяволом и всем его воинством, и послушный сапожник препоясал свои чресла и поспешил в Вильдисбух, куда прибыл в субботу, 8 марта 1823 года.

В понедельник, вероятно, в ответ на ее вызов, пришли также Джон Мозер и его брат Конрад. А еще родной и единственный брат Маргарет, Каспар.

Прежде чем перейти к кульминации этой истории, мы вполне можем остановиться и спросить, была ли героиня в здравом уме или нет; привела ли она в движение лавину, которая захлестнула ее саму и ее дом, обдуманно и осознанно относительно цели, к которой стремилась. Эта женщина не была вульгарной самозванкой; она обманула саму себя до собственной гибели. В своих чувствах она до сих пор ясно представляла себе цель, к которой собиралась подтолкнуть своих обманутых, но ее рассудок и интеллигентность были подавлены чрезмерной самооценкой, которая разрасталась подобно огромной духовной раковой опухоли, пока не подорвала здравый смысл и все естественные привязанности, даже сам инстинкт самосохранения. Перед ее больными глазами спасение всего мира зависело от нее самой. Если она терпела неудачу в своей борьбе со злым началом, все человечество попадало в рабство сатаны; но она не могла потерпеть неудачу — она была всемогуща, возвышалась над любой

возможностью неудачи в битве, точно так же, как она была возвышена над каждым упущением в добродетели, делала все, что могла, что в обычном понимании человечества безнравственно. К счастью, не каждый мистик заходит так далеко, как Маргарет Питер, но все они делают определенные шаги по этому пути, который ведет к самообожествлению и *аномии*. В поведении Маргарет при подготовке к финальной трагедии было много проницательного расчета; она пришла к этому путем долгой изоляции и окутывания себя и своих поступков тайной; и она призвала своих избранных учеников стать свидетелями этого. Каждая стадия драмы была рассчитана на то, чтобы произвести определенный эффект, и она измеряла свое влияние на своих созданий, прежде чем продвинуться еще на шаг. В понедельник все были в сборе и пребывали в ожидании; должна была начаться битва за Армагеддон, но когда начнется битва и как она будет проходить, было неизвестно. Наступил вторник; кое-кто из домочадцев занялся своими повседневными делами, остальные собрались вместе в комнате, где находилась Маргарет, погруженная в безмолвную молитву. Время от времени тишину в затемненной комнате нарушал вопль святого: "Я очень стеснен! Я в тоске! — но я освежаю свою душу перспективой грядущего возвышения!" или: "Моя борьба с сатаной сурова. Он стремится удержать души, которые я вырву из его рук; некоторые находятся в его власти двести, даже триста лет".

Можно себе представить эту сцену — эффект, произведенный на собравшихся вокруг бледных, стремящихся к экстазу людей. Все присутствовавшие впоследствии свидетельствовали, что во вторник и в последующие дни они почти не выходили из комнаты, едва ли находили время перекусить на скорую руку, настолько полными они были ожидания того, что вот-вот произойдет какое-то великое и ужасное событие. Святой энтузиазм был всеобщим, и если один или двое, такие как старый Питер и его сын Каспар, были менее очарованы, чем остальные, они были далеки от мысли каким-либо образом оспаривать волю пророчицы или чинить малейшее препятствие на пути к тому, чтобы она достигла того, чего она желала.

Когда наступил вечер, она поднялась в верхнюю комнату, сопровождаемая всей компанией, и там провозгласила: "Вот! Я вижу сатану и его первенца, парящих в воздухе. Они рассылают своих эмиссаров по всем уголкам земли, чтобы объединить свои армии". Элизабет, несколько уставшая от пассивной роли, добавила: "Да, я тоже их вижу". Затем святая дева погрузилась в свое таинственное молчание. Подождав еще час, все отправились спать, убедившись, что в эту ночь больше ничего не произойдет. На следующий день, в среду, она созвала домочадцев к себе в спальню; усевшись на кровать, она велела им всем преклонить колени и молиться Господу, чтобы он укрепил ее руки для великого состязания. Они продолжали подвизаться в молитве до полудня, а затем, почувствовав голод, все спустились вниз, чтобы перекусить. Когда они утолили свой аппетит, Маргарет снова была охвачена духом пророчества и провозгласила: "Господь открыл мне, что произойдет в последние дни. Сын Наполеона" (этот бедный, немощный смертный герцог Рейхштадтский) "предстанет перед миром как антихрист и будет стремиться перетянуть мир на свою сторону. Он подвергнется великому конфликту; но каким будет результат, мне в настоящий момент не показано; но мне обещан духовный знак этого откровения". И знак последовал. Горячо любимые Якоб, Джон Мозер и Урсула Кюндиг воскликнули, что видели, как два злых духа, один в образе Наполеона, вселились в Маргарет Яггли, а другой, в образе его сына, вселился в Элизабет. После чего Елизавета, одержимая духом этого бедного, маленького, болезненного герцога Рейхштадтского, принялась расхаживать по комнате и приняла надменный, военный вид. После этого пророчица боролась

духом, победила этих бесов и изгнала их. После этого Елизавета отказалась от своих военных достижений.

С рассветом следующего дня блаженная Маргарита "снова вела отчаянную борьбу", но без помощи домочадцев, которые были вызваны, чтобы принять участие в битве только после полудня. Она велела им следовать за ней в верхнюю комнату, и по крутой лестнице поднялась процессия, состоящая из Маргарет, за которой следовали Элизабет и Сюзанна Петер, Урсула Кюндиг и Яггли, старый отец и его сын Каспар, слуга Генрих Эрнст, затем Якоб Морф, Джон Мозер, а замыкает шествие молодой Конрад. Как только пророчица заняла свое место на кровати, она заявила: "Прошлой ночью мне было открыто, что вы все должны объединиться со мной в битве с дьяволом, чтобы он не победил Христа. Я должен бороться, чтобы ваши души и души стольких, многих других не были потеряны. Тогда приходите! боритесь со мной; но прежде всего, преклоните колени, ткните лицом в пыль и молитесь ". После этого все пали ниц на пол и молча помолились. Вскоре пророчица воскликнула со своего трона на кровати: "Настал час, когда должна произойти битва, чтобы Христос мог собрать воедино Свою Церковь и сразиться с Антихристом. После того, как Христос соберет Свою Церковь, пройдет 1260 дней, и тогда Антихрист явится в человеческом обличье и сладкими и соблазнительными словами будет стремиться соблазнить избранных; но все истинные христиане будут держаться в стороне". После паузы она торжественно произнесла: "По правде говоря, Антихрист уже среди нас".

Затем она одним прыжком вскочила с кровати, оглядываясь по сторонам, вскидывая руки, металась по комнате, ударяя кулаками по стульям и ящикам с одеждой, крича: "Негодяй, убийца душ!" И, найдя молоток, она начала колотить им по стене.

Вся компания смотрела на это, затаив дыхание от изумления. Но у эпилептики Яггли начались конвульсии, она корчилась на земле, стонала, визжала и заламывала руки. Тогда святая Маргаретта воскликнула: "Я вижу духом, как старый Наполеон собирает могучее войско и выступает против меня. Состязание будет ужасным. Вы должны бороться до крови. Вперед! лети! принесите мне топоры, дубинки, все, что сможете найти. Заприте двери, занавесьте все окна в доме и закройте все ставни.

Пока ее приказы выполнялись со всей поспешностью и разыскивалось необходимое оружие, Джон Мозер, оставшийся позади, увидел комнату, "наполненную ослепительным великолепием, которое не смог бы описать ни один язык", и заплакал от радости. Возбуждение уже переросло в призрачный экстаз. Было пять часов, когда оружие принесли наверх. Святая Маргаретта тогда сидела на своей кровати, ломая руки и взывая ко всем молиться: "Помогите! помогите! все вы, чтобы Христос не был побежден во мне. Бей, круши, раскалывай — везде, со всех сторон - пол, стены! Такова воля Божья! круши, пока я не прикажу тебе остаться. Бейте и лишитесь своих жизней, если понадобится".

Было чудом, что в последовавшей за этим экстраординарной сцене не погибли люди; комната была полна мужчин и женщин; их было десять, вооруженных топорами, ломami, дубинками, кирками, они осыпали градом ударов стены и полы, стулья, столы, шкафы и сундуки. Это продолжалось три часа. Маргарет оставалась на кровати, призывая вечеринку продолжать; когда кто-нибудь опускал руки, она выделяла уставшего человека и увещевала его, поскольку он любил свою душу, сражаться более отважно и полностью победить и уничтожить дьявола.

"Ударь его! срази его! старого противника! архидемона! тот, кто потеряет свою жизнь, обретет ее. Ничего не бойся! бей, пока твоя кровь не потечет, как пот. Вон он в том углу; теперь на него ", и Элизабет вторила ей: "Бей! бей! Он убийца, он молодой Наполеон, грядущий Антихрист, который вошел в меня и почти уничтожил".

Это продолжалось, как уже говорилось, три часа. Комната была полна пыли. Воины покрылись испариной от напряжения, с них градом катился пот. Никогда еще мужчины и женщины не сражались с таким энтузиазмом. Битва Дон Кихота с ветряными мельницами не шла ни в какое сравнение с этим. Какие удары и раны получили дьявол и молодой герцог Рейхштадтский, не зафиксировано, но стены, пол и мебель в комнате были разрушены; действительно, вилы и топор сломали одну стену дома и показали то, что происходило внутри, глазам разинувшей рты толпы, собравшейся снаружи, пораженной беспорядками, которые происходили в доме, который считался настоящим святилищем религии.

Как только святая увидела лица толпы снаружи, она закричала: "Смотрите на них! враги Божьи! воинство сатаны приближается! Но не бойся их, мы победим".

Наконец сражающиеся больше не могли ни поднимать руки, ни держаться на ногах. Тогда Маргарет воскликнула: "Победа одержана! следуйте за мной!" Она повела их вниз, в общую гостиную, где плотно задернутые шторы и закрытые ставни не позволяли грубым взглядам непосвященных. Здесь был зажжен камышовый фонарь, и при его свете сражение продолжилось с изменением тактики.

Совершенно не обращая внимания на толпу, окружившую дом и требовавшую впустить ее в дверь, святой приказал всем броситься на землю и благодарить небеса за одержанную победу. Затем, после более чем часовой паузы, та же сцена началась снова, и то, что она могла возобновиться, свидетельствует о том, как много человек может сделать и вынести, когда им овладевает священное увлечение.

Впоследствии предполагалось, что вся благочестивая община была пьяна от шнапса, но от несправедливости. Их желудки были пусты; это их мозги были пьяны.

Святая Маргарита, стоя посреди расprostертых ниц верующих, приказала им бить себя кулаками по голове и груди, и они подчинились. Элизабет закричала: "О, Маргарет! Ударь меня! Позволь мне умереть за Христа".

Вслед за этим святая несколько раз ударила свою сестру кулаками, так что Элизабет вскрикнула от боли: "Терпи!" - воскликнула Маргарет. - "Это гнев Божий!"

Тем временем примадонна всей комедии внимательно огляделась по сторонам, чтобы увидеть, что никто из актеров не щадит себя. Когда она видела, что кто-то ослабевает в своем самобичевании, она призывала его удвоить удары. Поскольку старик не проявлял достаточного энтузиазма в самоистязании, она закричала: "Отец, ты недостаточно бил себя!" - а затем начала колотить его своими собственными кулаками. Старик, с которым плохо обращались, стонал под ее ударами, но она подбадривала его словами: "Я всего лишь изгоняю ветхого Адама, отец! Тебе не больно", - и удвоила удары по его голове и спине. Затем погас свет.

Все это время толпа слушала и обменивалась репликами снаружи. Никто не вмешивался, поскольку вмешиваться не было ничьей обязанностью. Весть о том, что происходит, однако, дошла до амтмана прихода, но он был подчиненным и не хотел вмешиваться без высших полномочий, поэтому послал весточку амтману округа. Этот последний вызвал к себе своего секретаря, констебля и полицейского и прибыл в дом семьи Питера в десять часов. В своем отчете полиции Цюриха он говорит: "13-го около 10 часов вечера я добрался до Вильдисбуха, а затем услышал, что шум в доме семьи Питера прекратился, что все огни погашены и что никто не шевелится. Я счел разумным не нарушать этого спокойствия, поэтому отдал распоряжение, чтобы за домом следили", а затем вошел в дом соседа. В полночь полицейский, которого оставили на страже, пришел сообщить, что в доме Питеров возобновились беспорядки. Амтманн отправился на место и услышал приглушенные крики: "Спасите нас! сжальтесь над нами! Бейте! он убийца! не щадите его!" и топот, и звуки ударов, "как будто падали на мягкие тела". Помощник постучал в окно и приказал тем, кто находился внутри, впустить его. Поскольку на его команды не обратили никакого внимания, он приказал констеблю взломать дверь дома. Это было сделано, но теперь оказалось, что дверь в гостиную накрепко заперта. Затем констебль поднялся в верхнюю комнату и увидел, в каком состоянии были обломки. Он спустился и сообщил дежурному о том, что он видел. Снова в окно постучали и повторили приказ открыть дверь. На это не обратили внимания; тогда почтенный судья разбил оконное стекло и просунул в комнату свечу через окно.

Теперь я подошел к открытому окну и увидел четверых или пятерых мужчин, стоявших спиной к двери. Еще один лежал на полу мертвый. Чуть поодаль лежала куча людей, мужчин и женщин, сбившихся в кучу на полу, рядом с ними женщина на коленях била остальных и при каждом ударе восклицала: "Господи, помилуй!" Наконец, возле плиты была еще одна такая же группа ".

Теперь управляющий приказал выломать дверь в гостиную. Конрад Мозер, предложивший открыться мировому судье, получил упрек от святого, который крикнул ему: "Что, ты позволишь войти дьяволу?"

"Мужчины, - говорится в отчете магистрата, - оказали сопротивление, вызванное женщинами, которые продолжали кричать. Особенно отличилась святая Маргарита, которая, стоя на коленях, яростно избивала другую женщину, которая лежала ничком на полу. Вторая группа состояла из двух мужчин и двух женщин, лежащих на полу, голова одной женщины лежала на теле мужчины, а голова мужчины - на голове девушки. Остальные, пошатываясь, поднялись на ноги один за другим. Я попытался возразить, но в гвалте они были бесполезны. Затем я приказал убрать старого Питера из комнаты. После этого мужчины и женщины набросились на него, несмотря на все наши заверения, что ему не причинят никакого вреда. С трудом мы вытащили его из комнаты, причем все остальное повисло на нем, так что его швырнуло на пол, а остальное, цеплявшееся за него, кучей повалилось на него. Я повторил свой протест и потребовал тишины, но безрезультатно. Когда старый Питер приготовился ответить, святая Маргарита остановила его: "Отец, не отвечай. Молитесь!" Затем все возобновили шум. Маргарет закричала: "Давайте все умрем! Я умру за Христа!" Другие кричали: "Господи, спаси нас!", а другие: "Помилуй нас!"

Управляющий отдал приказ полиции разделить компанию и всю ночь охранять кого-то на кухне, а остальных - в гостиной и не позволять им разговаривать друг с другом. Последний приказ,

однако, полиция выполнить не смогла. Несмотря на все свои усилия, Маргаретта и другие продолжали увещевать и утешать друг друга всю ночь.

На следующее утро каждый из них предстал перед мировым судьей и был подвергнут допросу. Все были угрюмы, решительны и убеждены, что исполняют Божью волю. Когда святую Маргаретту уводили с экзамена, она сказала Урсуле и слуге Генриху: "Мир противится, но не может помешать моей работе".

Ее слова сбылись, мир был слишком медлителен в своем движении. Амтманн не отправлял свой отчет властям Цюриха до 16-го числа, после чего он был принят к сведению, и ему были переданы распоряжения о том, что Маргарет и Элизабет должны быть отправлены в лечебницу. Тогда было уже слишком поздно.

После расследования амтманн потребовал, чтобы сапожник Джон Морф отправился домой в Ильнау, Джон и Конрад Мозеры вернулись к себе домой, а Урсулу Кюндиг отправили обратно к ее отцу. Этот приказ не был должным образом выполнен. Урсула осталась, и хотя Джон Мозер подчинился, он был готов вернуться к святой Маргарите, как только его позовут.

Как только верховная жрица вышла из комнаты, где ее осматривал управляющий, она направилась в свою спальню, где щели между стропилами, сломанными за ночь топорами и кирками, были перекрыты досками. Элизабет, Сюзанна, Урсула и служанка сидели или стояли вокруг нее и молились.

В восемь часов к ней присоединились отец и его сын Каспар, а также ее старшая сестра Барбара, приехавшая из Трюлликона. Слуга, Генрих, стал еще одним членом вновь собранной общины, и последующая ночь прошла в молитве и духовных упражнениях. Они не были проведены в тишине. В ответ на увещевания Маргарет и Элизабет, и горничная взмолились, чтобы из них вышибли дьявола. Но теперь вмешалась Урсула, поскольку у бедняжки Элизабет были сильные ушибы на груди от ударов, полученных ею предыдущей ночью. Когда наступило субботнее утро, Маргарет встала со своей кровати и сказала: "Я вижу множество душ, ищущих спасения через меня. Им нужна помощь; если бы в моей руке был меч, я могла бы сражаться за них". Немного позже она сказала со вздохом облегчения: "Агнец победил. Иди на свою работу".

Спокойствие длилось всего несколько часов. Прибыла Магдалена, жена Мозера, вместе со своим мужем и Конрадом. Не хватало только горячо любимого Якоба, который был далеко на пути домой, в Ильнау, и его почти не используемой жены Регулы.

В десять часов старый отец, его пять дочерей, сын, два брата, Джон и Конрад Мозеры, Урсула Кюндиг, горничная Яггли и мужчина Генрих Эрнст, всего двенадцать человек, собрались в верхней комнате.

Маргарет и Элизабет сидели бок о бок на кровати, последняя в полубессознательном состоянии смотрела неподвижно перед собой, Маргарет, однако, находилась в состоянии сильного нервного возбуждения. Повсюду валялось множество орудий, использовавшихся для крушения мебели; среди них были большой молоток и железный клин, используемый для колки дров. Все собравшиеся чувствовали, что вот-вот произойдет что-то экстраординарное. Они заставили всех переступить черту, отделяющую здоровый здравый смысл от мании.

Теперь Маргаретта торжественно объявила: "Я поклялась за многие души, что они не достанутся сатане. Среди них душа моего брата Каспара. Но я не могу победить в борьбе за него без пролития крови". Вслед за этим она приказала всем присутствующим возобновить избиение себя кулаками, чтобы изгнать дьявола, и они выполнили ее приказ с величайшим фанатизмом.

Теперь святая дева схватила железный клин, притянула к себе своего брата Каспара и сказала: "Смотри, Лукавый стремится завладеть твоей душой!" - и вслед за этим она начала бить его этим клином по голове и груди. Каспар отшатнулся; она погналась за ним, ударила и раскроила ему голову, так что он был весь в крови. Как он впоследствии заявил, у него не было ни малейшей мысли о сопротивлении; казалось, у него отняли силу противостоять ей. Наконец, наполовину оглушенный, он упал на землю, и отец и служанка Яггли отнесли его в постель. Старик больше не возвращался наверх, следовательно, он не присутствовал при последовавшей ужасной сцене. Но он не предпринял никаких шагов, чтобы предотвратить это. Мало того, он предотвратил любое вмешательство извне. Пока он был внизу, кто-то постучал в дверь. В этот момент Сюзанна была с ним в комнате, и он попросил ее спросить, кто был снаружи. Мужчина представился как Элиас Вогал, каменщик, и попросил разрешения войти. Старый Питер отказался, так как сказал, что хирург находится внутри. Элиас попытался протиснуться внутрь, но ему оказали сопротивление, и дверь заперли на засов. Фогель ушел и, встретив полицейского, рассказал ему о случившемся и добавил, что заметил пятна крови на рукавах старого Питера и Сюзанны. Полицейский, решив, что ложь Питера была правдой и что хирург действительно был в доме и пускал кровь полусумасшедшим людям, не обратил больше внимания на то, что услышал, и пошел своей дорогой.

Тем временем в верхней комнате комедия превратилась в ужасную трагедию. Как только раненого Каспара унесли, три сестры - Барбара, Магдалена и Сюзанна - покинули комнату, однако две последние ненадолго. Затем святая Маргарита сказала тем, кто остался с ней: "Сегодня день великих событий. Борьба была долгой, и теперь должно быть решено. Кровь должна пролиться. Я вижу дух моей матери, взывающий ко мне, чтобы я пожертвовала своей жизнью". После паузы она сказала: "А вы — все — вы готовы отдать свои жизни?" Все они с готовностью ответили, что да. Затем Маргарет сказала: "Нет, нет; я вижу, вы не умрете так легко. Но я... я должна умереть".

Вслед за этим Элизабет воскликнула: "Я с радостью умру ради спасения душ моих брата и отца. Порази меня насмерть, порази меня насмерть!" Затем она бросилась на кровать и принялась колотить себя по голове деревянным молотком.

"Мне было открыто, - сказала Маргарет, - что Елизавета пожертвует собой". Затем, взяв железный молоток, она ударила сестру по голове. Тотчас же духовная ярость охватила все избранные души, и, схватив оружие, они начали избивать бедную девушку до смерти. Маргарет в своей мании наносила удары наугад и ранила Джона Мозера и Урсуну Кюндиг. Затем она внезапно схватила последнюю за запястье и приказала ей убить Элизабет железным клином. Урсуну отпрянула: "Я не могу! Я слишком сильно люблю ее! Ты должен", - закричал святой. - "Это предопределено". "Я готова умереть", - простонала Элизабет. "Я не могу! Я не могу!" - воскликнула Урсуну. "Ты должен", - закричала Маргарет. "Я снова воскрешу свою сестру, и я тоже воскресну через три дня. Пусть Бог укрепит твою руку".

Как будто демоническое влияние исходило от святой девы и сводило с ума окружающих, всех снова охватило безумие. Джон Мозер выхватил молоток у нее из рук и ударил им распростертую

девушку снова, и еще раз, по голове, груди и плечам. Сюзанна обрушила на свое тело воронью палку, слуга Генрих ударил ее куском доски пола, а Урсула, унесенная течением, ударила ее клином по черепу. Во время суматохи святая дева кричала: "Боже, укрепи твои руки! Урсула, нанеси удар по цели! Умри за Христа, Элизабет!" Последними словами, услышанными от замученной девушки, были слова покорности воле Божьей, выраженные ее сестрой.

Можно было бы предположить, что, когда жизнь была таким образом вырвана из несчастной жертвы, убийцы пришли в себя и преисполнились ужаса и раскаяния. Но это было не так. Маргарет сидела рядом с телом своей убитой сестры, в ее глазах горел духовный экстаз, в правой руке она сжимала окровавленный молоток, ужасная своей непреклонной решимостью и демонической энергией, которая должна была овладевать ею до последнего вздоха. Ее грудь вздымалась, тело дрожало, но голос был твердым, а тон властным, когда она сказала: "Должно пролиться больше крови. Я поклялся спасти множество душ. Я должен умереть сейчас. Вы должны распять меня". Джон Мозер и Урсула, дрожа от ужаса, умоляли: "О, не требуйте этого от нас". Она ответила: "Лучше, чтобы я умерла, чем чтобы погибли тысячи душ".

С этими словами она ударила себя молотком по левому виску. Затем она протянула оружие Джону Мозеру и приказала ему и Урсуле избить ею себя. Оба на мгновение заколебались.

- Что?! - воскликнула Маргарет, поворачиваясь к своей любимой ученице. - Неужели ты этого не сделаешь? Бей, и пусть Бог укрепит твою руку!" Мозер и Урсула теперь били ее молотком, но не так, чтобы оглушить.

"А теперь, - сказала она, повысив голос, - распни меня! Ты, Урсула, должна совершить это дело".

- Я не могу! Я не могу! - всхлипывала несчастная девушка.

- Что? уберешь ли ты свою руку от дела Божьего, когда приближается час? Ты будешь нести ответственность за все души, которые будут потеряны, если не выполнишь то, что Я тебе поручил".

- Но О! только не я!.. — взмолилась Урсула.

- Да— вы. Если бы полицейские власти казнили меня, на вашу долю не выпало бы этого делать, но теперь вам предстоит выполнить работу. Иди, Сьюзен, и принеси гвозди, а остальные приготовьте крест.

Тем временем Генрих, слуга, напуганный тем, что произошло, и не желающий больше иметь ничего общего с ужасной сценой в верхней комнате, тихо спустился в дровяной сарай и делал колья для виноградных лоз. Там его нашла Сюзанна и попросила у него гвозди, сказав, для чего они предназначены. Он спокойно выбрал ей гвозди подходящей длины, а затем возобновил свою работу по изготовлению кольев для виноградной лозы. Сюзанна снова поднялась в верхнюю комнату и обнаружила Маргарет распростертой на кровати рядом с телом Элизабет, руки, грудь и ступни которой покоились на деревянных брусках, устроенных, пока Сюзанны не было, Джоном Мозером и Урсулой под ней в виде креста.

Затем начался ужасный акт распятия, который можно представить только как вспышку религиозной мании, лишивший всех, кто принимал в нем участие, всякого чувства человечности и униживший их до уровня хищных зверей. На последующем судебном процессе и Урсула, и Джон Мозер описали свое состояние как состояние духовного опьянения.

Руки и ноги жертвы были прибиты гвоздями к деревянным блокам. Затем у Урсулы закружилась голова, и она отпрянула. Маргарет снова позвала ее продолжать свою ужасную работу. "Продолжай! продолжай! Боже, укрепи твою руку. Я воскрешу Элизабет из мертвых и воскресну сам через три дня". Гвозди были вбиты в оба локтя, а также в грудь Маргарет; жертва ни на мгновение не выказала боли, и мужество не покинуло ее. Ни один индеец на костре не переносил жестокую изобретательность своих мучителей с большим стоицизмом, чем эта молодая женщина, принявшая мученическую смерть, на которую она сама себя обрекла. Она внушила своим убийцам мысль, что наделена сверхъестественной силой. Иначе и быть не могло, потому что то, что она пережила, было выше человеческих сил. То, что вместо человеческой выносливости она обладала берсеркерской силой *furor religiosus*, было тем, чего эти невежественные крестьяне никак не могли знать. Конрад Мозер едва удержался от обморока, пораженный ужасом при виде этой сцены. Он воскликнул: "Разве этого недостаточно?" Его брат Джон, стоя в ногах кровати, смотрел в пространство остекленевшими глазами. Урсула, вся в слезах, склонилась над жертвой. Магдалена Мозер не принимала активного участия в распятии; все это время она плакала, прислонившись к сундуку.

Умиравшая женщина улыбнулась. "Я не чувствую боли. Будьте сильными", - прошептала она. - А теперь вонзи мне в сердце гвоздь или нож.

Урсула попыталась сделать так, как ей было сказано, но ее рука дрожала, а нож погнулся. "Бей по моему черепу!" - это были последние слова, сказанные Маргарет. В своем безумии Конрад Мозер и Урсула Кюндиг подчинились, один с ломом, другая с молотком.

Когда жертвоприношение было совершено, наступил полдень - время обеда. Соответственно, все спустились в гостиную, где был подан и съеден ужин, который тем временем готовила Маргарет Яггли.

Едва они закончили, как вошел полицейский с бумагой на подпись старому Питеру, в которой он обязывался представить своих дочерей магистрату, когда и где потребуется. Он хладнокровно подписал его: "Я заявляю, что добьюсь того, чтобы мои дочери, если они будут в добром здравии, предстали перед Верховным Амцманном в Андельфингене, когда это потребуется". Затем полицейский удалился, не подозревая, что две девушки лежат мертвыми в комнате наверху. В воскресенье, 16-го, слугу Генриха отправили верхом в Ильнау, чтобы он вызвал Якоба Морфа приехать в Вильдисбух и стать свидетелем великого чуда. Якоб пришел туда вместе с Генрихом, но ему не рассказали об обстоятельствах распятия, пока он не добрался до дома. Когда он услышал, что произошло, он был напуган почти до полусмерти, и когда его отвели наверх, чтобы посмотреть на тела, он потерял сознание. Ничто— никакие представления не могли заставить его остаться ради чудесного воскрешения, и он поспешил обратно в Ильнау, где слег в постель. В тревоге и ужасе он послал за пастором и рассказал ему о том, что видел.

Но остальная часть святой общины оставалась непоколебимой в своей вере. В ночь на воскресенье, перед тем как наступило утро понедельника, Урсула Кюндиг и слуга Генрих поднялись наверх с клещами и вытащили гвозди, которыми была пронзена Маргаретта. Когда на последующем судебном процессе их спросили, зачем они это сделали, они сказали, что, по их мнению, это облегчило бы воскрешение Маргаретты. *Святой фурор* уступил место *святой простоте*.

Ночь с понедельника на вторник была проведена в молитве и чтении Священных Писаний в верхней комнате и в нетерпеливом ожидании обещанного чуда, которое так и не произошло. Катастрофу больше нельзя было скрывать. Необходимо было что-то предпринять. Во вторник старый Джон Питер надел куртку и пошел в Трюлликон, чтобы сообщить пастору, что его дочь Элизабет умерла в субботу в 10 часов утра, а его дочь Маргаретта - в полдень того же дня.

Нам нужно сказать немного больше. 3 декабря 1823 года в Цюрихе состоялся суд над всеми обвиняемыми в этой ужасной трагедии, и на следующий день был вынесен приговор. Урсула Кюндиг была приговорена к шестнадцати годам тюремного заключения, Конрад Мозер и Джон Питер - к восьми годам, Сюзанна Питер и Джон Мозер - к шести годам, Генрих Эрнст - к четырем годам, Якоб Морф - к трем, Маргарет Яггли - к двум годам, Барбара Бауманн и Каспер Петер - к одному году, а Магдалена Мозер - к шести месяцам каторжных работ. Дом в Вильдисбухе было приказано сровнять с землей, провести плугом по фундаменту и больше не возводить на этом месте никаких домов.

Однако перед разрушением место ее гибели посетило паломничество пиетистов и верующих в Маргарет Питер, и многие выражали восхищение ее поведением. "О, если бы это я умер!" "О, сколько душ, должно быть, она спасла!" и тому подобное. *Magna est stultitia et praevallebit.*

В такое время, как настоящее, когда волна горячей мистической лихорадки захлестывает страну и уносит с собой тысячи невежественных и импульсивных душ, хорошо, что эта история, какой бы отталкивающей она ни была, должна быть доведена до сведения, как предупреждение о том, к чему может привести это духовное возбуждение — а может быть, и не к кровопролитию. Гораздо более вероятно, что это приведет, как это неизменно происходило при каждой подобной вспышке, к моральным расстройством, о которых в случае с Маргареттой Питер мы умолчали почти ни словом.

Authority: Die Gekreuzigte von Wildisbuch, von J. Scherr, 2nd Edit., St. Gall. 1867. Шерр посетил место происшествия, собрал информацию от очевидцев и сделал обширные выписки из протоколов судебного процесса в цюрихских архивах, где они содержатся в томе 166, фолио 1044, под заголовком: "Действие улучшилось, когда Гройель-сцена в Вильдисбухе".

Северный Рафаэль.

То тут, то там в галереях Северной Германии и России можно увидеть картины, отличающиеся изысканностью и чистотой, изысканностью цвета и чистотой дизайна, автором которых был Герхард фон Кюгельген. Большинство его картин находятся в частных руках; но Аполлон, держащий на руках умирающего Гиацинта, находится во владении германского императора; Моисей на Хориве находится в галерее Академии изящных искусств в Дрездене; Святая Цецилия и Адонис, написанные в 1794 и 1795 годах, были приобретены графом Бристольским; Святое семейство находится в галерее в Касселе; и некоторые священные сюжеты попали в церкви.

В 1772 году жена Франца Кюгельгена, торговца из Бахараха на Рейне, подарила своему мужу сыновей-близнецов, старший из которых на пятнадцать минут является предметом настоящего уведомления. Его брата звали Карл. Их сходство было настолько велико, что даже их матери в раннем детстве было трудно отличить одного от другого.

Бахарах был курфюрстом Кельна, и когда архиепископ-курфюрст Максимилиан Франц узнал, что близнецы увлекаются искусством, в 1791 году он очень щедро выделил им кругленькую сумму денег, чтобы они могли посетить Рим и продолжить там свое обучение.

Герхард сразу же был очарован скульптурами в Ватикане и картинами Рафаэля. С тех пор целью его жизни было объединить красоту моделирования человеческой формы, которую он видел в греко-римских статуях, с красотой цвета, которую он узнал в полотнах Рафаэля. Карл, с другой стороны, посвятил себя пейзажам.

В 1795 году братья расстались, и Герхард решил, что сможет посетить Мюнхен. Оттуда, осенью, он поехал в Ригу со своим другом и пробыл там более двух лет, написав и продав около пятидесяти четырех картин. Затем он рисовал в Санкт-Петербурге и Ревеле и, наконец, в 1806 году вступил в семейную жизнь и начал регулярно работать в Дрездене. Там он стал всеобщим любимцем не только из-за своего художественного гения, но и из-за очарования его скромных и добродушных манер. Он пользовался почетом при Дворе и всеобщим уважением за свои добродетели. К нему посыпались заказы, и его картины продавались по хорошим ценам. Король Саксонии облагородил его, то есть возвысил над бюргерами, предоставив ему привилегию писать *Фон* перед своим отчеством.

Получив заказ из Риги на большую алтарную картину, он купил виноградник на берегу Эльбы, откуда открывался очаровательный вид на реку и далекие голубые чешские горы. Здесь он решил построить загородный дом на лето с большой студией, освещенной с севера. Строительство этой резиденции было для него большим удовольствием и занятием. В ноябре 1819 года он писал своему брату: "Мой дом будет для нас настоящим сказочным дворцом, в котором мы будем жить до тех пор, пока не придет время, когда через маленькую, узкую и темную дверь мы войдем в то великое жилище Небесного Отца, в котором много особняков и где вся наша семья воссоединится. Если Богу будет угодно отозвать меня, то Лили (его жена) сочтет это приятным приданным домом, в котором она сможет присматривать за образованием детей, поскольку расстояние от города составляет всего час ходьбы".

Эти слова были написаны, возможно, без особых раздумий, но они предвещали ужасную катастрофу. Кюгельген пройдет, прежде чем его сказочный дворец будет готов принять его, через эту маленькую узкую дверь в небесные чертоги.

Страстная неделя 1820 года застала его в состоянии необычайно глубокого религиозного волнения. Он был католиком, но, тем не менее, позволил своему сыну пройти конфирмацию у протестантского пастора. Церемония сильно повлияла на него, и он сказал другу, который был поражен силой его чувств: "Я знаю, что никогда больше не буду так счастлив, пока не попаду на Небеса".

27 марта, в самый день конфирмации, он после обеда отправился на прогулку в одиночестве к своему винограднику, чтобы посмотреть на свои постройки. Он пригласил одного из своих учеников составить ему компанию, но у молодого человека были какие-то дела, и он отказался.

В 5 часов вечера он был в новом доме, где заплатил рабочим, дал некоторые инструкции и указал, где он будет сажать растения, чтобы подчеркнуть живописность этого места. Где-то между шестью и семью часами он вышел, чтобы пешком вернуться в Дрезден по дороге из Баутцена.

Каждый, кто бывал в саксонской столице, знает эту дорогу. Правый берег Эльбы над Дрезденом поднимается от реки на живописные высоты, покрытые садами и виноградниками, а примерно в миле от моста находится Линкес-Бад с его прекрасными садами, театром, музыкой и банями. Эта дорога - одна из самых очаровательных и, следовательно, наиболее посещаемых за пределами столицы. В тот вечер, о котором идет речь, светила пасхальная луна.

Кюгельген не вернулся домой. Его жена отправила его сына, только что конфирмованного мальчика 17 лет, в новый дом, узнать о своем муже. Там мальчик узнал, что ушел несколько часов назад. Он вернулся домой и обнаружил, что его отец все еще не вернулся. С полицией связались, и ночь прошла в расспросах и обысках, но все было напрасно. На следующее утро, в 9 часов утра, когда мальчик переходил ту же дорогу вместе с жандармом, он счел за благо исследовать тропинку вдоль реки, которая впадала в Эльбу, и там, наконец, в зарослях тростника они обнаружили мертвое тело художника, раздетое до рубашки и панталон, лежащее лицом вниз.

Герхард фон Кюгельген был убит. Лицо его было в порезах и кровоподтеках, левый висок и челюсть были сломаны. По речному илу можно было проследить следы двух человек, которые шли через поле к шоссе. Очевидно, художника убили на дороге, затем отнесли или дотащили до тропинки, раздели там, а затем бросили в камышах. Примерно в двадцати четырех шагах от того места, где он лежал, между ним и шоссе, была найдена его кепка.

Волнение, тревога, возникшие в Дрездене, были огромны. Кюгельген пользовался всеобщим уважением, но каждый был в смятении при мысли о том, что его собственная безопасность была поставлена под угрозу, если подобное убийство могло быть совершено на открытой дороге, в нескольких шагах от ворот. Действительно, место, где было совершено преступление, находилось всего в сотне шагов от Линкс-Бад, одного из самых популярных курортов Дрездена.

Теперь вспомнили, что всего за несколько месяцев до этого недалеко от того же места было совершено другое убийство, которое осталось нераскрытым. В том случае жертвой был бедный подмастерье плотника.

В тот же день, когда было найдено тело Кюгельгена, правительство предложило сумму в 150 фунтов стерлингов за поимку убийцы. Чуть позже несколько детей нашли среди мусора за Черными воротами Дрезденского Форштадта синий матерчатый плащ, свернутый и закопанный под какими-то камнями. Было установлено, что он принадлежал Кюгельгену. Более того, в кармане лежал маленький "Томас Кемпис", который он всегда носил с собой.

Был сделан вывод, что убийца не рискнул пронести всю одежду Кюгельгена в город через ворота и, следовательно, спрятал части одежды в местах, откуда он мог снимать их одну за другой, никем не замеченный. Убийца, несомненно, был жителем города.

С 29 марта по 4 апреля полиция оставалась без какой-либо зацепки, хотя описание одежды убитого и его часов было вывешено на каждом углу и разослано по ближайшим городам и деревням.

Рабочие, которые ремонтировали дом Кюгельгена, предстали перед полицией. Они уехали после его отъезда и получили от него деньги; но их уволили, поскольку против них не было никаких улик.

Поскольку, казалось, никакого света на это загадочное дело не пролилось, полиция выяснила обстоятельства предыдущего убийства. 29 декабря 1819 года возчик на большой дороге нашел по дороге тело. Было установлено, что это тело ученика плотника по имени Винтер. Его череп был проломлен. Не было найдено ни малейших следов убийцы; не было обнаружено даже следов ног. Однако стало известно, что 28 декабря почти в том же месте на жену рабочего напал мужчина в военной фуражке и плаще; и ей удалось спастись от него только при приближении экипажа, звук колес которого встревожил его и заставил бежать. Он бежал в направлении Черных Ворот и казарм.

Беспокойство дрезденцев казалось оправданным. В Форштадте обитал какой-то кровожадный негодяй, который слонялся у ворот, подстерегая не только богатых мужчин, но и бедных поденщиц и подмастерьев.

Военный плащ и фуражка, направление, в котором бежал нападавший, давали своего рода зацепку — и полиция заподозрила, что убийцу следует искать среди солдат.

4 апреля два ростовщика-еврея предстали перед полицией и передали серебряные часы, которые были оставлены у них в 9 часов утра 20 марта, то есть на следующее утро после убийства Кюгельгена, и которые соответствовали объявленному описанию потерянных часов художника. Его сразу же опознали. Человек, заложивший его, по словам евреев, был одет в форму солдата-артиллериста.

По просьбе гражданских властей военные провели в казармах допрос. Всех солдат-артиллеристов заставили пройти перед евреями-брокерами, но они не смогли опознать человека, который передал им часы. Несколько позже в тот же день один из этих евреев, проходя по улице, увидел мужчину в гражданской одежде, в котором, как ему показалось, он узнал того самого человека, который подарил ему часы. Он сразу же подошел к нему и рассказал о часах. Мужчина сначала признал, что заложил часы, затем отрицал это и угрожал еврею, когда тот продолжал цепляться за него. Подошел жандарм и, услышав, из-за чего разгорелся спор, арестовал человека, назвавшегося артиллеристом Фишером.

Фишера немедленно допросили, и он упрямо отказался признать, что отдал часы еврею.

Подозрения против него усилились после того, как он заявил, что ничего не слышал об убийстве — об этом много говорили в Дрездене — и что он не видел объявлений с предложением вознаграждения за поимку убийцы. Однако на следующий день, 5 апреля, он признался, что заложил часы, которые он якобы нашел за Черными Воротами. Несколько часов спустя он отказался от этого признания, сказав, что был настолько сбит с толку заданными ему вопросами

и так встревожен своим арестом, что не очень хорошо понимал, что говорит. Было замечено, что Фишер был человеком с очень низкими интеллектуальными способностями.

В тот же день его облачили в военную форму и представили ростовщикам. Оба единодушно заявили, что он *не* был тем человеком, который вошел в их магазин и отдал им часы. Они оба заявили, что, хотя Фишер был того же роста и общего телосложения, что и мужчина, о котором идет речь, и у него были те же светлые волосы, все же лицо у него было другое.

На этом дело против Фишера было прекращено; тем не менее, хотя военные власти передали его гражданским властям, он оставался под арестом. Общественность была убеждена в его вине, и полиция надеялась, оставив его в тюрьме, вытянуть из него позже какую-нибудь информацию, которая могла бы оказаться полезной.

И действительно, пробыв две недели под арестом, он добровольно дал показания. Он немедленно предстал перед магистратом и признался, что убил фон Кюгельгена. Он, однако, категорически отрицал, что поднимал руку на плотника Винтера. Тем не менее, на обратном пути в свою камеру он сказал тюремщику, что совершил и это убийство. На следующий день он снова предстал перед мировым судьей и признался в обоих убийствах. Его отвезли на те места, где были найдены два трупа, и там он повторил свое признание, хотя и не вдаваясь в какие-либо подробности.

Но на следующее утро, 21 апреля, он попросил, чтобы его снова выслушали, и тогда он заявил, что его прежние признания были ложными. Он признался просто потому, что устал от своего заключения и скудной пищи, которую ему давали, и решил умереть. Когда судьи серьезно поговорили с ним и упрекнули в его противоречиях, он закричал, что невиновен. Пусть они мучают его сколько им заблагорассудится, он хотел умереть.

Но едва он вернулся в свою тюрьму, как сказал тюремщику, что это правда, что он был убийцей и Кюгельгена, и Винтера. Он снова признался перед мировым судьей и снова, 27-го числа, отозвал свое признание и заявил о своей невинности.

21 апреля обнаружился новый элемент в этом деле, который немало озадачил вопрос.

Еврейский ростовщик Лебель Графф объявил, что 3 февраля 1820 года он получил от артиллериста Кальтофена зеленый сюртук, а 4 апреля темно-синий суконный сюртук, испачканный масляными пятнами, а также пару суконных брюк. Поскольку оба пальто показались ему подозрительными и походили на те, что были описаны в рекламе, он расспросил о них Кальтофена, но получил двусмысленные ответы, и Кальтофен, наконец, признался, что купил их у артиллериста Фишера.

Джон Готфрид Кальтофен был молодым человеком 24 лет, слугой одного из офицеров, и поэтому не жил в казармах. Теперь его забрали. Его манеры и внешность говорили в его пользу. Он был откровенен и сразу признался, что отдал два пальто Граффу и что он купил их у Фишера. При очной ставке с последним он повторил то, что уже сказал. Фишер пришел в замешательство, отрицал, что ему что-либо известно о Кальтофене, заявлял о своей невинности и отрицал продажу пальто, одно из которых тем временем было идентифицировано как принадлежащее Винтеру, а другое - Кюгельгену.

27 апреля в квартире Кальтофена был произведен обыск, и там были найдены спрятанные три ключа, которые, как оказалось, принадлежали Кюгельгену. Сначала Кальтофен заявил, что ему ничего не известно об этих ключах, но впоследствии сказал, что, поразмыслив, он вспомнил, что нашел их в кармане синего пальто, которое купил у Фишера, и убрал их, прежде чем избавиться от пальто, и больше не думал о них. Вскоре после того, как Фишера отправили обратно в тюрьму, он снова попросил предстать перед мировым судьей и теперь признал, что это была чистая правда, что он продал оба пальто Кальтофену.

Однако, пока это признание записывалось, он снова заколебался, не выдержал и отрицал, что продал их Кальтофену или кому-либо еще. "Я больше ничего не могу сказать", - выкрикнул он. - "У меня кружится голова".

Этим заявлением он остался, заявляя о своей невинности, и заявил, что признал свою вину только потому, что боялся жестокого обращения в тюрьме, если продолжит настаивать на своей невинности. Следует помнить, что тюремщики были так же убеждены в его виновности, как и общественность Дрездена; и примечательно, что под давлением с их стороны Фишер всегда признавал свою вину; тогда как перед магистратами он был готов заявить, что невиновен. В то время в обязанности тюремщика входило, или предполагалось, что это так, приложить все возможные усилия, чтобы добиться от заключенного признания. И вот теперь, 27 апреля, на сцене появился третий наводчик. Его звали Кисслинг, и он попросил судью записать его показания, которые сводились к тому, что Кальтофен, который был уволен, признался ему, что убил Кюгельгена дубинкой и что у него все еще была спрятана кое-какая его одежда в квартире. Но — так сказал Кисслинг — Кальтофен беспечно заявил, что свалит все на Фишера. Кисслинг, кроме того, достал пару сапог, которые, по его словам, Кальтофен оставил у него для замены подошвы, поскольку он был полковым сапожником. И в этих ботинках сразу же узнали те, что были на Кюгельгене, когда он был убит.

Кальтофен был немедленно повторно арестован и привлечен к очной ставке с Кисслингом. Он сохранил самообладание и сказал, что это совершенно верно, что он отдал Кисслингу пару ботинок на замену подошвы, но это была пара, которую он купил на рынке. Но тем временем был проведен еще один обыск в его квартире, и было найдено несколько предметов, которые, несомненно, принадлежали убитым мужчинам, Винтеру и Кюгельгену. Они были расставлены на столе вместе с парой ботинок, доверенных Кисслингу, и Кальтофену показали их. До сих пор молодой человек проявлял флегматичное хладнокровие и открытость манер, которые располагали к себе всех, кто его видел. Более того, его интеллект выгодно отличался от интеллекта Фишера. Но вид всех этих предметов, разложенных перед ним, потряс Кальтофена, и, потеряв присутствие духа, он в ярости набросился на своего товарища, сапожника, и обругал его за то, что тот предал его доверие. Только после того, как он разразился потоком оскорблений, судья смог заставить его сказать что-либо по поводу предъявленного обвинения, и тогда — все еще разгоряченный и задыхающийся от натиска на Кисслинга — он признал, что он, а не Фишер, был убийцей в обоих случаях. Фишер, по его словам, был полностью невиновен не только в участии в преступлениях, но и в том, что знал о них. Краткое содержание его признания, часто повторяемого и никогда не забиравшегося обратно, было следующим: — Нуждаясь в деньгах, он трижды за одну неделю выезжал за пределы города в конце декабря 1819 года с намерением убить и ограбить первого попавшегося человека с охраной. Для этой цели он запасся дубинкой под плащом. 29 декабря он выбрал Винтер в качестве своей первой жертвы. Он позволил ему пройти, затем прокрался за ним и внезапно нанес ему удар по

затылку, прежде чем молодой человек обернулся, чтобы посмотреть, кто следует за ним. Винтер упал, после чего он, Калтофен, еще дважды ударил его по голове. Затем он снял со своей жертвы воротничок, пальто, шляпу, платок, часы и немного денег — не более четырех шиллингов английскими монетами, а также несколько инструментов. Он был занят тем, что стаскивал сапоги и брюки, когда его встревожил топот лошадей и стук колес, и он побежал через поля со своей добычей. Он заставил Кисслинга избавиться от шляпы для него и других вещей, которые он сам продал евреям. Был ли это он тем, кто напал на бедную женщину, нам не сообщается. Подобным образом Кальтофен поступил с Кюгельгеном. Ему снова не хватало денег. Он играл в азартные игры и проиграл то небольшое, что у него было. В понедельник Страстной недели 1820 года он снова взял свою дубинку и вышел на Баутценскую дорогу. Ярко светила луна, и он встретил джентльмена в синем плаще, медленно идущего в сторону Дрездена. Он позволил ему пройти, затем последовал за ним. Поскольку женщина шла в том же направлении, но быстрее, он отложил свою цель, пока она не скрылась за первыми домами пригорода. Затем он поспешил дальше, ступая легко, и, подскочив сзади к Кюгельгену, ударил его сзади дубинкой по правому виску. Кюгельген упал, не издав ни звука. Калтофен тут же схватил его за шиворот и потащил через поле к берегу реки. Там он нанес ему еще несколько ударов, а затем начал раздевать его. Занимаясь этим, он вспомнил, что мертвец уронил свою трость на большой дороге, когда его ударили в первый раз. Калтофен сразу же отказался от того, что он собирался сделать, чтобы вернуться на дорогу и забрать трость. Вернувшись к своей жертве, он подумал, что в ней все еще есть жизнь; Кюгельген двигался и пытался подняться. После чего Кальтофен несколько раз ударил его своей дубинкой, пока у него не исчезли все признаки жизни. Теперь он завершил свою кражу, снял ботинки, развязал шейный платок и обшарил карманы. В дополнение к часам он нашел сумму примерно в полгинеи. Затем он крался среди камышей, пока не добрался до Линкес-Бад, где вернулся на главную дорогу. Он спрятал плащ у Черных Ворот, но остальную добычу отнес к себе домой.

Его признание было подтверждено несколькими обстоятельствами. От Кисслинга снова потребовали повторить то, что он услышал от Кальтофена, и история, рассказанная им, в точности совпадала с той, в которой теперь признался убийца. Кисслинг добавил, что Кальтофен сказал ему, что он был озадачен самоанализом Фишера, поскольку знал, что этот человек не имел никакого отношения к убийству. Третий осмотр жилища Калтофена привел к обнаружению всех остальных вещей убитого. Более того, когда Кальтофен столкнулся с двумя евреями, которые 24-го числа забрали серебряные часы, они сразу узнали в нем человека, который передал их им.

Наконец, он признался, что был связан с Кисслингом в двух ограблениях, одним из которых было нападение со взломом на его собственного хозяина.

Дело против Кальтофена было изложено достаточно ясно, и казалось столь же очевидным, что Фишер невиновен. Более того, начиная с 24 апреля Фишер ни разу не отступал от своего заявления о полной невинности. Когда его спросили, почему он признал себя виновным, он сказал, что на это его вынудил тюремщик, который несколько раз заковывал его на целую ночь в колодки и угрожал ему более суровыми мерами, если он не признает своей вины. Тюремщик признал, что однажды так обошелся с Фишером, но Фишер настаивал на том, что его пытали таким образом две ночи подряд.

Было установлено, что Фишер не только знал об убийстве Кюгельгена, но и присутствовал на его похоронах, и все же при первом аресте он притворился полным или почти полным невежеством. Когда его попросили объяснить это, он ответил, что был так напуган, что нашел убежище во лжи. То, что он был туповатым, крайне невежественным человеком, было очевидно судьям и всем, кто имел с ним дело; ему было тридцать лет, он провел тринадцать лет в армии, вел себя хорошо, но ему никогда не доверяли никаких важных обязанностей из-за его глупости. У него были тусклые глаза и тяжелое выражение лица. Кальтофен, с другой стороны, был симпатичным, хорошо сложенным молодым человеком двадцати четырех лет, с ярким, умным лицом; его образование было выше обычного в его классе. Именно это возбудило в нем тщеславие и тягу к удовольствиям и увеселениям, которые он не мог себе позволить. Его любезные манеры, опрятность и жизнерадостность сделали его любимцем офицеров.

Как уже упоминалось, он любил играть, и именно это побудило его совершать убийства. Он признал, что почти не испытывал угрызений совести, и откровенно сказал, что для общества было хорошо, что его забрали, иначе за смертью Кюгельгена последовали бы другие. Он говорил о совершенных им преступлениях открыто и безразлично и сохранял это состояние бессердечия до конца. По-видимому, несколько раз было принято, чтобы лютеранские пасторы, присутствовавшие при последних часах преступников, публиковали свое мнение о том, каким образом они готовились к смерти, и свои идеи относительно мотивов совершенных преступлений, что, по нашим представлениям, является в высшей степени неприличным. В данном случае капеллан, присутствовавший на Кальтофене, ворвался к священнику после казни. Он сказал: "Игра, возможно, вызвала тот недостаток чувств, который приведет к совершению самого ужасного преступления без угрызений совести ради удовлетворения временной потребности. Кальтофен, не будучи грубым по отношению к своим товарищам, а наоборот, услужливым и обходительным, стал относиться к ним с жестоким безразличием". По его словам, только дважды он испытывал какие-либо угрызения совести: один раз перед своим первым убийством и еще раз на похоронах своей второй жертвы, на которых он присутствовал. Преступник был теперь известен, он сознался и признался, что у него не было сообщника. Более того, он заявил, что Фишер был полностью невиновен. Не было представлено ни единой улики, изобличающей Фишера, кроме его собственных признаний, от которых он отказался. Тем не менее он не был освобожден.

Полиция не могла поверить, что у Калтофена не было сообщника. На лице и теле Кюгельгена были нанесены ножевые ранения, и Кальтофен заявил, что не использовал никакого другого оружия, кроме дубинки. Убийца сказал, что он протащил тело через поле к камышам, и было решено, что должны были быть следы этого волочения. Некоторые свидетели действительно утверждали, что видели такие, но другие утверждали, что там были следы двух мужчин. Это, однако, можно было объяснить признанием Калтофена, что он вернулся на дорогу за тростью.

Затем, опять же, Фишер на допросе дал подробности, которые поразительным образом соответствовали обстоятельствам. Его попросили объяснить это. "Ну, - сказал он, - он слышал много разговоров об убийствах, и ему было неприятно думать о том, что он проведет долгие годы в тюрьме, и поэтому он признался". Когда его спросили, откуда ему известны подробности убийства Уинтера, он ответил, что в этом ему помог тюремщик. Сначала он сказал: "Я подошел к

нему с левой стороны", на что тюремщик сказал: "Конечно, вы ошибаетесь, это было справа", после чего Фишер исправился и сказал: "Да, конечно, справа".

Теперь дело было готово к вынесению окончательного приговора, и с этой целью все показания были направлены 12 сентября в судебный орган в Лейпциге. Но еще до вынесения приговора за показаниями были спешно отправлены обратно в Дрезден, поскольку тем временем дело перешло в новую фазу. 5 октября тюремщик — тот самый человек, который добился признания Фишера, — объявил, что Кальтофен признался ему, что Фишер действительно был его сообщником в обоих убийствах. Кальтофена немедленно вызвали к мировому судье, и он спокойно и с ударением заявил, что Фишер помогал ему в обоих случаях и что он не допускал этого раньше, потому что они с Фишером поклялись, что ни один из них не предаст другого. Фишер никогда не упоминал его имени, и он, соответственно, сделал все возможное, чтобы оправдать Фишера.

Согласно его рассказу, они с Фишером прогуливались вместе утром 26 марта, между 9 и 10 часами, когда вместе планировали убийство на следующий день. Однако имелись опровергающие доказательства того, что в то утро, о котором идет речь, Фишер в указанный час стоял на страже перед пороховым складом; его освободили только в полдень. Другие утверждения Кальтофена оказались столь же неправдивыми.

Что могло побудить Кальтофена сознательно обвинить товарища по оружию в причастности к преступлению, если он был невиновен? Очевидного мотива не было. Этим он не мог добиться отсрочки приговора. Это не сильно уменьшило его собственную вину.

Было необходимо провести как можно более тщательное расследование местонахождения Фишера во время совершения двух убийств. Установить, где он находился в то время, когда был убит Винтер, оказалось невозможным, но некоторые из его товарищей поклялись, что 27 марта он присутствовал на переключке в 18 часов вечера и пришел в барак перед второй переключкой в половине девятого. Убийство Кюгельгена произошло в восемь часов, и расстояние между баракom и местом, где оно было совершено, составляло 3487 шагов, на преодоление которых человеку потребовалось бы около 25 минут. Если, как утверждали его товарищи, Фишер вернулся вскоре после восьми, то совершенно невозможно, чтобы он присутствовал при убийстве Кюгельгена; но нельзя особо полагаться на показания солдат относительно часа, в который товарищ пришел в казарму всего семь месяцев назад в тот же день.

Случай был запутанным. Адвокат Фишера — его звали Айзенштюк — занял смелую линию защиты. Он обвинил тюремщика в том, что тот манипулировал Кальтофеном, как и Фишером. Самолюбие этого тюремщика было уязвлено открытием, что убийцей был Кальтофен, а не Фишер, и его репутации был нанесен ущерб в результате судебного разбирательства, которое показало, что он подтолкнул несчастного человека, вверенного его попечению, обвинить себя в преступлении, которого тот никогда не совершал. Айзенштюк утверждал, что это новое обвинение было сфабриковано в тюрьме тюремщиком совместно с Кальтофеном для его собственного оправдания. Но, что бы ни думали о характере и поведении этого надзирателя, трудно понять, как он мог убедить такого хладнокровного человека, как Кальтофен, взять на себя дополнительную вину в лжесвидетельстве, причем таком лжесвидетельстве, которое ставило под угрозу жизнь невинного человека. Кальтофен так и не отказался от своего утверждения о том, что Фишер был сообщником. Он настаивал на этом до последнего вздоха.

18 декабря показания были снова отправлены профессорско-преподавательскому составу в Лейпциг для вынесения суждения по следующим пунктам.

1. При осмотре тела Кюгельгена были обнаружены удары, нанесенные острым обоюдоострым предметом, а также удары, нанесенные тупым оружием. Калтофен признался бы, что не использовал никакого другого инструмента, кроме дубинки.
2. Одному человеку было бы трудно перетащить мертвое тело с дороги на заросли камыша, не оставив на пройденном поле безошибочных следов; и таковых наверняка обнаружено не было. Следовательно, более вероятно, что мертвеца несли два человека к месту, где его нашли.

Следует отметить, что толпы людей хлынули из Дрездена, чтобы посмотреть на место, где лежало тело, как только стало известно, что обнаружен Кюгельген, и, следовательно, не было проведено точного и своевременного исследования следов на поле.

3. Что Калтофену в одиночку было бы трудно раздеть тело. В этом можно усомниться; возможно, это было бы трудно, но не невозможно, пока тело было гибким.
4. Свидетельница сказала, что вечером 27 марта она встретила двух мужчин за Черными воротами, один из которых был закутан в плащ и, казалось, что-то нес под ним. Нам бы очень хотелось знать, когда женщина дала эти показания. К сожалению, именно об этом нам не сообщили.
5. Кальтофен в письме своим родителям заявил, что у него был сообщник, но не назвал его имени.

Именно эти моменты наводили на мысль, что у Калтофена был сообщник. Соучастник некоторых его преступлений у него был — Кисслинг.

Были и другие моменты, которые наводили на мысль, что Фишер помогал ему в убийствах.

6. Отрицание Фишером того, что он что-либо знал об убийстве Кюгельгена на момент ареста, тогда как было установлено, что он присутствовал на похоронах убитого.
7. Его неоднократные признания в том, что он участвовал в убийствах, и его знакомство с подробностями и местностью.

8. Утверждения Кальтофена о том, что Фишер был его сообщником в убийствах.

В пользу Фишера можно сказать, что его поведение в армии на протяжении тринадцати лет было неизменно хорошим, и не было никаких доказательств того, что он каким-либо образом был виновен в нечестности. Он также не был человеком экстравагантных привычек, как Кальтофен, нуждающимся в деньгах для своих удовольствий. Он был простым, безобидным и очень глупым человеком. Его признания теряют всякий эффект, когда мы задумываемся о том, как они были вырваны у него путем неправомерного влияния.

Против более позднего обвинения Кальтофена следует противопоставить его неоднократное заявление в течение шести месяцев о невиновности Фишера. И не только это, но и его конфиденциальное заявление Кисслингу о том, что он недоумевает, что могло побудить Фишера признать себя виновным в преступлении, в котором он — Кальтофен — знал, что тот невиновен.

Когда Кисслинг давал эти показания 24 апреля, Кальтофен не отрицал, что он это сказал, но впал в пароксизм ярости на своего товарища за то, что тот предал их частную беседу.

Опять же, при Фишере не было найдено ни одной вещи, принадлежащей кому-либо из убитых. Все без исключения были выведены на Кальтофена. Именно последний спрятал пальто Кюгельгена и отдал его часы евреям. Именно он уговорил Кисслинга избавиться от зимней шапки для него и отдал ботинки последней жертвы Кисслингу в починку.

4 января 1821 года суд в Лейпциге вынес свое решение; что Кальтофен из-за двух совершенных убийств и признания в них должен быть приговорен к смертной казни на колесовании; "но что Джон Джордж Фишер должен быть освобожден от должности из-за отсутствия доказательств соучастия в убийствах". Тюремщик был освобожден от занимаемой должности.

Кальтофен обжаловал приговор, но безуспешно. Приговор был подтвержден. Основанием для его апелляции было то, что виновен был не только он. Король заменил казнь колесованием на казнь мечом.

Приговор суда вызвал сильнейшее волнение в Дрездене. Настроения против Фишера были сильными и всеобщими; тюремщик всего лишь представлял всеобщее мнение. Фишер, который признался в убийстве, Фишер, который, по утверждению Кальтофена, был так же глубоко запятнан преступлением, как и он сам, должен был выйти на свободу. Полицейские власти не привели приговор об увольнении в исполнение в полной мере; они действительно освободили его из тюрьмы, но поместили под надзор полиции, и он был уволен из артиллерии под предлогом того, что он отрекся от самого себя. Пастору Джаспису было поручено подготовить Кальтофена к смерти; и мы довольно хорошо знаем, что произошло между ним и осужденным, поскольку он имел неприличие сообщить об этом миру. Джаспис действительно навестил его в тюрьме, когда его впервые арестовали, и тогда Кальтофен заявил, что совершил убийства совершенно без посторонней помощи. Когда Яспис заметил ему в апреле 1820 года, что существуют обстоятельства, делающие это в высшей степени невероятным, Кальтофен оборвал его ответом: "Я был один". Впоследствии, когда он изменил свою записку, Джаспис напомнил ему о его предыдущем заявлении, но Кальтофен притворился, что не помнит, чтобы когда-либо делал это.

К концу своих дней Кальтофен был глубоко взволнован и очень беспокойный. Когда Джаспис дал ему книгу молитв и медитаций для тех, кто попал в беду, он отобрал ее у него и сказал, что эта книга неподходящая и предназначена только для невинных. У него были посетители, которые сочетали благочестие с любознательностью и приходили обсудить с ним состояние его души. Тщеславие Кальтофена было воспламенено, и он был рад позировать перед этими фанатиками. Когда он услышал, что Яспис проповедовал о нем в Кройц-Кирхе в воскресенье перед казнью, он был очень рад и сказал: "Он действительно хотел бы услышать, что о нем говорили".

После этого Джаспис подготовил свою проповедь и прочитал ее несчастному человеку, но говорит нам, что даже самые трогательные места обращения не смогли пробудить в его душе подлинного раскаяния. Если только он не мог разыгрывать святого перед публикой, он был холоден и безразличен. Его огромное тщеславие, однако, было уязвлено мыслью, что его утверждению не поверили, что Фишер был его сообщником в его преступлениях. Он всегда

стремился узнать, какие слухи о нем ходят по городу, и ему было приятно думать, что он был темой общего разговора.

В ночь перед казнью он крепко проспал пять часов, а затем раскурил трубку и спокойно курил. Однако его состояние не было связано с обострением чувств, поскольку он до последнего проявлял значительную готовность и сознательность. Он составил предсмертное обращение, которое передал пастору Джаспису и которому, очевидно, придавал большое значение, поскольку, когда его первый экземпляр загорелся, когда он сушил его, он принялся за составление второго. Он знал своего человека — Джасписа — и был уверен, что тот опубликует это после казни. Газета была вздором, в котором он позировал миру.

Добравшись до рыночной площади, где должна была состояться казнь, он повторил свое признание, но на этот раз без упоминания сообщника. Его самообладание лопнуло, и он начал всхлипывать. Однако, когда он взошел на эшафот, вид огромной толпы, собравшейся посмотреть, как он умирает, отчасти вернул ему самообладание, поскольку это тешило его тщеславие; но он снова сломался, когда сделал свою последнюю исповедь лютеранскому пастору. Голос его дрожал, на лбу выступил пот. Затем он вскочил и закричал так, чтобы все могли слышать— "Господа, Фишер заслужил такое же наказание, как и я". В следующее мгновение его голова отделилась от тела.

Эти слова были слышны всем на рыночной площади. Кто мог сомневаться в том, что его последние слова были правдой?

Случилось так, что Фишер в тот самый день (12 июля) оказался в Дрездене. Его видели, и он был узнан.

Он приехал в Дрезден, чтобы встретиться со своим адвокатом и попросить его использовать свое влияние для полного освобождения от полицейского надзора и восстановления в правах честного человека и солдата с правом на пенсию.

Огромная толпа людей покатила от места казни к дому Айзенштюка, крича и угрожая разорвать Фишера на куски.

Но Айзенштюк был не из тех людей, которых можно бояться. Он вызвал экипаж, сел в него вместе с Фишером и медленно, с предельным самообладанием поехал сквозь разъяренную толпу.

26 августа 1822 года по приказу короля имя Фишера было заменено в армейском списке, и он получил полное освобождение от всех последствий выдвинутых против него обвинений. Ему была гарантирована пенсия за "верную службу в течение 16 лет и в кампаниях 1813, 1814 и 1815 годов, в ходе которых он вел себя с одобрения всех своих офицеров".

Как нам объяснить поведение Кальтофена? Самый простой способ - признать, что он говорил правду; но этому следует противопоставить его отрицание того, что Фишер был виновен в течение первых шести месяцев, пока он находился под арестом. И невозможно поверить, что Фишер был виновен, основываясь только на показаниях Кальтофена, без каких-либо подтверждающих доказательств.

Скорее следует предположить, что непомерное тщеславие молодого преступника побудило его упорствовать в доносе на своего невинного брата ганнера, чтобы сбросить со своих плеч

часть бремени этого преступления, которое, как он чувствовал, сделало его ненавистным в глазах его сограждан, и, возможно, заставить их считать его введенным в заблуждение человеком постарше, более закаленным и опытным в преступлениях, вызывая таким образом у них жалость и сочувствие вместо отвращения.

Пастор Джаспис сам не верил в преступность Фишера и предлагает решение, которое он приводит лишь умозрительно. Он предполагает, что Кальтофен был введен в заблуждение признанием Фишера, заставив его поверить, что он действительно совершил одно или два убийства, хотя и не убийства Винтера и Кюгельгена, и что, когда он заявил на эшафоте, что "Фишер заслуживал смерти так же сильно, как и он сам", он говорил в соответствии с этим убеждением. Это объяснение несостоятельно, поскольку несчастный неоднократно обвинял Фишера в пособничестве ему в совершении этих двух конкретных преступлений. Объяснение следует искать в его самомнении и стремлении представить себя перед публикой в лучшем и наиболее впечатляющем свете. И в какой-то степени он добился своего. Толпа поверила ему, пожалела его, прониклась к нему сентиментальностью, оплакивала его смерть и проклинала несчастного Фишера. Очевидное благочестие, напускной героизм, изящные позы и приятная внешность убийцы завоевали их симпатии, и общее мнение обывателей сводилось к тому, что они способствовали вознесению святого на седьмое небо, а не заслуженной казни особо бессердечного и жестокого убийцы.

Едва прошел месяц с момента казни Кальтофена, как Дрезден был потрясен известием о другом убийстве — на этот раз совершенном молодой женщиной. 12 августа 1821 года эта особа, находившаяся в состоянии возбуждения с момента поучительной смерти Кальтофена, пригласила к себе домой молодую девушку, только что помолвленную, и намеренно убила ее; затем отправилась в полицию и призналась в своем преступлении, природу которого она не скрывала. Она хотела закончить так же трогательно и назидательно, как Кальтофен. Прежде всего, она хотела, чтобы о ней заговорили все уста Дрездена. Полиция, посетив ее дом, обнаружила убитую девушку лежащей на кровати. На двери крупными буквами убийца начертал дату мученической смерти Кальтофен - 12 июля, а она совершила свое преступление в тот же день, месяц спустя, желая разделить его славу.

Таково было одно из следствий этой казни. За ней последовал небольшой фарс. Под влиянием всеобщего возбуждения, вызванного убийством Кюгельгена, евреи собрались и договорились, что, если кому-либо из них удастся найти убийцу, они откажутся от 150 фунтов стерлингов, предложенных правительством за информацию, которая могла бы привести к задержанию виновного. Но Хиршель Мендель, еврей, изготовивший часы, подал свой иск; после чего Лебель Графф, изготовивший пальто, подал встречный иск. Это привело к судебному разбирательству между двумя евреями из-за денег. В конце концов был достигнут компромисс, по которому каждый получил половину.

Герхард фон Кюгельген был похоронен на католическом кладбище Дрездена в Чистый четверг вечером при лунном свете. Большая процессия студентов-искусствоведов сопровождала похоронный кортеж с зажженными факелами, и над его могилой его друг советник Беттигер произнес речь.

Его могилу до сих пор можно увидеть на кладбище; на ней начертано:—

Franz Gerhard von Kügelgen.
Родился 6 февраля 1772 года.
Умер 27 марта 1820 года.

На другой стороне находится текст святого Иоанна xiv. 27.

Кюгельген оставил после себя двух сыновей и дочь. Старший сын, Вильгельм, продолжил профессию своего отца художника, и российский император ежегодно выделял ему денежную помощь в учебе. Есть замечательная книга, опубликованная им анонимно, "Юношеские воспоминания старогочеловека", первое издание которой вышло в 1870 году, а восьмое - в 1876 году.

Брат-близнец Кюгельгена, Карл Фердинанд, проведя несколько лет в Санкт-Петербурге и Лифляндии, поселился в Ревеле и умер в 1832 году. Он был автором "Живописного путешествия по Крыму", опубликованного в 1823 году.

Authority:—F. Ch. A. Hasse: Das Leben Gerhards von Kügelgen. Leipzig, 1824. В Приложении он приводит выдержку из протоколов судебного процесса. На фронтисписе изображен портрет самого художника, очень рафаэлевский.

Отравленный пастернак.

В то время, когда изгнанные бурбоны скитались по Европе в поисках временного убежища, в период господства Наполеона, в 1804 году распространилась история о покушении, совершенном в Варшаве, которая тогда принадлежала Пруссии, на жизнь королевской семьи, проживавшей там в то время. Говорили, что был составлен заговор, который почти удался, с целью убить Людовика XVIII, его жену, герцога и герцогиню Ангулемских и всех придворных, сидевших за королевским столом, с помощью блюда с отравленным пастернаком. Более того, ходили слухи, что за заговором стоял не кто иной, как сам Наполеон, который стремился убрать со своего пути законных претендентов на галльский трон.

Статья, в которой был обнародован отчет о покушении, была опубликована в лондонском "Курьере" за 20 августа 1804 года, из которой мы сейчас возьмем основные факты.

Королевская семья жила в Варшаве. Наполеон Бонапарт нанял агента по имени Галон Буайе в Варшаве, чтобы следить за ними, и этот человек, как сообщалось, нанял наемных убийц по наущению Наполеона, чтобы отравить Людовика XVIII. и остальные члены Королевской семьи. "Курьер" от 21 августа 1804 года сообщает: "Некоторые ежедневные газеты, которые не слишком стремились дискредитировать заговор, вменяемый мистеру Дрейку,^[1] ставят под сомнение сообщение о покушении на жизнь королевской семьи в Варшаве. Они, похоже, думают, что если бы Бонапарт желал такого плана, он мог бы осуществить его с большей секретностью и эффектом. Несомненно, его планы покушения до сих пор были более успешными, потому что его несчастные жертвы были в его власти — его раненые солдаты в Яффо, Туссен Лувертюр, Пишегрю и герцог Энгийенский. Он мог послать своих ищек в

Германию, чтобы схватить свою добычу; но Варшава была для него слишком далеко; он был вынужден прибегнуть к менее открытым средствам - послать своих убийц действовать тайно. Но считается невероятным, что дьявольская попытка провалилась. Почему так необычно, что благое Провидение вмешалось, чтобы спасти жизнь справедливого принца? Разве у нас не было ярких примеров такого вмешательства в этой стране? Для точности отчета, который мы опубликовали вчера, мы обязуемся^[2] что самые полные подробности, подтвержденные всеми министрами Людовика XVIII, достопочтенным архиепископом Реймса и аббатом Эджвортом, который даровал последнее религиозное утешение Людовику XVI, были получены в этой стране. Все эти лица присутствовали при анализе отравленного препарата очень выдающимися врачами, *которые являются подданными короля Пруссии.*

"Двое негодяев, пытавшихся развратить бедного француза, открыто находились под защитой французского консула или Коммерческого агента.

"Прусский губернатор не допустил бы их ареста для того, чтобы их вина или невиновность могли быть юридически расследованы. Следует ли полагать, что, если бы не было оснований для предъявленного им обвинения, французский агент предоставил бы им менее открытую защиту и тем самым укрепил выдвинутые против них обвинения? Если они были защищены и им платил французский агент, возможно ли, что он платил им из своего собственного кармана, использовал их в таком заговоре по собственной воле, без приказа и инструкций от своего собственного правительства, от Бонапарта? Кроме того, разве президент Хойм не признался в своих опасениях, что на жизнь Людовика XVIII будет совершено какое-то покушение?

"Счета, отправленные в эту страну, были отправлены из Варшавы через час после того, как король отправился в Гродно".

В "Курьере" от 24 августа 1804 года есть следующая заметка: "У нас есть еще один убедительный факт, который, по нашему мнению, является немалым доказательством вины Бонапарта. Заговор против Людовика XVIII. должен был быть приведен в исполнение в конце июля — об этом стало бы известно примерно в начале августа. В этот самый период Бонапарт запрещает ввоз всех иностранных журналов без исключения, то есть всех средств, с помощью которых люди могли бы быть проинформированы о дьявольском деянии. Почему он вводит этот запрет в настоящий момент или почему он вообще вводит его? В свое оправдание Фуше говорит, что это делается для того, чтобы мы не узнали, когда отправится экспедиция. Получали ли мы когда-нибудь новости об экспедиции из французских газет? Нет, нет! запрет был направлен на то, чтобы разыграть кровавую сцену в Варшаве".

"Курьер" от 22 августа содержал полную информацию. Теперь мы расскажем всю историю от начала до конца, сначала в том виде, в каком она была придумана легитимистами, а затем в соответствии с реальными фактами дела, насколько это известно.

Следует помнить, что Наполеон был назначен пожизненным первым консулом 2 августа 1802 года, но Республике пришел конец, и Французская империя была учреждена сенатом 18 мая 1804 года.

Предполагалось — и мы можем извинить возбуждение и опьянение гневом в умах всех приверженцев бурбонов, которые могли это предположить, — что Наполеон, который таким образом восстанавливал Империю Карла Великого, желал обеспечить стабильность этого нового трона, считая со своего пути законных претендентов на трон Франции. Вся легенда о

попытке покушения на Людовика XVIII. с помощью блюда из отравленного пастернака автор "Жизни этого принца" передает нам в законченном виде двадцать лет спустя после этого события.^[3] Именно с этой целью:

Когда король (Людовик XVIII.) готовился к своему путешествию из Варшавы в Гродно, была раскрыта чудовищная попытка покушения на него, что не оставляет никаких сомнений в том, что целью тех, кто был тайными исполнителями заговора, было устранение с помощью яда короля и королевы, а также герцога Ангулемского и его жены. Два представителя Наполеона были в Варшаве в поисках человека, который мог бы осуществить план. Некий Кулон оказался наиболее приспособленным для их цели, человеком неимущим и жаждущим денег. Ранее он состоял на службе у одного из дворян-эмигрантов и имел доступ к кухне королевской семьи.

Агенты Наполеона напоили Кулона, и когда он стал дружелюбным и оживленным под влиянием пунша, они рассказали ему о своем плане и пообещали ему деньги, уплату долгов и осуществить его побег, если он будет их верным слугой в этой интриге. Кулон притворился, что уступает их просьбам, и было назначено свидание, на котором должны были созреть планы. Но как только Кулон оказался на свободе, он отправился к своему бывшему хозяину, барону де Мильвиллю, конюху королевы, и рассказал ему все. Барон обратился к герцогу де Пьену, первому дворянину королевского двора, и тот, получив информацию, сообщил ее графу д'Аваре, министру Людовика XVIII. Кулон получил приказ притвориться, что готов продолжить заговор. Он сделал это с неохотой, но он это сделал. Он сказал агентам Наполеона, что находится в их руках и будет слепо выполнять их приказы. Теперь они угостили его шампанским и раскрыли ему подробности покушения. Он должен был проникнуть на кухню королевского дома и высыпать содержимое пакета, который они ему дали, в одну из кастрюль, в которых готовился обед для королевского стола. Затем Кулон потребовал выплаты части своего жалованья и попросил выдать ему 400 луидоров. Затем один из агентов повернулся к другому и спросил, не думает ли он, что Бойер будет склонен к такому продвижению — это был Галон Бойер, главный агент, специально посланный в Варшаву для слежки за королевской семьей, и главный инициатор покушения.

Другой агент ответил, что Бойера сейчас нет в Варшаве, но он вернется через пару дней. Кулон настаивал на своем, как ловкий мошенник, и отказывался что-либо предпринимать, пока не почувствовал золото у себя на ладони, и ему было велено подождать, пока с Бойером не свяжутся. Ему назначили еще одну встречу на вересковых пустошах в Новависе за городом.

Следующим вечером, когда Кулон направлялся в указанное место, он заметил, что за ним следует мужчина. Внезапно из кукурузы, растущей у дороги, появился второй. Они были агентами. Они заплатили ему несколько долларов, пообещали щедро обеспечить его во Франции, дав 400 луидоров и должность при правительстве; и вручили ему бутылку ликера, которая должна была взбодрить его в решающий момент, а также бумажный пакет с тремя пастернаками, которые были извлечены и наполнены ядом. Он должен был подсыпать их в один из горшочков, в которых готовился ужин, и заставить повара забыть о том, что он натворил, и подать их королевской семье.

Тогда король жил в замке в Лазенках, примерно в миле от Варшавы. Туда поспешил Кулон так быстро, как только могли нести его ноги, и передал пастернак барону де Мильвиллю. Граф д'Аваре и архиепископ Реймса наложили свои печати на посылку; после этого пастернак был впервые показан прусским властям, и их по всей форме попросили засвидетельствовать производство отравленных корней и отдать приказ об аресте двух агентов Наполеона и очной ставке с Кулоном — и они отказались. Луи, когда ему сообщили о покушении, проявил свое обычное самообладание. Он немедленно написал президенту Пруссии Фон Хойму и попросил его посетить его в Лазенках и посоветоваться, что следует предпринять.

Герр фон Хойм не ответил и не пошел к королю, а связался со своим начальством. Наконец, пришел дипломатический ответ с отказом вмешиваться в это дело, поскольку расследование входит в компетенцию полиции и должно быть рассмотрено обычным способом.

Вслед за этим король потребовал, чтобы Кулона и его жену взяли под охрану и чтобы были назначены специалисты, которые вместе с королевским врачом могли бы осмотреть пастернак, предположительно отравленный.

Но прусские суды снова отказались предпринимать какие-либо шаги. Политика прусского кабинета министров под руководством графа Гаугвица благоприятствовала союзу с Францией, и король Пруссии был одной из первых великих держав, официально признавших французского императора. При условии, что французские войска, оккупирующие Ганновер, не будут увеличены, и что война, если она разразится с Россией, должна вестись так, чтобы не причинять неудобств и не распространяться на территорию Пруссии, Пруссия обязалась соблюдать строгий нейтралитет. В обмен на эти уступки, имевшие большое значение для Наполеона, он открыто провозгласил свое намерение усилить мощь Пруссии, и в Берлине надеялись, что заплаченной ценой будет присоединение Ганновера к Пруссии.

Следовательно, в этот момент прусское правительство крайне не желало вмешиваться в расследование, которое грозило привести к разоблачениям, наиболее компрометирующим личность Наполеона и крайне неудобным для него самого.

Поскольку прусские суды отказались рассматривать дело пастернака, графом д'Авареем было проведено частное расследование с участием королевского врача доктора Лефевра и варшавского врача доктора Гагаткевича, а также аптекаря Гуиделя и некоего доктора Бергозони. В их присутствии были сломаны печати и исследованы три корня. Было установлено, что они были начинены смесью белого, желтого и красного мышьяка. После того как это было установлено и надлежащим образом составлено и подписано заявление об этом факте, было сообщено президенту полиции герру фон Тилли. Он, однако, отказался вмешиваться, как и президент фон Хойм. "Таким образом, - говорит месье Бошан, - один суд перекладывал дело на другой, взад и вперед, чтобы не принимать решения по этому вопросу, что является примером результатов системы, принятой в то время прусским кабинетом министров".

Не оставалось никаких других средств расследования, кроме как передать дело графу д'Аваре на рассмотрение суда изгнанного короля. Они допросили Кулона, который твердо придерживался своей истории, рассказанной барону де Мильвиллю, и все присутствующие убедились, что он говорил правду.

Поскольку король не мог добиться правосудия из рук Пруссии, он позволил обнародовать эту историю, чтобы высказать мнение всех благородных людей Европы о поведении как Наполеона,

так и прусского министерства. "Произведенное впечатление, - говорит месье Бошан, - особенно в Англии, было глубоким. Люди вспоминали прежние преступления Бонапарта, которые были доказаны, — отравление в Яффо, очень свежее негодование, вызванное убийством графа де Фротте, Пишегрю, капитана Райта, герцога д'Энгиена, Туссена Лувертюра; они вспоминали, что он безуспешно добивался успеха в требованиях к Людовику XVIII. формальный отказ от своих притязаний и взвешенность его характера. Даже отказ прусских судов рассматривать это обвинение (ибо, если бы оно было расследовано, они должны были бы вынести по нему приговор) вызывал подозрения. Едва ли хоть одна английская газета не осудила Наполеона как зачинщика покушения, которое по воле судьбы провалилось".

Такова легенда, сформулированная месье де Бошаном. К счастью, в архивах судебных органов Берлина имеются документальные свидетельства, которые придают совершенно иной оттенок этой истории и полностью очищают имя Наполеона от пятна соучастия в этом деле. Более того, это проливает отнюдь не благоприятный свет на тех из легитимистской партии, которые группировались вокруг павшего монарха.

Людовик XVIII, вынужденный перелетать из одной страны в другую перед войсками Наполеона, в 1804 году некоторое время находился в Варшаве под инкогнито графа де л'Иль. Несчастья не сломили его духа и не уменьшили его притязаний. Несмотря на его инкогнито, он был окружен небольшим двором; и поскольку у этого маленького двора не было государственных дел, которыми можно было бы заниматься, он играл в мелкую интригу. Этот двор состоял из графа д'Аваре, архиепископа Реймса, герцога де Пьенна, маркиза де Бонни, герцога д'Авре де Кроа, графа де ла Шапель, графов Дамаса Кру и Стефана де Дамаса, а также аббатов Эджворта и Фримона. Людовик заверил Наполеона, что он скорее будет есть черный хлеб, чем откажется от своих притязаний. В Варшаве он полностью оправдал свои притязания, но не ел черный хлеб; у него была очень респектабельная кухня. Тесный союз между Пруссией и Францией вынудил его покинуть Варшаву и эмигрировать в Россию.

В это время в Варшаве жил некий Жан Кулон, сын мелкого лавочника в Лионе, который вел жизнь, полную приключений. В возрасте девяти лет он сбежал из дома и присоединился к бродячей драматической труппе; затем поступил в услужение к изготовителю париков и три года жил в Барселоне, занимаясь своим ремеслом. Но парики выходили из моды, и он бросил убыточное ремесло и записался в легион эмигрантов, но в результате какой-то ссоры с испанцем был выдан испанским властям. Он купил себе помилование, завербовавшись в испанскую армию, но дезертировал и присоединился к французским республиканским войскам, участвовал в битве при Нови, сбежал и присоединился к корпусу, созданному в Неаполе кардиналом Руффо. Когда этот корпус был распущен, он вернулся в Испанию, снова завербовался и был отправлен на Сент-Люсию. Судно, на котором он находился, было захвачено английским крейсером, и он был доставлен в Плимут и отправлен в Дартмур в качестве военнопленного. Через два года его обменяли и отправили в Куксхафен. Оттуда он отправился в Альтону, где попросил герцога д'Авре заступиться за него. Герцог порекомендовал его графине де л'Иль, и он был принят на службу к ее конюшему, барону де Миллевиллю, и прибыл в Варшаву в сентябре 1803 года. Там он женился, оставил службу и открыл кафе и бильярдную, которые часто посещали слуги эмигрантской знати, окружавшие короля и королеву. Ему было тогда 32 года, он говорил по-итальянски и по-испански, а также по-французски, и был настоящим солдатом удачи, небогатым, любящим удовольствия и совершенно лишенным принципов, политических или религиозных.

Временным поверенным в делах Франции в Варшаве был Галон Буайе; он не фигурирует в документах, касающихся *дела Кулона*, не потому, что прусское правительство уклонялось от выполнения своих обязанностей, а потому, что он никоим образом не был замешан в деле пастернака. Совершенно верно, что, как утверждает г-н де Бошан, Двор Людовика XVIII. действительно пытался привлечь прусские власти к расследованию, но это было сделано таким образом, что у них не было возможности действовать. 23 июля, когда граф де л'Иль был полон решимости покинуть Варшаву, граф д'Аваре посетил президента фон Хойма и таинственным языком сообщил ему, что ему известно о заговоре, в котором были замешаны несколько французов и целых дюжина поляков, покушавшихся на жизнь его августейшего хозяина. Herr von Noym doubted. Он запросил основания для этого утверждения, и ему пообещали сообщить все подробности в тот же вечер в восемь часов. В назначенный час граф предстал перед ним, запыхавшись, и объявил, что теперь он готов к полному разоблачению. Однако он ничего не сказал и отложил разоблачение до 10 часов. Затем Аварай сообщил ему, что владелец кафе "Кулон" был нанят какими-то незнакомцами, чтобы встретиться с ним той же ночью по дороге в Новави и вместе с ним спланировать отравление графа де л'Иль. Вся эта история показалась фон Хойму подозрительной. Теперь было уже слишком поздно посылать полицию наблюдать за местом, где должна была состояться встреча, что он, возможно, и сделал бы, если бы д'Аваре снизошел до того, чтобы сообщить ему об этом вовремя, двумя часами раньше. Он спросил д'Аварея, где живет Кулон, чтобы тот мог послать за ним, и граф заявил, что не знает адреса.

На следующий день граф д'Аваре зачитал президенту фон Хойму документ, который, по его словам, был составлен членами двора графа де л'Иль, показал ему бумагу, содержащую двенадцать маленьких пастернаков, и попросил его подписать документ и запечатать посылку с пастернаком. Естественно, президент отказался это сделать. Он не видел Кулона, он не знал, от кого Кулон получил посылку, и он не доверял всей этой истории. Однако он попросил предоставить ему точное описание двух таинственных незнакомцев, а когда получил его, связался с полицией и навел о них справки в Варшаве и поблизости от нее. Никто не видел и не слышал о каких-либо лицах, подходящих под это описание.

Вскоре прибыл маркиз де Бонни, чтобы попросить президента от имени графа де л'Иля, чтобы пастернак был осмотрен специалистами. Он отказался это сделать.

26 июля граф д'Аваре предстал перед главой полиции, президентом фон Тилли, и показал ему заключение нескольких врачей о том, что они исследовали три показанных им пастернака и обнаружили в них пасту, состоящую из мышьяка и органического вещества. Фон Тилли счел всю эту историю настолько сомнительной, что отказался вмешиваться в нее. Более того, нотариус из Варшавы, которого попросили записать заявление Кулона, отказался засвидетельствовать подлинность признания, вероятно, потому, что, как впоследствии намекнул Кулон, ему помогли привести его в соответствие те, кто его допрашивал.

Louis XVIII. уехала из Варшавы 30 июля, и когда распространился слух, что жена Кулона неделю назад купила немного мышьяка в местной аптеке, полицейский инспектор приказал ее арестовать. Ее допросили, и она заявила, что действительно купила немного крысиного яда без ведома своего мужа. Теперь Кулона задержали и допросили, и он притворился, что приказал своей жене купить крысиный яд, потому что в доме завелись паразиты.

Затем власти Варшавы отправили все документы, относящиеся к этому делу, включая *устный* протокол, составленный придворными Людовика XVIII, в Берлин и запросили дальнейших инструкций.

Согласно этому *устному* процессу, Кулон признался в следующем: 20 июля двое незнакомцев вошли в его бильярдную и заверили его, что, если он хочет разбогатеть, они могут ему в этом помочь. Они заставили его пообещать молчание и пригрозили смертью, если он раскроет то, что они сказали. После того как он поклялся в верности и тайне, они сказали ему, что от него требуется бросить что-нибудь в кастрюлю, в которой готовился суп для королевского стола. За это они заплатили бы ему 400 луидоров. Кулон на мгновение задумался; затем незнакомцы пообещали, что обеспечат его жене место во Франции. После этого один из них сказал своему товарищу по-итальянски: "Нам пора уходить. Мы не можем терять времени". На следующий день, вечером, третий незнакомец появился у его двери, позвал его на улицу, ходил с ним по улицам старой и новой Варшавы, пока он не пришел в полное замешательство и не понял, где находится, и, наконец, вошел с ним в дом, где увидел двух незнакомцев, которые были с ним ранее. На стол принесли шампанское, и все выпили, и один из незнакомцев захмелел. Когда Кулон пообещал сделать все, что от него требуется, ему было велено взять несколько бараньих отбивных, которые готовились к королевскому столу, и обработать их порошком, который ему должны были дать. Чтобы повар не заметил, что он делает, он должен был угостить его большими глотками бренди. Кулон согласился, но попросил сначала прикоснуться к 400 луидорам. Тогда подвыпивший мужчина крикнул: "Все в порядке, но согласится ли на это Бойер?" Другой незнакомец попытался остановить его и сказал: "Что ты говоришь? Бойера здесь нет, он уехал из города и вернется только через пару дней". После того, как Кулон настоял на предоплате, его отложили до следующего вечера, когда он должен был встретиться с незнакомцами в 11 часов по дороге в Новавис. Там он должен был получить деньги и порох для короля. Затем ему дали один дукат и в час ночи отвели домой. На следующую ночь, в 11 часов, он отправился по дороге в Новавис, а затем последовал тому, что мы уже приводили из рассказа этого человека, записанного месье де Бошаном. Он получил от мужчин пакет с пастернаком и немного денег — всего шесть долларов. Они положили платок под землю под деревом и попросили его, если он выполнил свою задачу, подойти к дереву и снять платок в знак уважения к ним; однако, если он потерпит неудачу, платок следует оставить нетронутым. Дерево, которое он хорошо отметил, было сорок пятым по дороге в Новавис. Из-под земли выглядывал маленький кончик платка. Затем незнакомцы подарили ему бутылку ликера, чтобы придать ему смелости для этого предприятия.

После того, как Кулона оставили в покое, он сказал, что поплелся домой, но почувствовал такую слабость, что упал бы на землю, если бы проходивший мимо прусский офицер не заметил его состояния и не помог ему добраться до дома. По завершении *устного* процесса последовало точное описание заговорщиков. Таков был документ, первоначально представленный графом д'Аваре, и мы вряд ли можем удивляться, что, услышав его, прусские гражданские и полицейские власти заколебались предпринимать какие-либо действия. Так называемое признание Кулона показалось им розыгрышем, затеянным с целью получения денег от бывшего короля и его Двора.

Из Берлина в Варшаву был направлен приказ тщательно проанализировать это дело. Кулон и его жена были снова подвергнуты допросу. Сначала он придерживался своей истории, но когда

попытался объяснить покупку мышьяка и вписать ее в свой предыдущий рассказ, то столкнулся с противоречиями.

Президент в этот момент серьезно обратился к нему и предупредил о последствиях. Его история скомпрометировала временного поверенного в делах Франции г-на Галона Буайе, и нельзя было допустить, чтобы ее пропустили мимо ушей без очень тщательного расследования, которое неизбежно должно было выявить правду. Кулон был ошеломлен и поспешно спросил, как обстояли бы дела с ним, если бы он сказал правду. Затем, после небольшого колебания, он признался, что "думал перед отъездом графа де л'Иля раздобыть для себя некоторую сумму денег, с помощью которой можно было бы выпутаться из своих затруднений. Он рассчитывал заработать на этом деле 100 дукатов". Теперь он рассказал совсем другую историю. С отъездом эмигрантского двора он потеряет свою клиентуру, и он был обеспокоен, потому что задолжал деньги за кафе и бильярдный стол. Поэтому он выдумал всю эту историю в надежде произвести впечатление на суд и получить от них небольшую субсидию. Но он сказал, что граф д'Аваре зашел дальше, чем он намеревался, который с жадностью проглотил его ложь и убедил его продолжать интригу, чтобы представить доказательства против заговорщиков.

Вот почему он выдумал встречу с незнакомцами на дороге и то, что они подарили ему пастернак, который, по его признанию, он сам нарвал и наполнил пастой с крысиным ядом, купленной в аптеке.

Пока все идет хорошо. То, что он сейчас сказал, было именно тем, во что хладнокровные головы прусских властей верили с самого начала. Но Кулон не придерживался этого второго признания. После нескольких дней пребывания в тюрьме он заявил о своем желании создать еще одну. Он предстал перед магистратом, и теперь он сказал, что вся эта история была выдумана графом д'Аваре, господином де Мильвиллем и другими лицами из окружения изгнанного короля с целью вызвать вспышку отвращения в Европе к Наполеону и вызвать восстание во Франции. Он заявил, что ему была обещана пенсия в размере шести дукатов ежемесячно, что, когда он давал показания, г-н де Мильвиль заплатил ему 35 дукатов и что его вместе с женой взяли на службу к бывшей королеве в качестве награды за то, что он сделал.

Было несколько деталей, которые придавали окраску этой последней версии истории Кулона. Это правда, что Миллвилл дал ему немного денег; возможно, правда и то, что в своем стремлении доказать факт покушения на убийство некоторые из тех, кто проводил расследование, помогли ему исправить некоторые неточности в его рассказе. Затем, опять же, примечательно, что, хотя граф д'Аваре знал о планируемом убийстве, он не сообщил президенту Пруссии фактов до 10 часов вечера, когда было слишком поздно посылать полицию наблюдать за предполагаемой встречей на Новавис-роуд; и когда герр фон Хойм попросил указать, где живет Кулон, чтобы полиция могла арестовать его по возвращении, а во время его отсутствия обыскать дом, граф притворился, что не может сказать, где живет Кулон. Верно также, что де Миллевиль неоднократно посещал дом Кулона в ходе интриги, и что сразу после того, как Кулон побывал в доме Миллевиля, его жену послали купить крысиный яд.

Кулон притворился, что слышал, как г-н де Мильвиль сказал, что "Это дело может привести к полному изменению ситуации во Франции, когда будут опубликованы известия о том, что было сделано". Более того, он сказал, что его отправили к архиепископу Реймскому с посланием "Le coup est manqué".

Но невозможно поверить, что эмигрантский суд мог сфабриковать такой заговор, с помощью которого имя Наполеона было запятнано покушением на убийство. Вся история читается как неуклюжая выдумка вульгарного авантюриста. Второе признание Кулона, очевидно, касается его истинных мотивов. Он был по уши в долгах, он терял своих клиентов из-за отъезда графа, и это именно то, что сделал бы такой негодяй - изобрел ложь, чтобы заручиться их сочувствием к себе и получить от них какое-нибудь денежное вознаграждение за услуги, которые он якобы оказал. Маленький двор был виноват в своей легковёрности. Его слепая ненависть к Наполеону заставила его поверить в такую грубую и очевидную ложь, и, если у кого-то из них возникали сомнения относительно правдивости рассказанной им истории, они подавляли их.

Кулон был признан судом виновным и приговорен к пяти годам тюремного заключения. Суд постановил, что он действовал заодно с некоторыми членами свиты графа де Л'Иль, но воздержался называть их имена.

Убийство отца Томаса в Дамаске.

Замечательный случай, о котором мы собираемся рассказать, пробудил огромный интерес и волнение во всех трех четвертях мира и пробудил ту ненависть к евреям, которая уснула после преследований средневековья, как раз в то время, когда во всех европейских странах эмансипация евреев признавалась актом справедливости. В то время обстоятельства были известны недостаточно полно или были представлены общественности в таком неполном свете, что было трудно составить о них правильное суждение. С тех пор на этот инцидент было пролито много света, и можно прийти к выводу относительно убийства, обладая более непредвзятым мышлением и более полной информацией, чем это было возможно в то время.

Латинские монастыри Сирии находятся под непосредственной юрисдикцией папы Римского и, по большей части, снабжаются новобранцами из Италии. Они очень полезны путешественникам, которых принимают с сердечным гостеприимством, независимо от вероисповедания. Они являются рассадниками культуры и промышленности. Каждый монах обязан заниматься какой-либо профессией или ремеслом, и старое обвинение монахов в том, что они трутни, никоим образом не применимо к занятым членам религиозных орденов в Палестине.

В монастыре капуцинов в Дамаске в 1840 году жил монах по имени отец Томас, сардинец по происхождению. Тридцать три года он прожил там и действовал как врач и хирург, оказывая помощь любому, кто обращался к его услугам, мусульманину или христианину, турку, еврею или франку в равной степени. Он вправлял конечности, давал хинин от лихорадки и делал прививку от оспы. Будучи хорошо известным и пользующимся доверием, он постоянно практиковал, и эта практика приносила ему, или, во всяком случае, его ордену, солидный годовой доход. Его манеры, к сожалению, нельзя было назвать дружелюбными. Он был резок, даже груб и

несколько диктаторичен; в комнате больного его манеры производили впечатление властных, но на рыночной площади вызвали негодование как дерзкие.

5 февраля 1840 года отец Томас исчез вместе со своим слугой, братом-мирянином, который всегда прислуживал ему. Это исчезновение вызвало большой переполох в Дамаске.

Франция считалась на Востоке защитницей христиан латинского исповедания. Французский консул, граф Ратти-Ментон, счел своим долгом расследовать это дело.

Видели, как отец Томас входил в еврейский квартал. Несколько израильтян признались, что видели его там. Никто не видел, как он покидал гетто: следовательно, был сделан вывод, что он исчез, с ним покончили там. Поскольку никто, кроме евреев, не оккупировал гетто, утверждалось, что отец Томас был убит израильтянами. Это было решено в качестве предварительного условия. Но тем временем австрийский консул проводил расследование, а также граф Ратти-Ментон, и он получил информацию, что отец Томас и его слуга были замечены вовлеченными в жестокую ссору и словесную перепалку с несколькими мусульманами самого низкого пошиба на рыночной площади. Этому не придали значения, и французский консул продолжил свое расследование в еврейском квартале, и только в этом квартале.

Шериф-паша был губернатором Сирии, и граф Ратти-Ментон потребовал от него разрешения использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для поимки преступника. Он также попросил австрийского консула разрешить посещение всех еврейских домов по месту жительства, поскольку австрийское правительство считалось защитником евреев. В обоих случаях было дано согласие, и поиски были начаты с усердием.

Затем турок по имени Мохаммед эль-Телли, сидевший в тюрьме за неуплату налогов, сообщил французскому консулу, что, если тот добьется его освобождения, он предоставит такую информацию, которая приведет к обнаружению убийцы или убийц. Он получил свободу, а взамен осудил несколько еврейских домов как подозрительные. Граф Ратти-Ментон во главе отряда солдат и рабочих и толпы, собравшейся на улице, вторгся во все эти дома и обследовал их от чердака до подвала.

Одним из первых имен, данных Мохаммедом эль-Телли, было имя еврейского цирюльника Негрина. Он дал путаный и противоречивый отчет о себе, но категорически отрицал, что что-либо знал об убийстве. В течение трех дней во французском консульстве тщетно использовались все средства, чтобы добиться от него признания; после этого он был передан турецким властям. Они избили его, а затем пытали. Во время пыток Мохаммед-эль-Телли был рядом с ним, убеждая его чистосердечно признаться. Не в силах больше выносить свои страдания, варвар заявил о своей готовности рассказать все. Мы не можем сказать, было ли то, что он сказал, основано на слухах, циркулирующих в городе, или было вложено в его уста его мучителями. Согласно его рассказу, вечером 5 февраля слуга Дэвида Арари вызвал его в свой дом. Он нашел хозяина дома вместе с шестью другими израильскими раввинами и торговцами, а именно Аароном и Исааком Арари, Муссой Абуль Афией, Мозесом Салоники и Джозефом Ланиадо. В углу комнаты лежал или прислонился к стене отец Томас с кляпом во рту и связанный по рукам и ногам. Торговцы уговаривали Негрина убить капуцина в их присутствии, но он наотрез отказался это сделать. В конце концов, сочтя его непреклонным, они купили его молчание за 600 пиастров (едва ли 6 фунтов стерлингов) и уволили его.

Вслед за этим губернатор приказал арестовать Давида Арари и других названных евреев, все из которых были самыми богатыми купцами в городе — во всяком случае, самыми богатыми еврейскими купцами. Они, с единодушного согласия, торжественно заявили о своей невинности. Они также были подвергнуты бастинадо; но так как большинство из них были пожилыми людьми, и было опасение, что они могут сдаться под ударами, то после нескольких ударов плетью их подняли с земли и подвергли другим пыткам. В течение тридцати шести часов несчастных заставляли стоять прямо и не давали им спать. Они все еще упорствовали в отрицании, после чего некоторых из них снова избили. После двадцатого удара они потеряли сознание. Французский консул пожаловался, что избиение было неэффективным — так сообщил австрийский консул, и по его наущению их снова избили, но опять без привлечения к признанию вины.

Тем временем был арестован слуга Давида Арари, Мурад-эль-Фаллат, человек, которого, как говорили, послали за цирюльником. С ним обошлись более сурово, чем с другими. Его избили самым жестоким образом, и, чтобы усилить боль, на его покрытую синяками и изуродованную плоть вылили холодную воду. В отчаянии он признался, что его действительно послали за цирюльником.

Этого признания было недостаточно. Ему снова пригрозили бастинадо и пообещали освободить, если он расскажет все, что знал. После этого он повторил историю о цирюльнике, сделав свои собственные дополнения. Он сказал, что они с Негрином по приказу семерых богатых купцов казнили Отца, а затем разрезали тело и спрятали останки в отдаленном водопроводе.

Цирюльник, которому угрожали новыми пытками, признался в убийстве.

Граф Ратти-Ментон исследовал трубопровод, где двое мужчин делали вид, что прячут изуродованное тело, в присутствии слуги и цирюльника, оба из которых были в таком состоянии из-за варварского обращения, которому они подверглись, что не могли ходить, и их пришлось нести на руках к месту происшествия. И действительно, там были найдены какие-то кости вместе с шапочкой. Хирург заявил, что это человеческие кости. Сразу же был сделан вывод, что это останки отца Томаса, и как таковые они были торжественно похоронены на кладбище монастыря капуцинов.

Слуга Дэвида Арари. Мурад-эль-Фаллет рассказал, что кровь отца Томаса была собрана в медный сосуд, откачана и распределена среди евреев в религиозных целях. Это было старое и любимое поверье среди невежд, что евреи пили кровь христиан на Пасху или смешивали ее с пасхальным пресным тестом. В то же время распространился слух, что богатый еврей Пиччотто, молодой человек, племянник австрийского консула в Алеппо, прислал своему дяде бутылку крови.

Семерых торговцев привели к найденным костям. Они настаивали на своей невинности. С этого времени всякая щепетильность в отношении обращения с ними исчезла, и они подвергались пыткам с дьявольским варварством. Они снова получили бастинадо, им обожгли там, где их плоть была наиболее нежной, раскаленными докрасна щипцами. Через их плоть пропустили раскаленные провода. Немецкий путешественник, присутствовавший при этом, заявляет, что первого, кто признал правдивость обвинения, заставили сделать это, погрузив его после всех этих пыток на несколько часов в ледяную воду; после чего остальных шестерых

хлестали бичом, сделанным из шкуры гиппопотама, до тех пор, пока они, наполовину потеряв сознание и истекая кровью, не были готовы признаться во всем, что пытались вытянуть из них их мучители.

Протестантский миссионер Уилдон Пириц в своем отчете перечисляет страдания, которым подверглись эти несчастные люди.

Они были, в первую очередь, убиты.

2. Погрузить в большие емкости с холодной водой.

3-й. Подвергали давлению до тех пор, пока их глаза не начали вылезать из орбит.

4-й. Их плоть, наиболее чувствительную, выворачивали и покусывали до тех пор, пока они не сходили с ума от агонии.

5-й. Их заставляли стоять прямо целых три дня, и им не позволяли даже прислониться к стене. Тех, кто падал от изнеможения, штыки гвардии заставляли снова подняться.

6-й. Их таскали за уши, так что они были разорваны и кровоточили.

7-е. Шипы были вбиты в кончики ногтей на руках и ногах.

8-й. Их бороды были опалены, так что кожа обгорела и покрылась волдырями.

9. Им поднесли огонь к носу, чтобы обжечь ноздри.

Французский консул — пусть его имя останется покрытым позором для потомков - граф Ратти-Ментон все еще не был удовлетворен. Он был полон решимости найти пузырьки, наполненные кровью. Каждый из семи допрошенных сказал, что у него не было ни одного, но он отдал свой пузырек другому. Последний, Мусса Абуль Афия, не в силах больше выносить свои мучения, сдался и заявил о своей готовности стать мусульманином. Тем не менее, его снова подвергли бичеванию и били до тех пор, пока он не назвал другого сообщника — главного раввина Якоба Антиби - человеком, которому была предана кровь. Письменное признание Муссы было следующим: "Мне *приказано* сказать все, что я знаю об убийстве отца Томаса, и почему я согласился стать мусульманином. Поэтому мой долг - заявить правду. Якоб Антиби, главный раввин, примерно за две недели до этого события сказал мне— "Ты знаешь, что согласно нашей религии у нас должна быть кровь. Я уже договорился с Дэвидом Арари, что получу его в доме одного из наших людей, и вы должны присутствовать и принести мне кровь. Я ответил, что у меня не хватило духу увидеть, как течет кровь; на что Главный раввин ответил, что я могу постоять в прихожей и найду там Мозеса Салоники и Джозефа Ланиадо. Тогда я согласился. 10 числа месяца Ачах, примерно за полтора часа до захода солнца, когда я шел в синагогу, я встретил Давида Арари, который сказал мне: "Пойдем ко мне домой, тебя там ждут". Я ответил, что приду, как только закончу свои молитвы. "Нет, нет— приезжайте немедленно!" - сказал он. Я повиновался. Затем он сказал мне, что отец Томас находится в своем доме и что его принесут в жертву этим вечером. Мы отправились к нему домой. Там мы вошли в недавно обставленную квартиру. Отец Томас лежал связанный посреди всех собравшихся. После захода солнца мы перешли в комнату без мебели, где Дэвид перерезал горло монаху. Аарон и Исаак Арари прикончили его. Кровь собрали в чан, а затем перелили в бутылку, которую должны были отнести главному раввину Якобу. Я взял бутылку и пошел к нему. Я нашел его во дворе,

ожидающим меня. Когда он увидел, что я вошла, он ретировался в свой кабинет, и я последовала за ним туда, сказав: "Вот, я принесла вам то, что вы хотели". Он взял бутылку и поставил ее за книжный шкаф. Затем я пошел домой. Я забыл сказать, что, когда я выходил из дома Арари, тело было нетронутым. Я слышал, как Дэвид и его брат говорили, что они сделали неудачный выбор жертвы, поскольку отец Томас был священником и хорошо известной личностью, и поэтому его будут искать повсюду. Они ответили, что страха нет, никто не выдаст того, что произошло. Одежду теперь сожгут, тело разрежут на куски и отнесут слугами в трубопровод, а то, что останется, спрячут под какой-нибудь потайной лестницей. Я ничего не знал о слуге отца Томаса. В следующую среду я встретил Дэвида, Исаака и Джозефа Арари возле магазина Бахал. Исаак спросил Дэвида, как все прошло. Дэвид ответил, что было сделано все, что было необходимо, и что причин для страха нет. Когда они начали беседовать наедине, я удалился, поскольку не был из тех, кто общался с самыми богатыми евреями, а арари принадлежали к этому классу. Евреи требуют крови для приготовления пасхального хлеба. Их часто обвиняли в том же, и за это они были осуждены. У них есть книга под названием "Серир Хадурут" (такой книги на самом деле не существует), которая касается этого вопроса; теперь, когда свет ислама озарил меня, я отдаю себя под защиту тех, в чьих руках власть".

Таково было его признание. Французский консул, не сумев обнаружить кровь, был полон решимости найти новых преступников; а слуга Дэвида Арари, после дальнейшего давления, был готов сообщить дополнительные подробности. Он сказал, что после того, как Отец был убит, его послали к богатому израильтянину Мараду Фархи, чтобы предложить ему зарезать слугу монаха-капуцина таким же образом, как был зарезан его хозяин. Когда он принял послание, то обнаружил присутствующего молодого торговца Исаака Пиччотто и передал ему свое послание. На следующий день этот Пиччотто и четверо других евреев, Марад Фархи, Меир и Ассан Фархи, а также Аарон Стамболи, все богатые люди, пришли в дом своего хозяина и сообщили Давиду Арари, что они вместе убили слугу капуцина в доме Меира Фархи. В другом случае тот же свидетель, Мурад эль-Фаллат, сказал, что убийство слуги произошло в доме Давида Арари; но в этом примечательном случае противоречиям в показаниях не придавалось никакого значения.

Пиччотто, как сын бывшего австрийского консула, племянник консула в Алеппо, смог укрыться под защитой Мерлато, австрийского консула в Дамаске. По требованию графа Ратти-Ментона он предстал перед судом, но подтвердил *либи*; в тот вечер, о котором идет речь, он и его жена были в гостях у английского джентльмена, мистера Джорджа Максона.

Слуга Арари теперь расширил свои откровения. Он сказал, что присутствовал при убийстве служителя "Капуцина". Этот человек был связан и предан смерти семьей евреями, а именно четырьмя уже упомянутыми: молодым Пиччотто, Джейкобом Абуль Афией и Джозефом Менахемом Фархи.

Французский консул был недоволен тем, что Пиччотто удалось скрыться. Он потребовал от австрийского консула, чтобы его передали в руки мусульманского суда для того, чтобы подвергнуть пыткам, как и остальных, и добиться признания. Австрийский консул оказался в затруднительном положении. Он в одиночку противостоял фанатичным христианам и озлобленной мусульманской толпе, а также сопротивлялся египетскому правительству и представителю Франции. Но он не колебался, он наотрез отказался сдать Пиччотто. Всеобщее возбуждение было теперь направлено против консула; на него пало подозрение как на

пособника убийц, поскольку он даже был обвинен в убийстве. Его дом был окружен шпионами, и каждый, кто входил в него или выходил из него, вызывал недоверие.

Весь Дамаск был в волнении; каждый стремился представить какие-нибудь доказательства, которые помогли бы в деле против евреев. Согласно одному сообщению, тридцать три — согласно отчету австрийского консула, шестьдесят три еврейских ребенка в возрасте от четырех до десяти лет были схвачены, брошены в тюрьму и подвергнуты пыткам, чтобы вытянуть из них информацию о местонахождении их родителей и родственников — тех, кого обвинили в убийстве слуги, и которые бежали и скрывались. Те свидетели, которые предстали перед судом, чтобы засвидетельствовать невиновность обвиняемых, были арестованы и с ними обошлись с восточным варварством. Поскольку ФарахКаташ и Исаак Джавох заявили, что видели отца Томаса в день убийства в другом квартале города, не в гетто, их подвергли пыткам. Исаак Джавох сказал, что видел отца Томаса по дороге в Салахию, в двух милях от еврейского квартала, и там разговаривал с ним. Его пытали, и он умер на дыбе.

Мальчик признался, что заметил отца Томаса и его слугу в другой части города. За эти слова его избили с такой жестокостью, что он умер через сутки. Еврейский отчет из Бейрута гласит: "Еврей посвятил себя мученичеству во имя святости вечно благословенного Имени. Он предстал перед губернатором и сказал ему: "Вы вершите правосудие? Это клевета, что мы используем кровь для приготовления нашего пасхального хлеба; и то, что это так, известно всем цивилизованным правительствам. Вы говорите, что парикмахер, который еврей, признался в этом. Я отвечаю, что он сделал это только под давлением пыток. Очень вероятно, что Отец был убит христианами или турками." Губернатор и драгоман французского консула по имени Боден возразили: "Что? вы смеете обвинять в убийстве турок или христиан?" - и ему было приказано избить и замучить до смерти. Его варварски били кнутом и ужасно мучили, и все это время убеждали признаться в правде. Но он постоянно взывал: "Слушай, о Израиль! Господь, Бог твой, - Господь единый!" и так, плача, он умер".

Поскольку второе убийство, согласно одному сообщению, было совершено в доме Меира Фархи, граф Ратти-Ментон приказал разорвать водопроводные трубы и канализацию вокруг него, а в канализации рядом с ними была найдена груда костей, кусочек плоти и лоскут кожи - по одному сообщению, часть ботинка, по сообщению австрийского консула, часть пояса. Оно — предположим, что оно принадлежало убитому мужчине — пролежало месяц в канализации, тем не менее брат исчезнувшего слуги опознал его как принадлежавшее убитому мужчине! Доктор Массари, итальянский врач шерифа Пачи, и доктор Ринальдо, врач, практикующий в Дамаске, заявили, что кости были человеческими останками, но их исследовал доктор Йограсси, который доказал, что это кости овцы. Исходя из этого, можно судить, насколько можно полагаться на предположение, что первая коллекция костей, получившая христианское погребение, принадлежала мужчине и отцу Томасу. Что касается куска мяса, то считалось, что это кусок печени, но было неясно, человека это или животного. В домах евреев теперь проводились обыски. Граф Ратти-Ментон пронесся по улицам во главе двадцати сбирри, по собственному капризу входя в дома и разоряя их, в первую очередь дома евреев, а затем те дома христиан, которые, как предполагалось, были открыты как убежище для преследуемых израильтян. Так, однажды ночью он ворвался не только в дом, но даже в женские спальни купца

Эйуба, который находился под защитой Австрии и охотился за скрывающимися евреями, что, по всеобщему мнению, возмутительно даже на Востоке.

Евреи, обвиненные в убийстве слуги, не были взяты под стражу. Большая часть зажиточных евреев бежала из города. Была поднята шумиха, и по всей округе были проведены обыски. Их семьи были схвачены и под пытками добыты признания в том, где они находились. Немецкий путешественник, побывавший тогда в Дамаске, говорит, что тюрьмы были переполнены несчастными и что перо отказывается подробно описывать пытки, которым они подвергались, чтобы выжать из них требуемую информацию. Жена Меира Фархи и их ребенок были заключены в тюрьму, и ребенка избили на глазах у его матери. На трехсотом ударе сердце матери дрогнуло, и она выдала убежище своего мужа. Его схватили. Бич гиппопотама взметнулся над его головой, и, зная, от чего пострадали его товарищи, он признал себя виновным. Ассан Фархи, которого поймали в его убежище, был заключен на неделю во французское консульство, а затем передан турецкому правосудию. Бастинадо и дыба убедили его в своей вине, но он нашел способ отправить из своей темницы письмо Ибрагиму паше, в котором заявлял о своей невинности.

Проследить историю преследования во всех деталях столь же невозможно, сколь и не нужно. Обстоятельства были изложены разными руками, и поскольку имена не всегда записываются, не всегда возможно отличить, описаны ли отдельные случаи разными авторами с небольшими вариациями, или же они сообщают о разных инцидентах в длинной истории.

Привратник еврейского квартала, шестидесятилетний мужчина, погиб при бастинадо, которому его подвергли только за то, что он не признался, что видел, как убитые входили в гетто.

Тем временем, пока продолжалась погоня за обвиняемыми во втором убийстве, семеро торговцев, признавшихся в убийстве Отца, лежали в тюрьме, оправляясь от полученных ран и ушибов. Когда они пришли в себя, чувство своей невинности стало сильнее в них, чем страх за будущее и размышления о прошлом. Они отказались от своих признаний. Их снова избили и пытали. С тех пор они оставались непоколебимыми. Двое из семерых, восьмидесятилетний Дэвид Арари и ненамного моложе Джозеф Ланиадо, умерли в своих страданиях. Ланиадо возразил, что он может представить доказательства — безупречные свидетельства христианских торговцев в Хасбине, — что он был с ними в то время, когда якобы он участвовал в убийстве. Но он умер до того, как эти свидетели добрались до Дамаска. Затем граф Ратти-Ментон настоял на казни остальных.

Так обстояли дела, когда в Дамаск прибыл герр фон Хайльброннер, чей отчет по всему делу является одновременно самым полным и наиболее достоверным, учитывая последовательность событий. Он приложил все усилия, чтобы собрать всю максимально достоверную информацию, какую только мог, по каждому конкретному вопросу.

Дамаск был охвачен сильнейшим волнением. Все слои населения находились в состоянии фанатичного возбуждения. Страдания, вызванные давлением египетского правительства Мохаммеда Али, угроза войны на Востоке, чума, вспыхнувшая в Сирии, карантин, препятствующий всей торговле, были темами, которые отошли на второй план из-за всепоглощающей истории об убийстве и преследовании евреев.

Положение евреев в Дамаске с каждым днем становилось все более опасным. Старый антагонизм, зависть к их богатству, ненависть, вызванная грабительским ростовщичеством, были пробуждены и вооружены для мести. Цирюльник, хотя и признался в своей вине в

убийстве, был отпущен безнаказанным, потому что он предал своих сообщников. Какое поощрение было предложено черни к лжесвидетельству против богатых евреев, чьего богатства все жаждали!

Правительство мохаммеда Али не желало ничего лучшего, чем конфискации их товаров. Шайка головорезов искала случая извлечь деньги из этого преследования путем взяток или купить прощение за прошлые преступления, осудив невиновных.

На данном этапе неплохо бы поближе познакомиться с французским консулом, графом Ратти-Ментоном. На нем лежит вина за это несправедливое судебное разбирательство, а не на мусульманских судьях. Он дважды становился банкротом, когда был французским консулом на Сицилии. Затем он был направлен консулом в Тифлис, где его поведение имело настолько сомнительную репутацию, что по представлению российского правительства он был отозван. Затем он был назначен консулом в Дамаске. Несмотря на все это и на дискредитацию, которой было покрыто его поведение по отношению к евреям в связи с убийством отца Тома, ультрамонтанская пресса горячо поддержала его позицию, а французское правительство сделало все возможное, чтобы защитить его. Г-н Тьер даже горячо защищал его. Считалось, что на карту поставлен кредит Франции, и было сочтено целесообразным поддержать агента Франции и изложить ему дело как можно лучше.

Вполне возможно, вполне вероятно, что он был полностью убежден в виновности евреев, но это не оправдывает его образ действий. Возможно также, что евреи, как уже было сказано, предлагали ему взятки, если он прекратит свои преследования, но то, что он отказался от этих взяток, показывает, что он либо не был неисправимым негодяем, либо что он считал, что зашел слишком далеко, чтобы отступить.

Турецкие и египетские власти действовали так, как всегда было и будет в их манере, в соответствии со своей природой и в их собственных интересах. Мы не ожидаем от них ничего другого, кроме как того, что представитель одной из самых просвещенных наций Европы, человек, называющий себя христианином и цивилизованным, член благородного дома, будет преследовать невежественных и суеверных и даст волю всем худшим страстям восточного сброда против беспомощной и безвредной расы, которая веками подвергалась угнетению, жестокому обращению и клевете, на которую никогда нельзя смотреть и прощать. Имя Ратти-Ментона должно остаться клейменным для потомков; и следует сожалеть, что М. Тьер должен был позволить своей любви к своей стране настолько увлечь его, чтобы побудить его прикрыться щитом человека, о вине которого он, должно быть, прекрасно сознавал, имея в своих руках полную информацию. Это показывает нам, до какой степени галльское тщеславие закрывает глаза галлов на простые принципы правды.

У Ратти-Ментона были свои агенты, которые помогали ему — Боден, начальник его бюро в консульстве; Франсуа Салинс, уроженец Алеппо, который выполнял функции переводчика, шпиона и охранника консульства; отец Тости, французский лазарист, который, по словам австрийского консула, "казалось, нашел в этом случае возможность отомстить расе за смерть своего Божественного Учителя"; также араб-христианин Сехибли Айюб, человек с дурным характером, которого Ратти-Ментон хорошо принял из-за его преданности делу. шпион и готовность выступить в роли доноса.

То, что последовало дальше, теперь превосходит всякое предположение. После того как бесчисленное количество бедных евреев было обвинено, избито, подвергнуто пыткам и убито, судьям пришло в голову, что было бы неплохо установить мотив преступления. Те, кто признался, говорили, что отец и его слуга были преданы смерти для того, чтобы получить их кровь для смешивания с тестом для пасхальной облатки. Исчезновение двух мужчин произошло 5 февраля. Пасха в том году прилась на 18 апреля, так что кровь нужно было хранить два с половиной месяца. Это была несущественность, которую ни французский консул, ни египетские власти не снизили до рассмотрения. Был отдан приказ изучить Талмуд и другие священные книги евреев, чтобы выяснить, был ли, или, скорее, где в них содержится приказ о том, что человеческую кровь следует смешивать с пасхальным тестом. Когда таких команд обнаружить не удалось, был сделан вывод, что представленные на экспертизу издания были намеренно фальсифицированы.

Теперь появились четкие указания, указывающие совсем в другом направлении, которые, если им следовать, могли бы прояснить дело и выявить настоящих преступников. Но этим указаниям ни в коем случае не последовало. Вилдон Пиериц, евангелический миссионер, находившийся в то время в Дамаске, а также австрийский консул сходятся во мнении, что за три дня до исчезновения отца Томаса его видели в яростной перепалке с турецким погонщиком мулов, который, как было слышно, клялся, что убьет священника из-за него. Ссора была настолько яростной, что слуга отца Томаса схватил погонщика мулов за горло и жестоко с ним обращался так, что потекла кровь — вероятно, у него из носа. Отец Томас вышел из себя и проклял мусульманина и его религию. Эта сцена вызвала большой переполох, и несколько турок были очень разгневаны, среди них был один купец Абу Йехия, который отличился. Уилдон Пьеритц в письме в "Журналь де Смирн" от 14 мая 1840 года заявляет, что, когда известие об исчезновении отца Томаса начало привлекать внимание, этот торговец, Абу Йехья, повесился.

Мы вполне можем поинтересоваться, как получилось, что ни один из этих фактов не был замечен. Ответ под рукой. Каждый свидетель, давший показания, которые могли бы оправдать обвиняемых евреев и обратить внимание в другую сторону, подвергался избиениям и пыткам, следовательно, те, кто мог бы раскрыть правду, боялись этого сделать.

Даже среди мусульман возникали жалобы на то, что французский консул действовал вопреки их закону, и постепенно росло ощущение, что совершается большая несправедливость — что евреи невиновны. Немногие осмеливались допустить это в первой лихорадке народного возбуждения, но, тем не менее, оно пробудилось и распространилось.

Сначала австрийский консул подвергался не только раздражению, но и опасности для жизни, настолько сильными были настроения населения против него из-за защиты, которую он оказал одному из обвиняемых. К счастью, герр Мерлато был человеком отваги. Он был старым солдатом, отличившимся в качестве офицера морской пехоты. Он не только решительно защищал молодого Пиччотто, но и делал все возможное, чтобы воспрепятствовать разбирательству дела Ратти-Ментона; он призвал на помощь представителей других европейских держав, и, наконец, все консулы, за исключением французов, согласились объединиться с ним в представлении своим правительствам о незаконном разбирательстве дела Ратти-Ментона и использовать свое влияние на египетские власти, чтобы добиться освобождения несчастного обвиняемого.

Избиения и пытки теперь прекратились. Мерлато добился освобождения нескольких из тех, кто находился в заключении; и, наконец, единственными евреями, которые остались в тюрьме, были братья Арари, Мусса Салоники и отступник Абул Афия. Из предполагаемых убийц слуги только братьев Фархи все еще держали в цепях.

Дела находились в таком состоянии, когда весть о том, что произошло в Дамаске, достигла Европы и привела в смятение всех евреев. Они приложили все усилия в Вене, Лейпциге, Париже и Лондоне, фактически во всех крупных городах Европы, чтобы убедить общественность в абсурдности обвинения и призвать правительства вмешаться в защиту пострадавших.

В конце концов все представители европейских правительств в Александрии, за исключением французов, выступили с протестом против Мохаммеда Али. Они потребовали, чтобы расследование было начато *de novo*; возражал только генеральный консул Франции М. Кошле. Но действия евреев Европы оказали на Мохаммеда-пашу большее влияние, чем заявления консулов. Дом Ротшильдов занялся этим делом, и сэр Мозес Монтефиоре отправился из Лондона, а меcье Кремье - из Парижа в качестве дипломатического представительства к вице-королю в Александрии, чтобы убедить его такими средствами, которые наиболее эффективны для восточного деспота, в невинности обвиняемых в Дамаске.

Аргументы, использованные этими делегатами, были настолько убедительны для Мохаммеда-паши, что он отменил обвинения против евреев Дамаска, несмотря на яростный протест г-на Кошеле, представителя Франции. Когда вице-король издал фирман, предписывающий освободить заключенных евреев как невиновных и позволить им жить с миром, г-н Кошеле тщетно добивался, чтобы фирман был смягчен или изменен в качестве помилования.

Так закончилось одно из самых скандальных дел этого столетия. Несчастных, невинных людей пытали и казнили за преступление, которое так и не было доказано. То, что двое европейцев были убиты, было всего лишь предположением. Тел обнаружено не было. Не было никаких доказательств, заслуживающих возбуждения дела против обвиняемых, и не было приведено ни одного мотива, заслуживающего серьезного рассмотрения. "Какие бесчеловечные деяния были совершены в течение восьми месяцев этого преследования, - писал герр фон Хайльброннер, - никогда не будут полностью известны. Но это должно вызвать краску стыда на лице европейца, если вспомнить, что европейцы провоцировали, одобряли и стимулировали это до последнего".

Источники: "Моргенланд и Абендланд" герра фон Хайльброннера, который, как уже упоминалось, некоторое время находился в Дамаске. "Damascia," by C. H. Löwenstein, Rödelheim, 1840. Доклады и дебаты в английском парламенте в то время. Недавно опубликованные Дневники сэра Мозеса Монтефиоре, 2 тома, 1890; его Столетняя биография, 1884, т. I., стр. 213-288; и статья, подводящая итог всему делу в "Новой пище" д-ра Дж. К. Хитцига и д-ра В. Харинга, 1857, т. I.

Некоторые обвинения в адрес евреев.

Только что приведенная история о зверском обращении с евреями Дамаска по ложному обвинению, естественно, приводит к краткому наброску обращения с ними в средние века по аналогичным обвинениям. На самом деле, мы не можем описать все безобразия, совершенные над сыновьями Авраама, Исаака и Иакова — на это потребовались бы тома, — но обратим внимание лишь на некоторые из тех, от которых им пришлось пострадать по тем же или аналогичным ложным обвинениям.

Эти ложные обвинения можно разделить на три категории:—

1. Им предъявлено обвинение в отравлении колодцев во время вспышки чумы и злокачественной лихорадки.
2. Им предъявлено обвинение в краже Хоста и нанесении ему ножевых ранений.
3. Наконец, в совершении убийств с целью заполучить христианскую кровь, чтобы смешать ее с тестом для выпечки своих пасхальных куличей.

Мы вообще оставим первое дело в стороне, и поскольку мы уже рассмотрели один случай — ни в коем случае не последний случай подобного обвинения, выдвинутого против них в Европе, — мы рассмотрим его, прежде чем перейдем к случаям обвинения их в краже Хоста.

Но *почему* предполагается, что они должны требовать христианской крови? Одна теория заключалась в том, что благодаря общему участию в нем еврейская община была еще теснее связана друг с другом; другая - в том, что это оказывало благотворное лечебное действие. Иными словами, приняв в Средние века решение, что евреи действительно приносили в жертву людей и пили их кровь, они бились над объяснением и хватались за любую дикую теорию, которая была предложена.^[4]

Джон Дубравиус в своей "Истории Богемии", датированной 1305 годом, рассказывает: "В Страстную пятницу евреи совершили ужасное преступление против христианина, ибо они растянули его обнаженным на кресте в укромном месте, а затем, стоя вокруг, плевали в него, били и делали с ним все, что могли, что записано об их поступке с Христом. Этот зверский акт был отомщен пражанами евреям с помощью недавно изобретенных наказаний, а из их конфискованного имущества был воздвигнут памятник". Но были случаи и раньше. Возможно, самым ранним является св. Уильям Норвичский в 1144 году; следующим является св. Ричард Парижский в 1179 году; затем св. Генри Вайсембургский в Эльзасе в 1220 году; затем Св. Хью Линкольнский в 1255 году, случай с которым описан Мэтью Пэрисом. Женщина в Линкольне потеряла своего сына, восьмилетнего ребенка. Его нашли в колодце возле дома еврея. Еврей был арестован и пообещал расстаться с жизнью, если обвинит своих братьев в убийстве. Он сделал это, но тем не менее был повешен. По этому обвинению девяносто два самых богатых еврея Линкольна были арестованы, их имущество конфисковано для пополнения истощенной королевской казны; восемнадцать были немедленно повешены, остальных ожидала та же участь в Лондонском Тауэре, но они спаслись благодаря вмешательству францисканцев, которые, как говорит Мэтью Пэрис, были подкуплены евреями Англии, чтобы добиться их освобождения. 15 мая 1256 года тридцать пять несчастных евреев были освобождены. Нам не сообщается, что стало с остальными тридцатью девятью, были ли они освобождены как

невиновные или умерли в тюрьме. История маленького Хью очаровательно рассказана в "Кентерберийских рассказах" Чосера.

Семилетняя девочка была найдена убитой в Пфорцхайме в 1271 году; евреев обвинили, окружили толпой, подвергли жестокому обращению и казнили. В 1286 году мальчик, имя неизвестно, исчез в Мюнхене, с теми же последствиями для евреев. В 1292 году девятилетний мальчик в Констанце — те же результаты. В 1303 году "вероломные евреи, привыкшие к пролитию христианской крови, - говорит Сиффрид, священник Мейзена, в 1307 году, - жестоко убили некоего ученого по имени Конрад, сына рыцаря из Вайсензее, в Тюрингии, после этого они пытали его, перерезали все сухожилия и вскрыли вены. Это произошло перед Пасхой. Всемогущий, славный Своими Святыми, однако, не допустил, чтобы убийство невинного мальчика осталось скрытым, но уничтожил убийц и украсил мученичество их невинной жертвы чудесами. Ибо, когда упомянутые евреи развозили тело юноши по многим местам Тюрингии, чтобы тайно похоронить его, по воле Божьей им всегда мешали в их попытках покончить с ним. Поэтому, вернувшись в Вайсензее, они подвесили его к виноградной лозе. Когда правда была раскрыта, солдаты выбежали из замка, а горожане восстали вместе с простым народом во главе с Фредериком, сыном Альберта ландграфа Тюрингии, и яростно убивали евреев".

История святого Вернера, мальчика, убитого евреями в 1287 году в Везеле, на Рейне, и похороненного в Бахарахе, хорошо известна. Прекрасная часовня, воздвигнутая над его телом, теперь превратилась в руины. Но Вернер был не единственным мальчиком, замученным евреями на Рейне. Другим был святой Иоганет из Зигбурга.

Другой случай - святой Андрей Хайлигенвассерский, близ Иннсбрюка, в 1462 году; святой Людвиг Равенбургский, в 1429 году, снова другой. Говорят, что шесть мальчиков были убиты евреями в Ратисборне в 1486 году; и несколько случаев дошли до нас из истории Испании. В Польше, в 1598 году, в деревне Свинаржев, недалеко от Лосица, жил крестьянин Матиас Петрениофф со своей женой Анной. У них было несколько детей, среди них мальчик по имени Адальберт. Однажды на Страстной неделе мальчик пахал поле вместе со своим отцом. Вечером его отправили домой, но вместо того, чтобы сразу отправиться домой, он свернул в сторону, чтобы посетить деревню Возник, в которой жил еврей Марк, владевший ломбардом и несколькими мельницами. Сын Марка по имени Аарон и зять Исаак догнали мальчика, когда они возвращались в Возник в своей повозке, и посадили его в нее.

Поскольку ребенок не вернулся домой, его отец отправился на его поиски и, услышав, что его видели в повозке между двумя евреями, отправился в дом Марка и спросил о нем. Жена Марка сказала, что не видела его. Крестьянин испугался. Он вспомнил ходившие по городу истории об убийстве евреями христианских детей и пришел к выводу, что его мальчик был предан смерти Марком и его единоверцами. Наконец тело ребенка было обнаружено в пруду, вероятно, обглоданное крысами, но отметины на теле сразу же были приписаны оружию евреев. В округе царил огромное волнение, и, наконец, двое слуг евреев, оба христиане, один Афанасий, принадлежащий к греческой церкви, а другой, Кристина, латиноамериканка, признались, что их хозяева убили мальчика. Его прятали в подвале до кануна Пасхи, когда собрались главные евреи округа, и мальчик умер от потери крови в их присутствии. Кровь была налита в маленькие флакончики, и каждому еврею дали по крайней мере по одному. Это привело к общему аресту евреев, когда на дыбе были получены необходимые признания. Исаак, зять Марка, в доме которого, как говорили, произошла бойня, заявил под пытками, что евреи добавляли кровь

христиан в хлеб, а также в вино, но он заявил, что не может объяснить этот обычай. Однако, преисполненный раскаяния за то, что таким образом ложно обвинил свой народ и своих родственников, он повесился в тюрьме. Марк и Аарон были приговорены к растерзанию на куски заживо; и, конечно, последовало обычное ограбление. У нас есть отчет об этом зверском судебном убийстве, написанный иезуитом Шембеком, который извлек подробности из актов Люблинского суда, в котором рассматривалось это дело, и из актов, составленных по приказу епископа Луцкой епархии, в которой произошло убийство, и который добился или санкционировал канонизацию мальчика-мученика.

Другим еще более известным случаем является дело святого Симеона из Трента в 1475 году, очень подробные сведения о котором приведены в *Acta Sanctorum* болландистов, поскольку жертва была официально канонизирована папой Бенедиктом XIV, а римский мартиролог утверждает убийство евреями в следующих выражениях:—

"В Тренте (24 марта) мученическая смерть святого Симеона, маленького ребенка, жестоко убитого евреями, который впоследствии был прославлен несколькими чудесами".

История, рассказанная и утвержденная при канонизации, была следующей: Во вторник Страстной недели 1475 года евреи собрались, чтобы подготовиться к приближающейся Пасхе, в доме одного из них, по имени Самуил; и трое из них, Самуил, Товия и Ангелус, договорились, что ребенок будет распят в качестве акта мести христианам, которые жестоко обращались с ними. Однако их трудность заключалась в том, как его раздобыть. Самуил позвонил своему слуге Лазарю и попытался подкупить его, чтобы тот раздобыл его, но предложение так напугало парня, что он убежал. В четверг Товия взялся забрать мальчика и, выйдя вечером, пока люди были в церкви, он бродил вокруг, пока не нашел ребенка, сидевшего на пороге дома своего отца, в возрасте двадцати девяти месяцев и по имени Симеон. Еврей начал уговаривать малыша следовать за ним, и мальчика, после того как его заманили, привели в дом Самуила, откуда ночью его доставили в синагогу, где он истек кровью до смерти, а его тело пронзили шилами.

Всю пятницу родители искали своего сына, но так и не нашли. Евреи, встревоженные действиями магистратов, которые взялись за это дело, вместе посоветовались, что делать. Было решено переодеть тело обратно в одежду и бросить его в ручей, протекавший под окном Сэмюэля, но там его пересекала решетка. Товиас должен был пойти к епископу и магистратам и сообщить им, что тело ребенка застряло в решетке. Это было сделано. После этого Джон де Салис, епископ, и Джеймс де Споро, губернатор, отправились посмотреть на место, приказали убрать тело и перенести в собор. Поскольку, согласно народному суевию, при приближении убийцы из раны должна была течь кровь, служителям правосудия было рекомендовано наблюдать за толпой, когда они проходили мимо.

Было заявлено, что при приближении Тобиаса хлынула кровь. Исходя из этого, были обследованы дом Самуила и синагога, и утверждается, что были обнаружены кровь и другие следы бойни. Были вызваны самые выдающиеся врачи, чтобы исследовать состояние трупa, и они заявили, что ребенок был задушен и что раны были нанесены ножевыми ранениями. Народный голос теперь обвинял евреев, магистраты схватили их и бросили в тюрьму, и по обвинению отступника более пяти евреев были приговорены к смертной казни. Они были разбиты о колесо, а затем сожжены. Тело ребенка покоится в Тренте, а чаша с кровью хранится как реликвия в соборе.

Этого должно быть достаточно для примеров обвинений в убийстве в религиозных целях, выдвинутых против евреев, в каждом случае ложных. Другое обвинение, выдвинутое против них, было святотатством. Флери в своей "Церковной истории" приводит один пример. "В маленьком городке Пулька, в Пассау, мирянин нашел окровавленного Хозяина перед домом еврея, лежащего на улице на соломе. Люди подумали, что это Воинство было освящено, омыли его и отнесли священнику, чтобы его отнесли в церковь, где собралась толпа преданных, решив, что кровь чудесным образом вытекла из ран, нанесенных ему евреями. Исходя из этого предположения и без какого-либо другого исследования или какой-либо другой судебной процедуры, христиане напали на евреев и убили нескольких из них; но более мудрые головы рассудили, что это было сделано скорее ради грабежа, чем для мести за святотатство. Это предположение было оправдано аналогичным событием, произошедшим незадолго до этого в Нойбурге, в той же епархии, где некий служащий поместил в церкви неосвященный Кувшин, пропитанный кровью, но впоследствии признался перед епископом, что обмакнул этот Кувшин в кровь с целью разжечь вражду против евреев".[5]

В 1290 году в Париже еврея по имени Ионафан обвинили в том, что он бросил в Сену Воинство. Оно всплыло. Затем он проткнул его ножом, и потекла кровь. Еврей был сожжен заживо, и народ требовал всеобщего преследования евреев.

В Баварии, в 1337 году, в Дехендорфе, было обнаружено несколько Хост, заколотых евреями. Несчастные евреи были сожжены заживо.

В 1326 году новообращенный еврей, фаворит графа Вильгельма Доброго из Фландрии, был обвинен в том, что ударил изображение Мадонны, из-за чего потекла кровь. Еврея пытали, но он отрицал обвинение. Затем фанатик вызвал его на дуэль. Он, совершенно непривычный к использованию оружия, сдался. Этого было достаточно, чтобы доказать его вину. Он был сожжен.

В 1351 году новообращенный еврей был обвинен в Брюсселе в том, что он трижды притворялся, что общается, чтобы отправить Войска своим братьям в Кельн, которые нанесли им удары ножом, и потекла кровь.

Путешественник, побывавший в Брюсселе, наверняка обратил внимание на расписные окна по всему нефу собора Святой Гудулы, в боковых проходах слева и справа. Они изображают яркими красками историю чудесных Сонмов, хранящихся в алтаре к северу от хоров, где перед ними постоянно горят семь красных лампад.

История такова: В 1370 году богатый еврей из Энгиена подкупил обращенного еврея по имени Иоанн из Лувена за 60 золотых монет, чтобы тот украл для него несколько Оберегов из часовни Святой Екатерины. Однако едва еврей Ионафан получил облатки, как на него напали разбойники и убили. Его жена, встревоженная и думающая, что его смерть произошла из-за святотатства, решила избавиться от облатки. Возможно, в рассказах об убийствах евреев было отмечено, что они изображались как испытывающие большие трудности при избавлении от мертвых тел. В этих историях о святотатстве не меньшие трудности встречались при исчезновении Воинства. Более того, евреи неизменно действовали самым околным и неуклюжим образом, что приводило к разоблачению. Вдова убитого Ионафана доставила Гостей в брюссельскую синагогу. Там в Страстную пятницу евреи воспользовались присутствием Хозяев, чтобы заколоть их ножами в насмешку над Христом и христианской

религией. Но из проколотых вафель брызнула кровь. В ужасе они также решили избавиться от чудесных Воинств и не нашли для этого лучшего средства, чем подкупить еврейку-отступницу по имени Екатерина, чтобы та перевезла их в Кельн. Они пообещали ей двадцать золотых монет за ее старания. Она приняла Угощение, но, мучимая совестью, рассказала о своем обязательстве своему духовнику. Церковные власти были проинформированы, Екатерина была арестована, заключена в тюрьму и призналась. Все евреи, проживавшие в Брюсселе, были схвачены и подвергнуты пыткам; но, несмотря на все пытки, отказались признать свою вину. Однако капеллан принца, человек по имени Жан Морелли, притворился, что подслушал, как обращенный еврей сказал: "Почему у этих собак не бывает чистой груди? Они знают, что они виновны". Этим человеком был тот самый Иоанн из Лувена, который организовал кражу вафель. Его схватили. Он сразу признался в своем участии в преступлении. Этого было достаточно. Все обвиняемые, включая его самого, были приговорены к смертной казни. Они были казнены с отвратительной жестокостью; после того, как с них сорвали плоть раскаленными докрасна щипцами, они были привязаны к кольям и сожжены заживо во время Бдения в честь Вознесения 1370 года. Каждый год торжественная процессия Святого Таинства Чуда проводится в память об этом злодеянии или чуде, которое к нему привело.

К сожалению, не существует никаких сомнений относительно ужасной казни евреев по ложному обвинению в краже Воинств, но есть очень веские причины вообще не верить в историю о чуде с истекающими кровью Воинствами.

Итак, несколько примечательно, что до 1435 года, то есть в течение 65 лет, ни один писатель того периода и той страны не сказал ни слова об этом чуде. Самое первое упоминание об этом встречается в папской булле того времени, адресованной декану и капитулу Святой Гудулы, в связи с поданным ими ходатайством о том, что, поскольку им нужны деньги на возведение часовни для содержания этих Сонмов, индульгенции могут быть предоставлены тем, кто внесет в это свой вклад. Папа удовлетворил их просьбу.

Так получилось, что в официальных архивах Брюсселя хранятся два документа, датированные 1370 годом и относящиеся к этому судебному процессу. Первый из них - реестр счетов генерального приемника герцога Брабантского. В нем указаны статьи расходов на сожжение этих евреев, квитанция, и текст таков: "Пункт, recepta de bonis dictorum judeorum, postquam combusti fuerant circus ascensionem Domini lxx, quæ defamata fuerant de sacramentis punicè et furtivè acceptis". То есть определенная сумма поступила в герцогскую казну от имущества евреев, сожженных за то, что они "виновны и украдкой заполучили Хозяев". "Наказание" - странное слово, но его значение достаточно ясно. Теперь, в 1581 году, 1 мая, магистраты Брюсселя запретили исповедовать католическую религию в прокламации, в которой, упоминая определенные махинации, совершенные Римской церковью, они говорят о "Таинстве Чуда, которое, - говорят они, - с помощью документальных свидетельств может быть доказано, что никогда не истекало кровью и не было зарезано". Никаких сомнений — они видели эту запись, в которой нет упоминания о нанесении ножевого ранения — никаких намеков на кровотечение. Более того, в том же архиве находится современное епископальное письмо, адресованное декану С. Гудуле по поводу этих Приемов. В этом документе епископ не упоминает о нанесении удара ножом или о чуде. Утверждается, что Воинства были получены евреями для того, чтобы они могли оскорблять их. Любопытно, что в письме не должно быть указано, что они сделали это, и сделали эффективно, своими ножами и кинжалами. Несомненно также, что, если бы было

какое-либо подозрение о чуде, епископ упомянул бы об этом в письме, касающемся опеки над этими самыми Воинствами.

После того, как разрослась вся басня о поножовщине и кровотечении, несомненно, примененная к этим воинствам из предыдущего дела об обвинении евреев, имевшего место в 1351 году, менее тридцати лет назад, было сочтено целесообразным, если не необходимым, представить какие-либо доказательства в пользу этой истории; но поскольку таких доказательств получить не удалось, они были сфабрикованы очень изобретательным образом. Запись в бухгалтерском реестре была опубликована отцом Иденом после того, как нотариусу потребовалось сверить текст. Этот нотариус — его звали Ван Асбрук — дал показания о том, что он сделал точную и буквальную расшифровку записи. То, что он и родители Идены привели в качестве своей точной, буквальной расшифровки, было "*recepta de bonis dictorum Judæorum ... quæ defamata fuerant de sacramento puncto et furtive accepto.*" Изобретательно, но неискренне. Во-первых, они изменили "*sacramentis*" со множественного числа на единственное, а затем наречие *punicè*, "виновато", на *puncto*, "нанесенный удар".

Впоследствии отец Иденс и его нотариус были процитированы как авторитетные свидетели. Однако в настоящее время документ находится в архивах Брюсселя и был литографирован с фотографии для ознакомления теми, у кого нет возможности получить доступ к оригиналу.^[6] Последний юбилей этого апокрифического чуда отмечался в Брюсселе в июле 1870 года.

Мавзолей Кобург.

В восточном конце сада герцогской резиденции Кобург находится небольшой, со вкусом построенный мавзолей, украшенный аллегорическими сюжетами, в котором покоятся останки умерших герцогов. Рядом с мавзолеем возвышаются величественный дуб, заросли рододендрона, акаций, группа тисов и плакучих ив.

Мавзолей скрыт от дворца зарослями молодых сосен.

Замок Кобург - один из самых интересных и лучше всего сохранившихся в Германии. Он стоит на возвышенности, над маленьким городком, и украшен богатой резьбой по дереву 15-16 веков. Ниже по высоте, но немного выше города, находится более современная резиденция герцогов Эренбургов, возведенная в 1626 году итальянским архитектором Боналлиссо и законченная в 1693 году. У него тот характер извращенного бунта против живописности, который отличал все здания того периода. Он был отреставрирован, не в лучшем стиле, в худшую из возможных эпох, в 1816 году. Южный фасад меньше всего изменился; он украшен красивыми воротами, над которыми находится надпись "*Fried ernährt, Unfried verzehrt*", которую нелегко перевести по—английски:—

"Мир лелеет —
Борьба приводит к гибели".

Принцы Кобургские своим достоинством и добрым поведением на протяжении столетия привлекали к себе сердца своих подданных, и вряд ли какой-либо княжеский дом в Германии пользуется большим уважением и любовью.

Герцог Франц умер вскоре после битвы при Йене. За время своего правления своей бережливостью, добродушием и любовью к справедливости он завоевал расположение своего народа, хотя его возмущал деспотический характер его правительства во главе с министром Кречманом. Он был дважды женат, но оставил потомство только от второй жены, Августы, принцессы Рейсской, унаследовавшей благочестие и добродетели, которые, по-видимому, укоренились в этом достойном доме.

Всего через несколько недель после своего возвращения из Брюсселя, где она видела своего сына, недавно коронованного королем Бельгии, герцогиня Августа Саксен-Кобургская умерла на семьдесят шестом году жизни, 16 ноября 1831 года. Восхищение и любовь, которые внушала эта замечательная принцесса, привлекли толпы людей, чтобы посетить тело, когда оно лежало в государственной резиденции в Кобурге, перед похоронами, которые состоялись 19-го числа, до рассвета, при свете факелов. На похоронах присутствовали мужчины и женщины всех сословий, стремившиеся выразить свою привязанность к покойному и уважение к семье. Об этих похоронах ходило много слухов и легенд. Говорили и верили, что вдовствующая герцогиня была похоронена в семейном склепе, украшенная своими бриллиантовыми кольцами и богатейшими ожерельями. Она была матерью королей, и простолюдины верили, что каждый королевский дом, с которым она была в союзе, внес какой-нибудь драгоценный камень в украшение ее тела.

Ее старший сын, Эрнст I., наследовал своему отцу в 1806 году как герцог Саксен-Кобург-Заальфельд, а в 1826 году стал герцогом Саксен-Кобург-Готским. Второй сын, Фердинанд, женился в 1816 году на самой богатой наследнице Венгрии, принцессе Рохари, и его сын Фердинанд стал в 1836 году королем Португалии, а его внук Фердинанд от второго сына является нынешним правящим принцем Болгарии.

Третий сын, Леопольд, женился на Шарлотте, единственной дочери Георга IV. короля Англии, а в 1831 году стал королем Бельгии. Из пяти дочерей старшая была замужем за великим князем Константином Российским, вторая вышла замуж за герцога Кентского в 1818 году и была матерью нашей королевы Виктории. Третья вышла замуж за герцога Александра Вюртембергского.

Среди тех, кто присутствовал на похоронах герцогини Августы, был баварец по имени Андреас Штубенрах, работавший тогда ремесленником в Кобурге. Он был сыном оружейника, унаследовал профессию своего отца и поселился в Кобурге слесарем. Это был на редкость уродливый мужчина с низким, но широким лбом, темно-каштановыми щетинистыми волосами, густыми бровями и маленькими хитрыми серыми глазами. Нос у него был курносый, очень широкий, с огромными ноздрями, цвет лица бледный; у него был большой рот и большая отвисшая нижняя губа. Его невысокий рост, непропорциональное телосложение и некрасивые черты лица придавали ему вид слабоумного человека. Но хотя он и не был умен, дураком его ни в коем случае нельзя было назвать. Его характер соответствовал его внешности. Он был угрюмым, невоспитанным, несдержанным человеком.

Штубенраух был одним из толпы, проходившей мимо кровати, на которой торжественно лежала герцогиня, и бросал жадные взгляды на драгоценности, которыми было украшено тело. Он также присутствовал на похоронах и пришел к выводу, что герцогиню похоронили со всеми драгоценностями, которые он заметил при ней, выставленными на всеобщее обозрение перед погребением, и со многим другим, что, по слухам, было положено в гроб вместе с ней.

Мысль обо всем этом растраченном богатстве не выходила у него из головы, и Штубенраух решил проникнуть в мавзолей и ограбить тело. Расположение хранилища соответствовало его планам, оно было далеко от дворца и скрыто от посторонних глаз, и он мало обращал внимания на замки и засовы, которые, вероятно, стали бы небольшими помехами для опытного слесаря.

Для приведения своего плана в исполнение он решил выбрать ночь с 18 на 19 августа 1832 года. В тот вечер он сидел и пил в низкопробной таверне до 10 часов, после чего ушел, вернулся в свою квартиру, где собрал инструменты, которые, по его мнению, ему понадобятся, свечу, кремень и сталь, а затем отправился в мавзолей.

Во-первых, он счел необходимым перелезть через дощатую стену, окружавшую ту часть территории, где находился мавзолей, а затем, когда он оказался перед зданием, он обнаружил, что создание входа займет у него больше времени и потребует больше работы, чем он ожидал.

Мавзолей был закрыт железными воротами, сделанными из прочных прутьев высотой восемь футов, расходящихся от центра своего рода полукругом и вооруженных острыми шипами. Он обнаружил, что открыть замок невозможно, и поэтому был вынужден перелезть через калитку, невзирая на опасность пораниться о засовы. Между шипами и аркой входа было лишь небольшое пространство, но через него ему удалось протиснуться и таким образом проникнуть внутрь здания, не причинив себе никаких травм.

Здесь он обнаружил в полу двойную крепкую дубовую дверь, которая вела в хранилище. Два клапана были так плотно подогнаны друг к другу и подогнаны так точно, что ему было крайне трудно просунуть между ними инструмент. Он тщетно пробовал открыть замок своими фальшивыми ключами, и долгое время его попытки открыть замок с помощью рычага были столь же тщетны. Наконец с помощью клина ему удалось пробить проход в стыке дверей, в который он мог вставить засов, а затем он изо всех сил дернул за одну задвижку, навалившись всем весом на рычаг. Ему потребовался целый час, прежде чем он смог взломать дверь. Пробило полночь, когда задвижка, заскрежетав на петлях, была откинута. Но теперь возникла новая и неожиданная трудность. Не было лестничного пролета, ведущего в склеп, как он ожидал, и он не знал глубины нижнего этажа, с которого он наклонился, и он побоялся зажечь свечу и опустить ее, чтобы осмотреть расстояние.

Но Штубенраух был не из тех, кого пугают трудности. Он снова перелез через окованные железными шипами ворота на открытый воздух и отыскал длинный и толстый шест, с помощью которого можно было измерить глубину, чтобы знать, какие меры ему следует предпринять для спуска. Войдя в герцогский сад, он вытащил шест, к которому было привязано фруктовое дерево, и потащил его к мавзолею, где с большим трудом протащил его через ворота, которые снова преодолел с осторожностью и без вреда для себя.

Затем, склонившись над отверстием, держа шест обеими руками, он попытался нащупать глубину свода. При этом он потерял равновесие, и тяжесть шеста потянула его вниз, и он упал между двумя гробами примерно в двенадцати футах под полом верхней камеры. Там он

некоторое время лежал без сознания, оглушенный своим падением. Придя в себя, он сел, пошарил вокруг руками, чтобы определить, где находится, и стал обдумывать, что делать дальше.

Ни на минуту не задумываясь о том, как ему выбраться из своего положения, в возможности которого он нисколько не сомневался, зная при этом свою собственную ловкость и готовность прибегнуть к уловкам, он приступил к выполнению своего предприятия. Теперь Штубенраух, сохраняя самообладание, чиркнул зажигалкой и зажег свечу. Сделав это, он осмотрел внутреннюю часть склепа и гробы, которые нашел там, чтобы выбрать подходящий. Портреты герцогини Августы и ее мужа, покойного герцога, были очень похожи, настолько, что негодяю было трудно решить, который из них правильный. Однако он правильно выбрал то, что показалось ему самым свежим, и сорвал с него черную обложку. Под ним он обнаружил очень прочный гроб, запертый на два замка, которые были настолько проржавевшими, что его инструменты не поворачивались в них. Сейчас у него не было с собой железного прута и других инструментов; они лежали наверху, на полу верхней камеры. С большим трудом ему наконец удалось сломать одну из петель, и тогда он смог защелкнуть нижний замок, тогда как верхний сопротивлялся всем его усилиям. Однако сломанные петли и замок позволили ему приподнять крышку достаточно, чтобы заглянуть внутрь. Теперь он надеялся, что сможет просунуть руку и снять все украшения, которые, как он предполагал, были положены там вместе с мертвой женщиной. К своему великому разочарованию, он не увидел ничего, кроме увядающих останков герцогини, покрытых мерцающей белой плесенью, которая показалась ему фосфоресцирующей. Тело было облачено в черный бархат, белые светящиеся руки скрещены на груди. Штубенраух был не из тех, кто испытывает ни уважение к мертвым, ни страх перед чем-либо сверхъестественным. Обеими руками он поддерживал тяжелую крышку гроба, заглядывая внутрь, и необходимость использовать обе руки для поддержания веса не позволила его нечестивой руке прикоснуться к останкам августейшей и набожной принцессы. Штубенраух действительно не раз пытался придержать крышку одной рукой, чтобы другой нащупать сокровища, которые, как ему казалось, там должны быть спрятаны, но в тот момент, когда он убирал одну руку, крышка с грохотом опускалась.

Разочаровавшись в своих ожиданиях, Штубенраух вернул крышку на место и начал обдумывать, как бы ему сбежать. Но сейчас — и только сейчас — он обнаружил, что выбраться из хранилища, в которое он упал, для него невозможно. Шест, на который он положился, был слишком коротким, чтобы дотянуться до отверстия наверху. Все попытки Штубенрауха выбраться наружу провалились. Он попал в ловушку — и какую ловушку! Немезида обрушилась на негодяя сразу, на месте его преступления, и вынудила его выдать себя.

Хотя сейчас им впервые овладел смертельный страх, как он впоследствии утверждал, это был страх, потому что он ожидал наказания от людей, а не какой-либо страх перед гневом духов тех, во владения кого он вошел. Когда он убедил себя, что побег совершенно невозможен, он смирился с неизбежным, лег между двумя гробами и попытался заснуть; но, как он сам признался, крепко заснуть ему не удалось.

Наступило утро — было воскресенье, и в Кобурге устраивался особый праздник, поскольку отмечалась двадцать пятая годовщина восшествия на престол герцога, так что в городе царило оживление, парк и дворец тоже были в ажиотаже.

Штубенраух сел и стал ждать в надежде услышать, как кто-нибудь приблизится и сможет освободить его. Около 9 часов утра он услышал шаги по гравию и сразу же начал звать на помощь.

Подошедший человек в тревоге убежал, заявив, что из герцогского мавзолея доносятся странные и неземные звуки. Охранник был проинформирован, но поначалу не поверил сообщению. Наконец на место был отправлен один из часовых, и он быстро вернулся с известием, что в хранилище определенно находится человек. Он заглянул сквозь решетку на входе и увидел, что дверь выломана, а вокруг валяются лом и другие предметы.

Ворота были открыты, и Штубенраух вывели из зала посреди собравшейся толпы разгневанных и встревоженных зрителей. Его отправили в тюрьму, судили и приговорили к восемнадцати месяцам каторжных работ.

На этом история не заканчивается. После увольнения Штубенраух так и не устроился на постоянную работу. В 1836 году он был привлечен к уголовной ответственности за кражу, и снова по тому же обвинению в 1844 году. В 1854 году он был обнаружен мертвым в небольшом лесу недалеко от своего дома; между пальцами его правой руки была щепотка нюхательного табака, а в левой руке - пистолет, из которого он вышиб себе мозги. В его карманах были найдены кошелек и бутылка бренди, обе пустые.

Жан Эймон.

Жан Эймон родился в Дофине в 1661 году в семье католиков. Он учился в колледже Гренобля. Его семья, любя его, не пренебрегала ничем, что могло бы способствовать развитию его ума, и профессора Гренобля трудились над совершенствованием своего смышленного ученика в математике, языках и истории.

Из Гренобля Аймон отправился в Турин, где изучал теологию и философию. Но было одно, что ни родители, ни профессора не смогли привить молодому человеку, — совесть. Он был досконально сведущ во всех тонкостях морального богословия и в тонкостях школяров; он рассматривал преступление и грех как нечто действительно смертельное, но смертельное только для других людей. Воровство было смертным грехом для всех, кроме него самого. Правдивость была добродетелью, которую следовало строго прививать, но не применять на практике в его собственном случае.

Его родители, думая, что он перерастет эту косность нравственного видения, настаивали на своей схеме воспитания мальчика — вероятно, самой худшей, которую, учитывая его своеобразный склад ума, они могли бы выбрать для него. Закончив учебу в Турине, его злая звезда привела его в Рим, где его таланты вскоре привлекли к нему внимание, и Эркуль де Берзе, епископ Сен—Жан-де-Морьен в Савойе, назначил его капелланом и посвятил в духовный сан по указанию Иннокентия XI., до достижения возраста, установленного Тридентским собором, "из-за честности его жизни, его добродетелей и других достоинств!" - таковы были причины.

Вскоре после его назначения капелланом епископа его покровитель доверил ему деликатное дело. Де Берзе в последнее время был глубоко вовлечен в интригу по получению кардинальской шапки. Он был разочарован и либо жаждал мести, либо, возможно, надеялся напугать папу, чтобы тот дал ему то, о чем он тщетно просил. Он принялся за дело, раздувая все скандалы в папском доме и шпионя за всеми передвижениями приближенных двора. Спустя совсем немного времени этому достойному прелату удалось собрать достаточно материала, чтобы заставить звенеть уши всю Европу, и он был передан в руки молодого священника для оформления в форму для публикации.

Просматривая эти скандальные мемуары, Аймон размышлял по-своему. "Публикация этого, несомненно, вызовет бурю; но первым, кто погибнет в ней, будет мой покровитель и все, кто плывет в его лодке". Аймон заметил, что месье де Камю, епископ Гренобля, был больше всего скомпрометирован бумагами, попавшими в его руки, и был бы больше всего заинтересован в их сокрытии. Аймон, не колеблясь, завязал сверток, положил его в карман и предстал перед епископом, готовый передать их ему на рассмотрение. Как и следовало ожидать, его хорошо приняли, и в обмен на документы ему предоставили жилье в епархии. Но это не удовлетворило беспокойный дух Аймона; он впитал в себя вкус к интригам, и не было такого места, как Вечный город, где можно было бы потакать этому вкусу. Более того, он был недоволен своим благодеянием и ожидал большего вознаграждения за службу, которую он оказал Церкви. Иннокентий XI. хорошо принял его и в 1687 году назначил своим протонотарием. Дальше он не продвинулся. При папском дворе он делал свои наблюдения, и то ли из-за того, что его считали чем-то вроде шпиона, то ли из-за какой-то интриги, его звезда начала закатываться, когда Эймон, слишком хорошо понимая, что падший человек может пасть очень низко, внезапно бежал из Рима, пересек границу Швейцарии и через несколько дней был обращен в самую строгую секту кальвинистов. Но швейцарцы бедны, а их министры занимают удобные, хотя и не прибыльные должности. Голландия была раем кальвинизма, и Голландию восстановил Эймон. Здесь он получил важное лекарство и женился на знатной даме.

Но даже сейчас Аймон не был удовлетворен. Среди протестантов Нидерландов нет епископов, и ни один человек не может взлететь выше кафедры приходской церкви. Аймон был убежден, что он забрался так высоко, как только мог, в Церкви Кальвина, и что его душа стремилась к чему-то еще более высокому. Его следующий шаг был достаточно необычным. В декабре 1705 года он написал месье Клеману из Библиотеки короля в Париже, сообщив, что у него есть "Травник" знаменитого Пауля Германна в сорока томах-фолиантах и что он предложил его королю за 3200 ливров, немногим больше того, во что это ему обошлось. Он добавил, что был священником—отступником, который искал покоя в протестантизме, но не нашел его - нет! он обнаружил, что это рассадник всевозможных пороков, и что он тоскует по Церкви своего крещения. Он намекнул, что сделал несколько открытий, имеющих огромное политическое значение, и что он сообщил бы о них королю, если бы ему выдали паспорт.

Клемент навел справки у управляющего Королевским садом относительно целесообразности приобретения "Травяного" препарата и получил отрицательный ответ.

Аймон написал снова, почти не упоминая о "Травах" и развивая свои схемы. Он сказал, что у него есть государственные секреты, которые он должен доверить министрам короны, кроме того, он вызвался составить большой и важный труд о состоянии протестантизма, "полный доказательств, настолько достоверных и многочисленных, что, если бы они были вынесены на

свет божий, как я намереваюсь, это, вероятно, не только удержало бы всех тех, кто помышляет об отделении от Римской церкви, но и убедило бы всех тех, кто не ослеплен своими страстями, вернуться к католической вере".

Климент, не зная, что ответить, показал эти письма нескольким своим знакомым священнослужителям и, следуя их совету, вручил их г-ну де Поншартрену, который сообщил королю о предложении Эймона.

Паспорт был немедленно выдан, и Аймон покинул Голландию, заверив свою паству, что собирается ненадолго в Константинополь по важным религиозным вопросам.

По прибытии в Париж он предстал перед г-ном Клеманом, чтобы заверить его в пылкости своего рвения и серьезности своего обращения. Клеман радушно принял его и повез в Версаль к г-ну де Поншартрену. В этой беседе Эймон много обещал быть полезным Церкви и государству своими разоблачениями, которые он собирался сделать; но г-н де Поншартрен отнесся к его протестам очень легкомысленно и передал его кардиналу де Ноай, архиепископу Парижа.

Совещание с кардиналом было долгим. Архиепископ обратился с проповедью к раскаявшемуся грешнику, который слушал, скрестив руки на груди, опустив глаза в землю, а по щекам его текли слезы. Аймон со вздохом объявил, что навсегда покинул лагерь амаликитян и что он полон решимости обратиться против них их же собственное оружие. Присутствовавший при этом Климент выступил вперед и напомнил прелату, что Аймон отказался от прибыльной работы по велению совести, и что, хотя он, конечно, мог ожидать вознаграждения в будущем, все же это вознаграждение в этой жизни не повлияет на эти будущие перспективы. Кардинал вполне одобрил это мнение и пообещал посмотреть, что он сможет сделать для новообращенного. Тем временем он хотел, чтобы Аймон провел уединение в каком-нибудь религиозном доме, где он мог бы поразмышлять об ошибках своей прошлой жизни и искупить, насколько это в его силах, свои недавние проступки строгой епитимьей. Аймон поблагодарил кардинала за то, что тот без лишних слов удовлетворил его просьбу, которая занимала его больше всего в мыслях, а затем попросил разрешить ему воспользоваться Королевской библиотекой, в которой продолжить свои богословские изыскания и изучить документы, необходимые для осуществления его замысла написать триумфальное подтверждение католической веры и полное разоблачение мерзостей протестантизма. М. Клеман с готовностью удовлетворил это по просьбе архиепископа, и Жан Аймон был отправлен в семинарию Восточных миссий.

Теперь Аймон выглядел образцовым кающимся грешником. Значительную часть ночи он проводил в молитве перед алтарем, он был пунктуален во всех публичных религиозных обрядах, и его беседы утром, днем и вечером были посвящены ошибкам и беспорядкам кальвинистской церкви. Когда он не был занят молитвами, он проводил время в библиотеке, где неутомимо рылся в рукописях, которые могли пролить свет на предмет, которым он занимался.

Действительно, его энтузиазм и рвение к открытиям утомили ассистентов. Сам Клемент был занят каталогами и не мог уделять внимания Аймону; и помощники вскоре научились относиться к нему как к книжному червю, который будет держать их в курсе событий, снабжая свежими материалами, если они не оставят его заниматься практически тем, что ему нравится.

Время шло, и Аймон больше не слышал о награде, обещанной кардиналом. Он начал бормотать и изливать свои жалобы в неохотное ухо Клемента, которому вскоре так надоело их слушать, что появление недовольного лица Аймона в библиотеке послужило для него сигналом сослаться на

дела и поспешить в другую квартиру. Аймон заявил, что он решительно ничего не должен публиковать, пока король или кардинал не возместят ему убытки, которые он понес, уйдя со своего поста в Голландии.

Внезапно, к великому облегчению Клемента, Аймон исчез из библиотеки. Сначала он был удовлетворен тем, что его освободили, и не стал наводить никаких справок; но через некоторое время, услышав, что он тоже покинул миссию Этранж, он начал поиски пропавшего человека. Его нигде не было видно.

Примерно в это же время прихожане Аймона в Гааге были рады возвращению своего пастора, конечно, не слишком загоревшего под константинопольским солнцем, но с его сундуками, набитыми ценными рукописями.

Некоторое время спустя мсье Клеман получил следующую записку от французского агента, резидента в Гааге:

"Требуется информация относительно некоего Аймона, который утверждает, что был капелланом господина кардинала де Камю и апостольским протонотарием. Прожив некоторое время в Гааге, куда он приехал из Швейцарии, где принял так называемую реформатскую религию, он исчез, и было установлено, что он находился в Париже, куда он привез рукопись арабского Корана, которую украл у книготорговца в Гааге. Он только недавно вернулся, нагруженный добычей — кражами, вернее было бы сказать, которые он, должно быть, совершил в Париже, где он провел пять или шесть месяцев в какой-нибудь рекламе.... У него с собой Акты последнего Иерусалимского собора, проведенного греками по вопросу Пресуществления, и некоторые другие документы, которые, как предполагается, были украдены из Библиотеки Короля. У этого человека есть могущественные сторонники в этой стране. — 10 марта 1707 года".

"Иерусалимский совет" был одной из самых ценных рукописей библиотеки - и она находилась в руках Аймона! Клемент бросился к шкафу, где под замком хранилось это бесценное сокровище. Шкаф был надежно заперт - но, увы! рукописи там больше не было.

Через несколько дней Клемент услышал, что Аймон пересек границу с несколькими тяжелыми ящиками, которые, как выяснилось, были полны книг. Что это были за тома? Фонды Королевской библиотеки насчитывали 12 500 рукописей. Нужно было просмотреть все. Вскоре было установлено, что еще одной пропавшей книгой были оригинальные итальянские депеши и письма Карло Висконти, апостольского нунция при Тридентском соборе.

Нельзя было терять ни минуты. Клемент написал в Гаагу, чтобы потребовать украденные тома и возбудить судебное разбирательство для их возвращения, прежде чем коллекция может быть рассеяна, и он назначил Уильяма де Войса, книготорговца в Гааге, со всеми полномочиями, чтобы изъять два тома, которые, как утверждается, находятся во владении Аймона.

Через некоторое время после еще нескольких сообщений. томов не хватало; это были "Итальянские письма Просперо Сан-Кроче, нунция Пия IV", "Посольство епископа Ангулемского в Рим в 1560-1544 гг.", "Реестр налогов Римской канцелярии", "Диалог политической партии и смуты Франции", девять китайских рукописей, копия Евангелий глубокой древности, написанная унциальными буквами, другой экземпляр Евангелий, не менее ценный, и Послания Святого Павла, тоже очень древние.

Вскоре после этого Аймон показал двум швейцарцам, проезжавшим через Гаагу, несколько рукописей, которые совпадали с теми, которые упоминались как утерянные из Королевской библиотеки; но помимо них, они увидели множество отрывных листов, исписанных золотыми буквами и, по-видимому, принадлежащих рукописи Библии. Теперь Клементу предстояло просмотреть каждую рукопись в библиотеке и найти, что из них было вычтено. Из знаменитой Библии Святого Дениса исчезло четырнадцать листов. Из Посланий Павла и Апокалипсиса, рукописи седьмого века, одного из самых ценных сокровищ библиотеки, было вырезано тридцать пять листов. Были и другие потери, менее важные.

Пока Климент делал эти открытия, Де Войс подал иск против Эймона о возвращении "Иерусалимского собора" и "Писем Висконти".

Однако Жан Эймон был не из тех, кого можно лишить того, что у него когда-то было. Он прекрасно понимал свое положение и нравы окружающих. Он прекрасно понимал, что для достижения своей цели ему нужно было только возбудить народные страсти. Его судьи были врагами как Франции, так и католицизма, ему нужно было всего лишь заставить их поверить, что французские паписты составили против него заговор с целью завладения определенными рукописями, которые были у него и которые содержали урожай скандалов и разоблачений, ошеломляющих католиков, и он знал, что его дело в безопасности.

Соответственно, он опубликовал защиту под следующим заголовком: "Письмо сьера Аймона, служителя Святого Евангелия, М. Н., профессору богословия, с просьбой проинформировать людей чести и ученых о необычайных махинациях некоторых папистских докторов и об огромных усилиях, которые они сейчас прилагают вместе с некоторыми извращенными протестантами, которые вместе стремятся погубить сьера Аймона своим самозванством и лишить его нескольких рукописей и т. Д.". — Ла Хэй, датировано 1707 годом. Аймон в своем памфлете придерживался высоких моральных принципов. Он защищал не свое дело. Преследуемый папистами, врагами Республики и религии Христа, он презирал их клевету и ярость. Он склонился бы перед бурей, он с радостью перенес бы гонения, ибо "Блаженны гонимые за правду"; но на карту были поставлены более высокие интересы, чем его собственная незапятнанная слава. О себе он заботился мало; о протестантской вере он заботился больше всего. Если паписты добьются своего, они вырвут у него документы, наиболее компрометирующие их самих. Они не оставили бы камня на камне, чтобы обезопасить их — они не посмеют оставить их в руках протестантского пастора. Их рассказ о "Деяниях Иерусалимского совета" был ложью. Они сказали, что она была получена Олье де Нантей, послом Франции в Константинополе, в 1672 году и была передана в Париж, где Арно увидел ее и использовал при подготовке своего великого труда "О вечности веры". Далее они сказали, что Библиотека Руа получила его в 1696 году. С другой стороны, Аймон утверждал, что Арнольд подделал текст в своем трактате о "Вечности веры", и что, не осмеливаясь обнародовать свой обман, он никогда не отдавал рукопись в Королевскую библиотеку, но передал ее монаху-бенедиктинцу из Сан-Маура, который помог ему подделать ее и сделать неправильный перевод. Этот монах никогда бы не отдал РУКОПИСЬ, но совесть не давала ему покоя до тех пор, пока он не передал ее тому, кто знал, как ею правильно пользоваться. Он, Аймон, торжественно пообещал никогда не разглашать имя этого монаха, и даже если ему и протестантскому делу придется пострадать за это, это обещание следует считать священным. Он бросил вызов королевской библиотеке, требуя доказать ее притязания на "Совет Иерусалима"! На всех книгах Королевской библиотеки стоит печать библиотеки. На этом томе было три печати — султана,

патриарха Иерусалимского и Олье де Нантейля; но он запретил кому-либо видеть библиотечный знак на его обложке или на любом из его листов. Эймон завершил свой дерзкий памфлет пророчеством о том, что паписты Франции не удовлетворятся этим заявлением, но выдвинут многие другие, поскольку они знали, что в его руках находятся документы, имеющие для них первостепенную важность, которые они должны скрыть. Аймон был слишком умен для Клемента: он перепутал правду с вымыслом таким образом, что пункты, которые Клементу приходилось признавать, заставляли даже тех, кто не был фанатиком, колебаться в осуждении Аймона.

Климент ответил на это письмо, изложив всю историю обмана Эймона кардиналом де Ноаем и другими. Что касается "Иерусалимского совета", то это ложь, что он когда-либо существовал в Благодетельном монастыре. "Это правда, - сказал он, - что в монастыре Сен-Жермен-де-Пре есть документы, касающиеся разногласий между католиками и греческими раскольниками, но все они на французском". Он предъявил свидетельство, подписанное настоятелем, о том, что рукопись, о которой идет речь, никогда не находилась в стенах его монастыря. Климент был вынужден признать, что Арно нанял монаха-бенедиктинца для перевода текста Собора; он даже узнал его, его звали Мишель Фукер; он был все еще жив, и библиотекарь заставил его подтвердить в письменной форме, что он вернул том по завершении своего перевода дому Люку д'Ашери. Климент прислал копию библиотечного реестра, в котором рассказывалось, как и когда этот том попал во владение короля. Это правда, что на нем не было библиотечной печати, но это было по недосмотру.

Аймон написал вторую брошюру, более полно разоблачающую Климента, указывая на уступки, на которые он был вынужден пойти, и, наконец, в негодующих выражениях обрушивая на него низкопробное утверждение, сделанное с целью оскорбить его в глазах просвещенной протестантской общественности, что он когда-либо вел переговоры с правительством или духовенством Парижа по поводу присоединения к рядам папства. Но он признал, что был в Париже; что встречался с кардиналом-архиепископом; но на каком основании? Он встретил его и еще двадцать четыре прелата, собравшихся на торжественный конклав, и возвысил свой голос, свидетельствуя против них; поспорил с ними и, вложив Слово Божье в его уста, заставил их всех замолчать! Ему и в голову не приходило, что он когда-нибудь оставит реформатскую веру. Нет! Он был с миссией к папистам Франции, чтобы открыть им глаза и обратить их в свою веру.

Однако известие об ограблении достигло ушей короля Людовика XIV, и он поручил г-ну де Торси потребовать от правительства возврата украденной рукописи. Г-н де Торси сначала написал г-ну Хеннекену в Роттердам, который ответил, что Эймон оправдал себя перед Государственным советом из-за выдвинутых против него обвинений. Его допрашивали не по факту кражи, совершенной в Париже, а по пути во Францию. Аймон доказал, что эта экспедиция была предпринята с благими намерениями и увенчалась огромным успехом, поскольку он вернулся, нагруженный рукописями, публикация которых вызвала бы величайшее замешательство в лагере католиков. Хеннекен добавил, что после того, как его лишили стипендии, как и предполагалось, поскольку было установлено, что он посетил Париж вместо Константинополя, Аймон, очистив свою репутацию, вернул ее. Таков был первый результат вмешательства Людовика XIV. в это дело.

"Печать Королевской библиотеки стоит на всех рукописях, за исключением "Совета Иерусалима", - сказал Климент. "Пусть судьи настаивают на проверке книг, находящихся во владении Аймона, и все сомнения относительно кражи будут устранены".

Но судьи отказались это сделать.

Было сделано вид, что Аймон подвергался преследованиям; в обязанности правительства Нидерландов входило защищать подданного от преследований. Он сделал открытия, и католики боялись публикации его открытий, поэтому был составлен глубокий заговор с целью погубить его.

Теперь Аймон сформировал вокруг себя могущественную партию, и кальвинистские проповедники единодушно встали на его сторону. Достаточно было прочесть названия украденных книг, чтобы убедиться, что в них содержатся любопытные подробности о делах, волновавших католиков и протестантов шестнадцатого века.

Все, о чем сейчас заботились голландские власти, - это найти какой-нибудь предлог для сохранения этих важных бумаг, и расследование было в основном направлено на расследование дела Аймона во Франции. Если, как было сказано, он отправился туда, чтобы отречься от кальвинизма и предать своих братьев, он заслуживал выговора, но если, с другой стороны, он проник в лагерь врага, чтобы бросить ему вызов и стать свидетелем доброго признания в сердце врага, он заслуживал короны. Клемент, чтобы показать Аймона в его истинном обличье, действуя по совету министра, отправил копии писем Аймона. Не предполагалось, что добросовестность французской администрации будет подвергнута сомнению. Аймон поклялся, что письма были не его собственными, а что они были сфабрикованы правительством; и он предложил поставить свою голову на кон за правдивость того, что он сказал. В то же время он предложил Де Торси предъявить оригиналы.

Он угадал правильно: он точно знал, как далеко может зайти. Голландский суд фактически поставил под сомнение добросовестность этих копий и потребовал предоставить оригиналы. Это, как и ожидал Аймон, было воспринято Де Торси как оскорбление, и все дальнейшее общение на эту тему было резко прекращено. Это был умный ход со стороны Аймона. Одним смелым штрихом он перевернул относительные позиции себя и своего обвинителя: судьи в Гааге потребовали, чтобы меесье де Торси восстановил свою честь, прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о виновности Аймона. Короче говоря, они предположили, что один из министров короны, желая разорить беженку-протестантку, намеренно совершил подлог.

Вопрос был закрыт. Через некоторое время Аймон опубликовал переводы некоторых рукописей, имевшихся в его распоряжении, и те, кто ожидал отличных результатов, были разочарованы. Тем временем бедняга Клемент умер, убитый горем из-за потери библиотеки, вверенной его попечению.

Наконец, голландское правительство после публикации книги Аймона и после возобновления переговоров вернуло "Иерусалимский совет" Королевской библиотеке. Он все еще хранит следы увечий и дополнений, сделанных Аймоном.

В 1710 году самозванец опубликовал письма Просперо С. Кроче, которые, по его словам, он скопировал в Ватикане, но на самом деле украл из Королевской библиотеки. В 1716 году он опубликовал другие украденные документы. Клемана сменил аббат де Тарньи, который

предпринимал тщетные попытки вернуть утраченные сокровища. Аббат Биньон сменил де Тарньи, и он обнаружил новые потери. Аймон украл арабские книги, а также греческие и итальянские рукописи. Не было никаких шансов вернуть утерянные работы через суд, и Биньон ограничился письмами в Голландию, Англию и Германию, чтобы узнать, есть ли какие-либо из рукописей. был куплен там.

Барон фон Стокс написал, что приобрел несколько листов Посланий Святого Павла, несколько страниц Библии Святого Дениса и арабский том у Аймона за сто флоринов и что за эту сумму он вернет их библиотеке. Они были найдены в марте 1720 года.

Примерно в то же время мистер Бентли, библиотекарь короля Англии, объявил, что в библиотеке лорда Харли есть еще несколько страниц из Посланий Святого Павла и что герцог Сандерленд приобрел различные рукописи. в Гааге от Аймона. Передавая эту информацию аббату Биньону, г-н Бентли умолял его не упоминать источник его информации. В связи с этим г-н де Бозе решил посетить Англию и попытаться вернуть рукопись. Но он был задержан по разным причинам.

В 1729 году граф Миддлтон предложил со стороны лорда Харли вернуть находящиеся у него тридцать четыре листа Посланий, попросив взамен лишь подтверждение, скрепленное большой печатью. Кардинал Флери, обнаружив, что королевская подпись вряд ли может быть использована для такой цели, написал от имени короля письмо графу Оксфорду лестного характера, и утраченные рукописи были восстановлены в сентябре 1729 года.

Полагаю, те, что были в коллекции Сандерленда, возвращены не были.

А что стало с Аймоном? В 1718 году он поселился в замке Рисвик. Оттуда он отправил братьям Ветштейнам, издателям в Амстердаме, корректуры своего издания "Писем Висконти". Она появилась в 1719 году в двух томах по 12 миллионов экземпляров под названием "Письма, анекдоты и исторические воспоминания о прошлом Висконти, рекомендации кардинала и секрет министерства финансов IV. et de ses créatures." Дата его смерти неизвестна.

Authority: Hauréau, J. Singularités Historiques et Littéraires. Париж, 1881.

Миланские патарины.

Я.

В одиннадцатом веке почти все духовенство на севере Италии было женато.^[7] То же самое было на Сицилии, и то же самое было в Риме,^[8] но там авторитета и присутствия пап было достаточно, чтобы превратить открытый брак в тайное сожительство.

Но наложничество в те времена означало не совсем то, что оно означает сейчас. *Наложница* была *жертвой* в меньшей степени; в обоих случаях женщина выходила замуж с помощью кольца и религиозного обряда, но дети наложницы не могли законно наследовать имущество своего отца. Когда священники были без жен, допускались наложницы, жены без юридического статуса жен, чтобы после смерти священника его дети не претендовали на

имущество, принадлежащее Церкви, и не отчуждали его в свое пользование. В дворянских и королевских семьях иногда происходило то же самое, чтобы не допустить расчленения поместий. После смерти жены ее место занимала наложница, и сыновья последней не могли оспаривать наследство у сыновей первой. Церковь также не смотрела сурово на наложницу. На первом Толедском соборе был принят канон относительно общения с теми, у кого была одна жена или наложница; — такие не должны были исключаться из Трапезы Господней,^[9] при условии, что у каждого мужчины была только одна жена или наложница, и союз был вечным.

Но, хотя наложничество было повсеместным среди духовенства Италии, в Милане священники открыто, смело требовали для своих жен столь почетного положения, какое только могло быть им предоставлено; и они утверждали, не боясь противоречий, что их привилегия получила одобрение самого великого Амвросия. Женатые епископы были обычным явлением, и прелаты, вступившие в брак со святыми, были небезызвестны. У святого Севера Равеннского были жена и дочь, и хотя покойный биограф утверждает, что после того, как он стал епископом, он жил со своей женой как с сестрой, это заявление, вероятно, сделано для того, чтобы забыть неловкий факт.^[10] Когда он собирался умереть, он пошел к могиле, где лежали его жена и дочь, и приказал убрать камень. Затем он обратился к ним так — "Мои дорогие, с которыми я так долго жил в любви, освободите для меня место, ибо это моя могила, и после смерти мы не будем разделены". После этого он спустился в могилу, лег между женой и дочерью и умер. Святой Хериберт, архиепископ Милана, был женатым человеком, и его жену почитали за ее добродетели.^[11]

Судя по всему, дружелюбные и враждебные, ломбардские священники сочетались браком открыто, законно, с религиозным обрядом, обменом кольцами и нотариальным актом. Не было ни чувства стыда, ни предположения, что это было оскорблением.^[12]

Как можно было нарушить этот укоренившийся обычай? Как открытый, честный брак можно было превратить в тайный союз? Ибо полностью отменить его было не под силу папам и Соборам. Тщетно было взывать к епископам, они сочувствовали своему духовенству. Тщетно было взывать к светской власти; императоры, подесты, поддерживали приходских священников в их упрямой приверженности незапамятным привилегиям.

Чтобы провести реформу, к которой они стремились, полностью отменить брак духовенства, необходимо обратиться с призывом к народу.

В Милане это было практически осуществимо, поскольку миряне, по крайней мере, низшая чернь, были глубоко пропитаны патаринизмом и затаили злобу на духовенство, которое было первым, кто предал несчастных еретиков на дыбу и костер; и одной из самых почитаемых доктрин патаринцев была незаконность брака. Что, если бы строгие реформаторы Церкви воспользовались этим антисемитским предубеждением и обратили его ярость на духовенство, которое отказывалось слушать увещания Святого Отца?

Патаринцы, которых папы собирались привлечь к своему делу против амброзианского духовенства, уже кишели в Италии. Об их происхождении и принципах мы должны сказать несколько слов.

Любопытным фактом является то, что вместо язычества, повлиявшего на христианство в ранние века Церкви, именно христианство повлияло на язычество, и это не греческое и римское идолопоклонство, которое было прогнившим насквозь, а гораздо более тонкое и мистическое язычество Сирии, Египта, Персии и Месопотамии. Многочисленные гностические секты, названные так из-за их притязаний на обладание истинным *гнозисом*, или знанием мудрости, не были, за исключением самых редких случаев, христианского происхождения. Это были языческие философские школы, которые переняли и инкорпорировали различные христианские идеи. Они превратили библейские имена и понятия в странные новые верования, которые они изобрели, и, в зависимости от того, насколько они смешивали более или менее христианское учение со своим собственным, они привлекали к себе учеников различного темперамента. Манес, процветавший в середине третьего века, временный и номинальный новообращенный к Евангелию, смешал некоторые из этих древних гностических систем с персидскими доктринами Зороастра, добавив к христианству несколько больший элемент, чем его предшественники предпочли принять. Его доктрины распространились и приобрели обширное и прочное влияние на умы людей, неоднократно подавляясь, но никогда не исчезая полностью, принимая новые названия, появляясь в новых странах, проявляя неудержимую жизненную силу, которая приводила в замешательство пап и церковников с третьего по десятый века.

Традиция западного манихейства прерывается примерно в VI веке; но на Востоке, под именем павликиан, приверженцы манихейских доктрин подвергались жестоким преследованиям в течение целых двух столетий и распространились, спасаясь от меча и кола на Востоке, по Европе, вливаясь в нее двумя потоками — одним через Болгарию, Сербию и Хорватию, чтобы вырваться наружу в диком фанатизме таборитов под предводительством Зиски Цепного; другой, морским путем, затопил северную Италию и Прованс. В Пьемонте это получило название патаринизма, в Провансе - альбигойства.

Вместе с восточным манихейством патаринцы и альбигойцы Запада считали, что существуют два равноправных конфликтующих принципа добра и зла; что материя вечна и ведет вечную войну против духа. Их нравственная жизнь была строгой и суровой. Они постились, одевались в грубую одежду и с трудом, неохотно допускали брак с более слабыми, неполноценными учениками. Это было категорически запрещено тем, кто был или считал себя совершенным.

Уже в Милане святой Хериберт, женатый архиепископ, разжег костры и бросил в них этих порицателей супружества. В 1031 году еретики захватили замок Монфорте в епархии Асти. Их допросили: они заявили, что готовы засвидетельствовать свою веру своей кровью. Они почитали девственность и жили в целомудрии со своими женами, никогда не прикасались к мясу и непрестанно молились. У них было общее имущество. Их замок выдержал осаду. В конце концов он был захвачен архиепископом. На рыночной площади с одной стороны был воздвигнут крест, с другой - пылающий погребальный костер. Патаринцев вывели вперед, им было приказано предстать перед крестом, признать себя еретиками или броситься в огонь. Некоторые преклонили колени перед крестом; большинство закрыли лица, бросились в огонь и сгорели.^[13]

Святой Августин в своей книге о ересьях уже описал этих еретиков. Он, который был вовлечен в чарующие уловки манихейства, не мог не знать о них. Он называет их патаринцами, или

венустианцами, и говорит, что они считали плоть делом рук дьявола, то есть злого начала, потому что она сделана из материи.

В одиннадцатом веке в Ломбардии их называли патаринами, Патринами или катары. Муратори говорит, что они получили свое название от части города Милана, в которой они кишели, недалеко от Контрады ди Патари; но более вероятно, что квартал был назван в их честь.

В 1074 году Григорий VII. на торжественном конклаве благословит их всех поименно как защитников Святого Престола и Истины; в 1179 году Александр III. полностью предаст их анафеме, поскольку еретики собираются для сожжения. Фридрих II, когда добивался примирения с Гонорием III. и Григорий IX никогда не устанет возносить гекатомбы Патарину в знак своей ортодоксальности.

Ариальд, уроженец Кузаго, деревни близ Милана, неблагородного происхождения, в чине диакона, был избран для опасного предприятия по привлечению еретиков-патрициев против ортодоксального, но расслабленного духовенства этого города. Милан, гласила пословица, славился своим духовенством, Равенна - своими церквями. По нравственности, образованности, точному соблюдению своих религиозных обязанностей миланское духовенство занимало видное место среди священников Ломбардии. Но все они были женаты. Папы не могли ожидать поддержки ни от архиепископа Гвидо Вавасура, ни от императора Генриха IV, тогда еще ребенка. Ариальд с младенчества был женоненавистником с глубоким оттенком патаринства. Нам рассказывают, что даже в детстве вид своих сестер был ему отвратителен.^[14] Он начал проповедовать в Милане в 1057 году, и население сразу же было подожжено^[15] его проповедями. Они громко приветствовали его заявление о том, что к женатому духовенству следует относиться больше не как к священникам, а как к "врагам Божиим и обманщикам душ".

Затем из толпы поднялся клерк по имени Ландульф, человек громкого голоса и яростных жестов, и предложил присоединиться к Ариальду в его крестовом походе. Толпа, или, по крайней мере, часть ее, восторженно зааплодировала; другая часть аудитории, не одобряя происходящее, посчитав, что это взрыв давно подавляемого манихейства, который встретит суровые репрессии, сочла благоразумным удалиться.

Преуспевающий мирянин по имени Назарий предложил свое состояние для продвижения дела, а свой дом - в качестве убежища для его апостолов.

За проповедью последовала суматоха. Весь город был в смятении, а женатому духовенству толпа угрожала или жестоко обращалась с ним. Гвидо Вавасур де Велати, архиепископ, был вынужден вмешаться. Он вызвал к себе Ариальда и Ландульфа и выразил протест. "Священнику не подобает осуждать священников. С его стороны невежливо поднимать смуту против своих братьев. Пусть братья не осуждают братьев, за спасение которых умер Христос". Затем повернулся к Ландульфу: "Почему бы тебе не вернуться к своей жене и детям, которых ты бросил, и не жить с ними, как прежде, и не подавать пример мира и порядка? Вынь бревно из твоего собственного глаза, прежде чем ты выдернешь пылинки из глаз твоих братьев. Если они поступили неправильно, обличите их наедине, но не нападайте на них перед всем народом". В заключение он подтвердил законность бракосочетания священников и настоял на прекращении состязания.^[16] Ариальд упрямо отказывался воздерживаться. Частные

возражения напрасны. Что касается упрямых расстройств, то вы применяете огонь и сталь, так что в отношении этого злоупотребления мы должны прибегнуть к отчаянным средствам".

Он покинул архиепископа, чтобы возобновить свои обращения к народу. Но, опасаясь, что Гвидо применит силу, чтобы удержать его, Ариальд обратился за поддержкой к Ансельму де Бададжо, епископу Лукки, и получил обещание его поддержки в Риме.

Гвидо Вавасур сменил женатого архиепископа Хериберта в 1040 году. Его избрание не удовлетворило народ, который выбрал и предложил для посвящения четырех священников, одного из которых должна была выбрать знать. Но знать отвергла популярных кандидатов и поставила на их место Гвидо Вавасура, и его кандидатура была утверждена императором и папой римским. Впоследствии, как мы увидим, ему было предъявлено обвинение в том, что он подкупил Генриха III. чтобы дать ему престол, но был оправдан по обвинению, которое было признано необоснованным Львом IX в 1059 году. Люди в знак своего негодования отказались присутствовать на первой мессе, которую он отслужил. "Он деревенщина", - сказали они. "Фу! от него пахнет коровником."^[17] Следовательно, у Ариальда возникло тлеющее недовольство архиепископом; он мог объединить низших людей, чьи желания были проигнорированы дворянами, с патаринами, которые предстали перед церковными судами за свою ересь, в одном общем восстании против духовенства и понтифика.

По словам Ландульфа старшего, ярого сторонника архиепископа, к перечисленным выше проявлениям был присоединен еще один элемент недовольства. Миланское духовенство угнетало сельских жителей. У церкви были поместья за пределами Милана, виноградники, оливковые сады и кукурузные поля. Духовенство было суровым в требовании феодальных прав и юридических пошлин.

Ариальд, как уроженец сельской деревни, знал нрав крестьян и их готовность возмущаться этими поборами. Ариальд воздействовал на деревенский люд; Ландульф, богатый и знатный, красноречивый в речах, - на городскую чернь; и две толпы объединились против общего врага.

Ансельм де Бададжо, священник и популярный проповедник в Милане, был замешан с Ландульфом и Ариальдом в споре относительно церковных браков; но, чтобы заткнуть ему рот, архиепископ дал ему епископство Лукки в 1057 году и снабдил его место проповедника в Милане семью дьяконами. Ландульф старший рассказывает, что эти дьяконы проповедовали с таким успехом, что Ансельм в приступе ревности вернулся в Милан, чтобы послушать их проповеди, и презрительно воскликнул: "Они могут стать проповедниками, но сначала они должны расстаться со своими женами".

Согласно тому же источнику, Ариальд затаил обиду на архиепископа за то, что у него был повод упрекнуть его в каком-то проступке, в котором он был виновен. Но Ландульфу старшему нельзя доверять безоговорочно; с одной стороны, он такой же фанатик, как Эндрю из Струми - с другой.

Тем временем священники и их жены подвергались всевозможному насилию, и "великий ужас обрушился на амвросианское духовенство". Бедных женщин разлучили со своими мужьями и изгнали из города; священникам, отказавшимся разлучаться со своими товарищами, запретили приближаться к алтарю.^[18]

Ландульф был отправлен в Рим, чтобы сообщить о прогрессе и получить подтверждение действий партии от папы римского. Он добрался до Пьяченцы, но не смог продвинуться дальше; он был сбит с ног и, обнаружив, что путь ему преградили враги его партии, вернулся в Милан. Затем Ариальд двинулся в путь и, ускользнув от своих противников, благополучно прибыл в Рим. Он предстал перед папой Стефаном X, который находился под влиянием Гильдебранда и, следовательно, был расположен принять его благосклонно. Стефан приказал ему вернуться в Милан, вести священную войну и, если понадобится, пролить свою кровь за святое дело.

Обращение к Риму было необходимо, поскольку архиепископ и большая группа горожан вместе со всем духовенством осудили Ариальда и Ландульфа как патриархов. Общеизвестным фактом было то, что тайные и подозрительные манихеи в Милане теперь высоко подняли головы и бросили вызов тем, кто до сих пор контролировал их. Манихеи внезапно обнаружили, что из запрещенных еретиков они превратились в поборников ортодоксии. Это было удовлетворительное изменение для тех, кто подвергался преследованиям, - стать преследователями и превратить своих бывших тиранов в жертв. Но теперь, к замешательству и ужасу духовенства, они обнаружили, что папа предал их и отдал на милость тех, у кого были старые обиды, на которые можно было обижаться. Укрепленный благословением папы на свою работу, его ортодоксальность, торжественно утвержденная верховной властью, Ариальд поспешил обратно в Милан в сопровождении папских легатов, которые защищали его и провозглашали его миссию божественной. Он был неумерен в своих обвинениях. Разногласия быстро переросли в гражданскую войну. Ариальд во главе ревущей толпы согнал духовенство в церковь и, предъявив бумагу, которая обязывала всех их клятвой расстаться со своими женами, попытался принудить их к подписанию.

Обезумевший от негодования священник ударил демагога по губам. Это послужило сигналом к всеобщему беспорядку. Приверженцы Ариальда бросились по улицам, зазвонили колокола тревоги, население собралось со всех сторон, и последовала всеобщая охота на женатых священнослужителей.

"Как может слепой вести слепого?" проповедовал Ландульф Котта. "Пусть презирают этих симоняков, этих николаитов. Вы, желающие получить спасение от Господа, отгоните их от их обязанностей; почитайте их жертвы как собачий помет (*canina stercora*)! Конфискуйте их товары, и каждый из вас возьмет то, что ему нравится!"^[19] Мы можем представить себе результаты такой лицензии, предоставленной самому низкому сброду. Дворяне, охваченные благоговейным страхом, не осмеливались вмешиваться.

Не только духовенство города подвергалось этим народным преследованиям. Проповедники разъезжали по стране, повсюду устраивая беспорядки. Это привело к возмездию, но возмездию слабого, безобидного рода. Часовня, построенная Ариальдом в его отцовском поместье, была снесена; иженатое духовенство с негодованием поговаривало о том, чтобы вырубить его каштаны и виноградные лозы, но передумало и воздержалось.

Более серьезной попыткой мести был поступок частного лица. Ландульф Котта молился в церкви, когда священник прицелился в него мечом, но серьезно не ранил. Калека у дверей церкви поймал летящего потенциального убийцу; собралась толпа, и Ландульф с трудом вырвал священника живым из их рук.

Ариальд и Котта теперь начали осуждать тех, кто покупал их лекарства от душ или платил им гонорары за их учреждение. Они побудили людей покончить с симонией, как они покончили с наложничеством. "Проклят тот, кто удерживает руку свою от крови!" - таково было пламенное изречение Ариальда в проповеди на эту тему.

"Ландульф Котта, - говорит Арнульф, - будучи наставником мирян, заставил их поклясться бороться как с симонией, так и с наложничеством. Вскоре он принудил к этой клятве духовенство. С этого времени за ним постоянно следовала толпа мужчин и женщин, которые наблюдали за ним днем и ночью. Он презирал церкви, и отвергал священников, а также их функции под предлогом того, что они были осквернены симонией. Их называли патари, то есть нищими, потому что большая часть из них принадлежала к низшим слоям общества".^[20]

"Что нам делать?" - спросили многие в Милане. "Этот Ариальд говорит нам, что если мы принимаем Святое Причастие от женатых или симонианских священников, мы вкушаем наше собственное проклятие. Мы не можем жить без таинств, и он изгнал всех священников из Милана".

Партии были настолько разделены, что те, кто придерживался Ариальда, не получали таинств от священников, небесный дар на их алтарях они почитали как "собачий помет"; они даже не присоединялись к ним или тем, кто придерживался их, в молитве. "В одном доме все были верными, - говорит Эндрю из Струми, - в другом - все неверными. В третьем случае мать и один сын были верующими, но отец и другой сын были неверующими; так что весь город превратился в сцену смятения и раздора".

В 1058 году Гвидо собрал синод в Фонтанетуме близ Новары и вызвал на него Ариальда и Ландульфа Котту. Синод ожидал их прибытия в течение трех дней, а поскольку они не пришли, отлучил их от церкви как непокорных.

Ландульф младший, биограф Ариальда, говорит, что папа Стефан X. отменил приговор синода; но это сообщение не согласуется с тем, что рассказывает Арнульф. Ландульф старший путает даты и относит синод ко времени правления Александра II., и говорит, что папа избрал средний курс и отправил послов в Милан для расследования этого дела. Бонизо из Сутри говорит то же самое. Все согласны с тем, что Хильдебранд был одним из этих уполномоченных. Таким образом, Гильдебранд мог на месте судить о результатах обращения к страстям народа. Это самое суровое осуждение его поведению в 1073 году - знать наверняка, что он видел действие силы, которую впоследствии призвал. Затем он увидел, насколько велика была эта сила; он, должно быть, был жестоко, безрассудно, порочно равнодушен к преступлениям, которые сопровождали ее призыв. Ландульф старший говорит, что вторым комиссаром был Ансельм Луккский, в то время как Бонизо равнодушно отзывается о "епископах *a latere*" как о составе депутации. Гвидо не было в Милане, когда оно прибыло, он не осмелился рисковать своей персоной среди людей. Послы были приняты с величайшим уважением; они взяли на себя смелость заклеить архиепископа как симонианиста и раскольника и, по словам Ландульфа, сделать много других вещей, на которые они не были уполномочены папой; так что разногласия, которые их визит не только не утихли, но только усилились.

В конце 1058 или начале 1059 года папа отправил Петра Дамиани, сурового епископа Остии, и Ансельма, епископа Лукки, с новым посольством в Милан.^[21] Архиепископ и духовенство приняли их с уважением; но гордость миланцев всех рангов была уязвлена, когда они увидели

епископа Остийского, восседающего на троне в середине, Ансельма Луккского, суффражиста Милана, справа от него, а их архиепископа, униженного слева от легата и сидящего на табурете у его ног. Милан собрался под звон колоколов во всех церквях и зов огромной медной трубы, пронзительный рев которой разнесся по улицам. Непостоянные люди спрашивали, будет ли церковь святого Амвросия растоптана римским понтификом. "Мне угрожали смертью, - писал Питер Дамиани Хильдебранду, - и многие уверяли меня, что есть люди, жаждущие моей крови. Мне нет необходимости повторять все замечания, сделанные людьми по этому поводу".

Но Питер Дамиани был не тем человеком, которого можно было обескуражить народным восстанием. Он спокойно взошел на амвон и смело заявил о высшей юрисдикции кафедры Святого Петра. "Римская церковь - мать, церковь Амвросия - дочь. святой Амвросий всегда признавал эту госпожу. Изучай священные книги и считай нас лжецами, если не найдешь, что все так, как я сказал".

Затем легаты расследовали обвинения против духовенства, и не было найдено ни одного клерка в Милане, который не заплатил бы пошлину за свое рукоположение; "ибо таков был обычай, и плата была установлена", - говорит епископ Остии. Здесь была трудность. Он не мог лишить свободы каждого священника и дьякона в Милане и оставить великий город без пасторов. Поэтому он был вынужден довольствоваться своим рвением, требуя от епископов обещания, что рукоположение в будущем будет осуществляться безвозмездно; и архиепископ был вынужден положить на алтарь бумагу, в которой он объявил о своем собственном отлучении от церкви в случае ослабления своей строгости в подавлении ереси симониаков и николаитов, под этим последним именем были названы те, кто настаивал на законности церковного брака.

Чтобы искупить вину за прошлое, архиепископ должен был нести епитимью в течение ста лет, но ежегодно вносить деньги в папскую казну в качестве оправдательного приговора; что, по нашему простому разумению, выглядит почти таким же скандальным поступком, как взимание платы со всех рукоположенных священнослужителей. Но тогда, в одном случае, деньги пошли в карман епископов, а в другом - в карман папы римского.

Духовенство, заплатившее определенную сумму, должно было быть подвергнуто епитимье сроком на пять лет; те, кто заплатил больше, - на десять (также с выплатой компенсации Риму!) и совершать паломничества в Рим или Экскурсии. Совершив это покаяние, они должны были снова получить знаки отличия своих должностей.

Затем Питер Дамиани вновь наложил на духовенство клятвы, навязанные им Ариальдом, и удалился.

Современный миланский историк Арнульф восклицает: "Кто околдовал вас, глупые миланцы? Вчера вы громко кричали о приоритете епархии, а теперь беспокоите всю организацию Церкви. Вы - комары, пожирающие верблюдов. Вы говорите, что, возможно, Рим должен быть почитаем из-за Апостола. Что ж, но память о святом Амвросии должна избавить Милану от такого оскорбления, которое было нанесено ей. В будущем будет сказано, что Милан подчиняется Риму".^[22]

Гвидо присутствовал на соборе, состоявшемся в Риме (апрель 1059 г.), вскоре после этого посещения. Ариальд также присутствовал, чтобы обвинить архиепископа в одобрении симонии и наложничества. Легаты отнеслись к скандалу слишком снисходительно. Гвидо защищали его суффражисты из Асти, Новары, Турина, Верчелли, Альбы, Лоди и Брешии. "Бешеные быки, они", -

сказал Бонизо, и Ариальд был вынужден удалиться, охваченный замешательством. Собор издал указ о том, что к симонианскому и женатому духовенству не должно быть пощады.[23] Николай II обратился с энцикликой. всему христианскому миру, сообщив ему, что Собор принял тринадцать канонов, один из которых запрещал мирянину присутствовать на мессе, которую читал священник, у которого была наложница или *подчиненная служанка*. Священникам, дьяконам и иподьяконам, которые должны были "публично" брать наложницу или не отсылать тех, с кем они жили, должно было быть запрещено совершать все служительские действия и получать церковные взносы.

По возвращении епископов на свои кафедры только один из них, Адельман из Брешии, осмелился опубликовать эти указы. Он был почти разорван на куски своим духовенством; акт насилия, который значительно продвинул дело патаринцев.[24]

В том же году папа Николай отправил легатов в разные страны для исполнения или попытки исполнения указов, принятых против симонии и наложничества — так назывался церковный брак. Питер Дамиани объехал несколько городов Италии, чтобы призвать духовенство к безбрачию и особенно настаивать на этом вопросе перед епископами. Питер Дамиани был недоволен поведением папы, который занял суровую позицию по отношению к священникам, но упустил из виду тот факт, что епископы сами были виновны в том же преступлении. Существует его письмо Папе Римскому, в котором он призывает его стать вторым Финеесом (Нумб. ххv. 7) и сурово обращаться с епископами, без чего не может быть затронута никакая реальная реформа.[25]

Ансельм де Бададжио, епископ Лукки, подстрекатель Ландульфа и Ариальда или, по крайней мере, их верный сторонник, был призван после смерти Николая занять трон Святого Петра под титулом Александра II. Но его избрание было оспорено, и Кадал, антипапа, был избран Советом немецких и ломбардских прелатов, собравшимся в Базеле. Споры, которые последовали между соперничающими понтификами и их приверженцами, отвлекли внимание от вопроса о церковных браках, и духовенство отозвало своих жен.

В 1063 году во Флоренции произошли аналогичные беспорядки. Зачинщиком их был святой Иоанн Гуальберто, основатель Валломброзийского ордена. Преступление там было скорее симонией, чем сожителем.

Обычай давать гонорары тем, кто назначал пособия, стал укоренившимся и во многих случаях выродился в их покупку. Папа не мог надеть тиару, не оказав чрезмерной щедрости римскому населению. Епископ не мог взять в руки свой пастырский посох, не заплатив крупные суммы императору и Папе римскому. Первый платеж был объявлен симонией, второй требовался как обязательство. Но при некоторых императорах епископства продавались тому, кто предлагал самую высокую цену. То, что было обычным при назначении на епископство, стало обычным при принятии меньших пособий, и ни один священник не мог взять на себя духовные обязанности, не заплатив щедрое вознаграждение в епископскую казну. Когда епископ покупал свой трон, у него редко возникало желание продать подаренные им бенефиции и возместить скандальные расходы не менее скандальной торговлей. Святой Иоанн Гуальберто считал, что епископ Флоренции купил престол. Это был павианец Питер Медиабарди. Его отец приехал во

Флоренцию навестить своего сына. Флорентийцы воспользовались неосторожной простотой старика, чтобы выпытать у него желанный секрет.[26]

"Мастер Теуло, - сказали они, - у вас была большая сумма, чтобы заплатить королю за возвышение вашего сына?"

"Клянусь телом святого Сайруса, - ответил отец, - ты не сможешь вынести мельничный жернов из королевского дома, не заплатив за это".

"Тогда сколько же вы заплатили?" - жадно спрашивали флорентийцы.[27]

- Клянусь телом святого Сайруса! - ответил старик. - не меньше трех тысяч фунтов.

Как только это неосторожное признание было сделано, враги епископа распространили его по городу.[28]

Сент-Джон Гуальберто вступил в спор. Он появился во Флоренции, где у него был монастырь, посвященный святому Сальвию, и начал яростно обличать прелата как симониака и, следовательно, еретика. Его монахи, воодушевленные его рвением, распространились по городу и увещевали людей отказываться принимать таинства своего епископа и сопротивляться его власти.

Народ поднял бунт. Епископ обратился к светским властям с просьбой пресечь беспорядки, и были посланы офицеры, чтобы принудить монахов Святого Сальвия. Ночью они ворвались в монастырь, искали Гуальберто, но, не найдя его, жестоко обошлись с монахами. Один получил удар по лбу, обнаживший кость, а другому рассекли мечом нос и губы. Монахов раздели, а монастырь подожгли. Настоятель завернулся в старый плащ, извлеченный из-под кровати, где он был брошен как изорванный, и стал ждать того дня, когда раны и слезы братства можно будет показать сочувствующим и взволнованным людям. И они не были разочарованы. На рассвете весь город собрался вокруг полуразрушенного монастыря, и люди нетерпеливо вытирали своими салфетками пролитую святую кровь, думая, что обрели ценные реликвии. Сочувствие к раненым переросло в неистовое отвращение к преследователю.

Святой Иоанн Гуальберто появился на сцене, пылая желанием мученичества,[29] и поздравил страдальцев с тем, что они стали исповедниками Христа. "Теперь вы настоящие монахи! Но почему вы страдали без меня?"

Утверждается, что светское духовенство Флоренции было глубоко запятнано тем же пороком, что и их епископ. Все они платили взносы в своем учреждении или покупали свои бенефиции. Они жили в частных домах и по большей части были женаты. Некоторых даже подозревали в аморальном образе жизни.[30]

Но проповедь Святого, раны монахов обратили некоторых священнослужителей. Те, кого убедили их призывы, и те, кто устал от своих жен, примкнули к партии Гуальберто и объединились в совместной жизни.[31]

Валломброзийские монахи обратились к папе Александру II. против епископа, [32] их жажда мученичества разгорелась, но не утолилась. [33] Если бы папа захотел этого, они испытали бы испытание огнем, чтобы доказать свое обвинение. Гильдебранд, в то время всего лишь иподьякон, но имевший влияние на папских соборах, настаивал на их правоте и потребовал низложения епископа. Но Александр, сам принадлежавший к числу самых решительных противников симонии, считал, что оснований для этого нет. Не было никаких доказательств, кроме болтовни старика за бокалами с вином. Он отклонил ходатайство монахов и был поддержан подавляющим большинством епископов — присутствовало более сотни человек. [34]

Даже святой Петр Дамиани, обычно неумеренный в своих нападках на симонию, писал, чтобы умерить неистовое рвение валломброзийских монахов, которых он осуждал как неразумных, неводержанных, несправедливых.

Но отказ папы удовлетворить их негодование не охладил пыл монахов и враждебной епископу фракции. Город находился в состоянии хронического неповиновения и время от времени устраивал беспорядки. Герцог Тосканский Годфри был вынужден вмешаться, и монахи были изгнаны из монастыря Святого Сальви и вынуждены удалиться в монастырь Святого Сетtimo за воротами.

Вскоре после этого папа Александр посетил Флоренцию. Монахи сложили пару костров и предложили пройти между ними в доказательство правдивости своего утверждения. Он отказался разрешить это испытание и удалился, оставив епископа невиновным и, следовательно, не наказанным.

Теперь флорентийское духовенство решило потребовать от епископа, чтобы он либо сам прошел через это испытание, либо позволил монахам сделать это. Когда они шли ко дворцу, люди кричали им: "Идите, еретики, к еретiku! Вы, изгнавшие Христа из города! Ты, кто поклоняется Симону Магусу как своему Богу!"

Епископ угрюмо отказался; он не хотел ни доказывать свою невиновность на костре, ни допустить, чтобы монахи осудили его этим испытанием.

Затем подеста Флоренции своей высокой рукой изгнал из города духовенство, примкнувшее к монашеской фракции. Они вышли в первую субботу Великого поста 1067 года среди сочувствующей толпы, состоящей в основном из женщин, [35] которые сорвали свои вуали и с волосами, разметавшимися по лицам, бросились ниц на дороге перед исповедницами, крича: "Увы! увy! О Христос, Ты изгнан из этого города, и как Ты оставляешь нас в запустении? Тебя здесь не терпят, и как мы можем жить без Тебя? Ты не можешь пребывать с Симоном Волхвом. О святой Петр, победил ли ты однажды Симона? и теперь ты позволяешь ему овладеть собой? Мы считали его связанным и корчащимся в адском пламени, и вот! он на свободе и снова воскрес к твоему бесчестию".

И сказали люди друг другу: "Давайте подожжем этот проклятый город, который ненавидит Христа". [36]

Светское духовенство было в смятении; осужденное, покинутое, запуганное народом, оно не пело псалмов, не служило месс. Не в силах выносить своего положения, они снова посетили епископа и умоляли его санкционировать испытание огнем. Он отказался и попросил священников не одобрять такое несанкционированное предприятие, если оно будет предпринято. Но весь город был склонен к тому, чтобы увидеть это испытание, и в следующую среду население хлынуло к монастырю Святого Сеттимо. У монастырских ворот были сложены две кучи хвороста размером десять футов в длину, пять в ширину и четыре с половиной фута в высоту. Между ними пролежала дорожка шириной в руку.

Пока поднимались сваи, пели литании, а затем монахи приступили к выбору того, кто должен был пройти через огонь. Жребий пал на священника по имени Питер, и святой Иоанн Гуальберто немедленно приказал ему подойти к алтарю и отслужить мессу. Все помогали с большой преданностью, люди плакали от волнения. В *Agnus Dei* четыре монаха, один с распятием, другой со святой водой, третий с двенадцатью зажженными свечами, четвертый с полным кадиллом, подошли к кострам и подожгли их оба.

Это повергло людей в экстаз возбуждения, и голос священника потонул в шуме их языков. Священник закончил мессу и снял свою ризу. Держа крест, в альбе, палантине и манипуле, он вышел вперед, сопровождаемый святым Джоном Гуальберто и монахами, которые пели. Внезапно в толпе воцарилась тишина, и вперед выступил монах, назначенный настоятелем, и ясным голосом сказал людям: "Мужи, братья и сестры! мы делаем это ради спасения ваших душ, чтобы отныне вы могли научиться избегать проказы симонии, которая заразила почти весь мир; ибо преступление симонии настолько велико, что рядом с ним любое другое преступление - ничто".

Две кучи сильно горели. Священник Петр молился: "Господи Христе, я умоляю Тебя, если Петр из Павии, называемый епископом Флоренции, получил епископский престол за деньги, помоги мне в этом ужасном испытании и избавь меня от сожжения, как в древности Ты спас троих детей посреди пылающей печи". Затем, поцеловав братьев в знак мира, он бесстрашно прошел между горящими кострами и вышел с другой стороны невредимым.

Его льняной альб, шелковая накидка и манипула не сгорели. В избытке своей уверенности он снова бросился бы сквозь пламя, но ему помешала благочестивая горячность людей, которые окружили его, целовали его ноги, цеплялись за его облачение и раздавили бы его насмерть в своем стремлении прикоснуться к нему и увидеть его, если бы его не спасли сильные руки дородных монахов.

Спустя годы он рассказал и заставил себя поверить, что, когда он проходил через огонь, у него отвалилась манипула. Обнаружив пропажу еще до того, как вышел, он обернулся и намеренно подобрал ее. Но об этом тогда ничего не было сказано.[\[37\]](#)

Затем было составлено письмо, в котором папа в самых яростных выражениях призывал избавить овец флорентийского стада от хищного волка, который их пас, и недвусмысленно призывал его применить силу, если потребуется, и принудить его войска покинуть флорентийский епископский престол. Петр Павийский, епископ, человек мягкого характера, уступил буре. Он удалился из Флоренции, и его сменил другой Петр, которого народ называл Петром Католиком, чтобы отличить его от Симониака. Но Муратори приводит доказательства того, что папа продолжал признавать первого некоторое время после его предполагаемой

деградации. Так закончился флорентийский раскол при полном триумфе Патаринцев. Гильдебранд не был ненаблюдательным; впоследствии он доказал, что не забыл урока, преподанного этим расколом, — использования грубой толпы в качестве мощного двигателя в руках фанатиков или проектировщиков. Это принесло свои плоды в канонах 1074 года.

II.

Ансельмо де Бададжио, епископ Лукки, сменил Николая II. на папский престол взошел в 1061 году. Кадал Пармский был избран немецкими и ломбардскими прелатами 28 октября, и он принял имя Гонорий II. Но ни один римский кардинал не присутствовал, чтобы санкционировать эти выборы. Кадал был признан всем симоническим и женатым духовенством, когда он прибыл в Италию; но принцесса Беатриче и герцог Тосканский помешали ему отправиться в Рим. Из Пармы Кадал отлучил Александра от церкви, а из Рима Александр изгнал Гонория. Дело Александра было делом Патаринов, но вопрос о браке и симонии меркнул перед более вопиющим - кто из соперничающих претендентов был настоящим папой.

Голос Ландульфа Котты умолк. Ужасный рак поразил язык, который шесть лет держал Милан в огне междоусобицы. Но его комнату быстро заполнил более непримиримый противник женатого духовенства — его брат Херлембальд, суровый, умелый солдат. Событие в ранней жизни Херлембальда ожесточило его сердце против менее строгого духовенства. Его невеста, на которую он женился, вела себя легкомысленно со священником. Он только что вернулся из паломничества в Иерусалим, его рвение переросло в энтузиазм. Он отправился в Рим, где был хорошо принят Александром II. Он пришел за властью, чтобы использовать свой меч во имя патаринцев. Сектанты в Милане сказали ему: "Мы желаем освободить Церковь, осажденную и униженную женатыми священниками; освободи по закону меча, мы сделаем это по закону Божьему". Александр II на публичной консистории провозгласил Херлембальда "Защитником Церкви", вручил ему священное знамя святого Петра и повелел возвращаться в Милан и проливать кровь — свою, если потребуется, и, конечно, антипатаринскую - в этой жалкой ссоре.

Результатом было то, что патаринцы преисполнились нового рвения и потеряли всякое угрызение совести, проливая кровь и грабя дома. Херлембальд обосновался в большом особняке, который он укрепил и наполнил наемниками; над ним развевалось освященное знамя святого Петра. Из этой крепости он выступил вперед, чтобы напасть на несносное духовенство. Их стащили с их алтарей и подвергли позору и оскорблениям. Богослужения в Церкви, совершение таинств, были приостановлены или совершались только одним или двумя священниками, которые придерживались Патари. Говорят, что, чтобы сохранить жалованье своим грубым солдафонам, Херлембальд заставил каждого клерка дать торжественную клятву, что он всегда сохранял невинность и будет полностью воздерживаться от брака или наложничества. Те, кто не мог или не захотел принести эту клятву, были изгнаны из города, а все их имущество конфисковано для поддержки постоянного отряда наемных головорезов, содержавшихся крестоносцами. Низший сброд, бедные ремесленники и погонщики ослов, украдкой подкладывали женские украшения в покои жрецов, а затем, нападая на их дома, вытаскивали их оттуда и грабили их имущество. К 1064 году, когда папа провел синод в Мантуе, Милан был очищен от "симоняков и николаитов", а оставшееся духовенство собрали в одном доме, чтобы жить сообща, под властью.

Гвидо Миланский и все ломбардские прелаты присутствовали на этом важном синоде, на котором был отмечен триумф Александра, его примирение с императором и всеобщий отказ от Кадала, выступавшего против папы.

В следующем году Генрих IV. находился под опекой Адальберта Бременского; он сбежал от Анно, архиепископа Кельнского, который поддерживал фракцию строгих и Александра II. Одновременно изменилась ситуация в Ломбардии. Херлембальд получил власть, более высокую, чем власть архиепископа, которого он отказался признать и объявил еретиком. Гвидо, уставший от девяти лет борьбы, которые он пережил, избавленный от страха вмешательства со стороны Германии, решился на попытку сбросить ненавистное иго. Церкви Милана по большей части остались без пасторов. Женатое духовенство было изгнано, и некому было занять их место. Архиепископ был послушным кающимся в течение пяти лет, пожертвовав своим столетним покаянием из-за платежей в папскую казну; но по мере того, как дело Александра приходило в упадок, его раскаяние ослабевало, угасало; и он возобновил свои требования о гонорах при рукоположениях и институтах, по крайней мере, так кричали Ариальд и Херлембальд в ушах Рима.

Одна партия в Милане давно возмущалась деспотизмом "Закона Божьего и закона меча" Ариальда и Херлембальда, и была предпринята попытка нарушить его, без сомнения, с санкции архиепископа. Большая группа горожан поднялась, "возглавляемая, - говорит Эндрю из Струми, - сыновьями священников", и напала на церковь и дом Ариальда, но, не сумев найти его, ограничились разрушением зданий. Вслед за этим Херлембальд бросился вниз во главе своих наемников, окружил толпу и изрубил их на куски всех до единого, "как самый мерзкий скот".[38]

Архиепископ Гвидо теперь действовал решительно и смело встал на защиту женатого духовенства. Услышав, что два священника из Монцы, зараженные патаринизмом, выгнали своих жен из своих домов, он приказал арестовать священников и наказал их заключением в замок Лекко. Услышав это, патаринцы схватились за оружие и устремились из Милана вслед за Ариальдом, который нес знамя Святого Петра, поскольку Херлембальда не было в Риме. Они встретили конных слуг архиепископа недалеко от Монцы, захватили их врасплох и вырвали у них обещание выдать священников. Три дня спустя викарии были выданы. Ариальд, возглавлявший народ, встретил их за воротами, принял с энтузиазмом, восклицая: "Смотрите, это храбрые мученики Христа!" - и проводил их в церковь, где они торжествующе пропели *Te Deum*.

Херлембальд вернулся из Рима в Милан с буллой об отлучении от церкви, направленной папой против архиепископа. Гвидо призвал миланцев собраться в кафедральном соборе на всенощное бдение в честь Пятидесятницы.

Тем временем патаринцы были разделены на фракции по тонкому вопросу, затронутому Ариальдом. Этот демагог осмелился в проповеди подвергнуть нападкам почтенный обычай миланцев, который требовал от них поститься в дни Рогагии. Был ли он более великим, чем святой Амвросий? Презирал ли он авторитет великого врача? По этому ужасному вопросу патаринцы разделились и вместе с разделением потеряли свою силу.

Ни Херлембальд, ни Ариальд, похоже, не были готовы к смелым действиям архиепископа. В назначенный день собор был заполнен состоятельными горожанами и знатью. Херлембальд скучал по волчьим глазам, всклокоченным волосам и впалым щекам своих сектантов и,

опасаясь опасности, перепрыгнул через перила алтаря и занял свою позицию рядом с алтарем. Архиепископ взошел на амвон с буллой об отлучении от церкви в руке. "Смотрите! - воскликнул он. - это результат буйства этих демагогов, Ариальда и Херлембальда. Этот город из почтения к святому Амвросию никогда не подчинялся Римской церкви. Неужели мы будем раздавлены? Уберите с земли живых этих нарушителей общественного спокойствия, которые трудятся день и ночь, чтобы отнять у нас наши древние свободы".

Его прервал крик: "Пусть они будут убиты". Гвидо помолчал, а затем воскликнул: "Все, кто чтит святого Амвросия и прилепился к нему, покиньте церковь, чтобы мы могли узнать, кто наши противники". Мгновенно из дверей выкатилась плотная толпа, насчитывавшая, по оценке Эндрю, биографа Ариальда, семьсот человек. Внутри осталось только двенадцать человек, которые твердо стояли за дело Патарин. Ариальд тем временем нашел убежище в хоре рядом с Херлембальдом. Духовенство выбрало Ариальда, мирянина Херлембальда, в качестве своих жертв. Ариальда выволокли из церкви, тяжело раненного. Херлембальду удалось спастись лучше; используя свою дубинку, он отбивался от нападавших до тех пор, пока не забрался в безопасное место, откуда его нелегко было вытащить.

С наступлением ночи патаринцы собрались, взяли штурмом и разграбили дворец архиепископа, а затем, ворвавшись в церковь, освободили Херлембальда. Гвидо с трудом спасся верхом, жестоко пострадав в суматохе. Его сторонники разбежались, как дым перед бурей. Ариальда нашли истекающим кровью и ослабевшим, и толпа с триумфом отнесла его в церковь Святого Сеполькро. Затем Херлембальд призвал ревущую толпу успокоиться. - Давайте спросим мастера Ариальда, чей дом должен быть разграблен первым.

Но Ариальд искренне отговаривал от дальнейшего насилия и умолял неистового диктатора пощадить жизни и имущество их врагов.

Однако неожиданность для сторонников архиепископа была лишь временной. К утру они сплотились, и город снова был в их руках. Гвидо издал интердикт против Милана, который должен был оставаться в силе до тех пор, пока в нем находился Ариальд. Месса не была отслужена, колокола не звонили, двери церкви были заперты на засовы. Некоторые из его друзей тайно перевезли Ариальда в деревню Сен-Виктор, где Херлембальд также был вынужден укрыться с отрядом наемников. Оттуда они направились в Павию и Падую, где надеялись раздобыть лодку и бежать в Рим. Но вся страна восстала против них, и Херлембальду пришлось распустить своих солдат и попытаться замаскироваться. Ариальда оставили со священником, с которым Херлембальд познакомился в Иерусалиме. Но священник был последним человеком, который мог скрывать тирана и гонителя духовенства. Он предательски послал весточку архиепископу, и Ариальд был схвачен слугами Оливии, племянницы Гвидо, и перевезен на остров Лаго Маджоре. Он был передан на жестокую милость двух женатых священников, которые руководили его убийством с хладнокровной бессердечностью, если мы можем доверять сплетням, распространенным позже. Ему отрезали уши, нос и губы. Его спросили, признает ли он Гвидо архиепископом. "Пока мой язык может говорить, - ответил он, - я этого не сделаю". Слуги Оливии вырвали ему язык; два свирепых священника избили его, а когда он потерял сознание, бросили в спокойные воды прекрасного озера. Эндрю из Валломброзы, или Струми, пошел по его следу и бродил по окрестностям, пока не услышал от крестьянина ужасную историю. Он искал искалеченное тело.^[39] Он был найден и перевезен в Милан на следующий праздник Вознесения Господня. В течение десяти дней она была выставлена в

церкви святого Амвросия, чтобы все могли поклониться ей, и, наконец, была передана в монастырь Святого Цельса. На памяти человека никогда не было видно такой толпы. Архиепископ счел благоразумным удалиться, и Херлембальд воспользовался его отсутствием, чтобы восстановить свою власть и заставить народ поклясться отомстить за мученика и объединиться до смерти ради "благого дела". События в Милане имели аналог в других городах Ломбардии, особенно в Кремоне, где епископство получил Арнульф, племянник Гвидо Миланского. В этом городе двенадцать человек во главе с неким Кристофером принесли патриархальную клятву сражаться с женатым духовенством; люди присоединились к ним и принудили к присяге избранного епископа до того, как он был рукоположен. Но, когда в 1067 году он схватил патаринского священника, вспыхнул мятеж, в ходе которого епископ был серьезно ранен. Жители Кремоны после Пасхи отправили послов к папе римскому и получили от него ответ, данный Бонизо, в котором он призывал их не позволять священнику, дьякону или иподьякону, подозреваемому в наложничестве или симонии, проводить бенефиции или исполнять свое служение. Следствием этого письма стало то, что все подозреваемые клерки были отстранены от своих должностей; и вскоре после этого то же самое произошло в Пьяченце. Асти, Лоди и Равенна также связали свою судьбу с Патаринами.

В 1067 году Александр II. отправил легатов в Милан, чтобы уладить там беспорядки. Адальберт Бременский пал, и снова папская партия набрала силу. Судьба Милана колебалась в зависимости от политики тех, кто правил при Генрихе IV в меньшинстве.

Гвидо, уже преклонный в летах и уставший от управления столь беспокойной епархией, решил покинуть престол, который занимал двадцать семь лет; последние десять из них длилась непрекращающаяся гражданская война. Он отягощал это своей пенсией, а затем передал ее Годфри, иподьякону, вместе с пастырским посохом и кольцом. Годфри пересек Альпы, принес присягу на верность императору, пообещал приложить все усилия для уничтожения патаринцев и доставить Херлембальда живым в руки императора, закованного в цепи. Друзья и враги, не стесняясь, называют последователей папской политики патаринами; поэтому поразительно, что несколько лет спустя, когда папы добились своего, они настаивали на том, чтобы несчастных Патаринов массово предавали огню в гекатомбах, как проклятых еретиков. Это было нелюбезное возмездие за битву, которую эти еретики вели под знаменем Святого Петра.

Но Херлембальд отказался признать Годфри, он опустошал страну огнем и мечом везде, где признавали Годфри, и творил такой хаос, что во время святого великопостного поста не проходило и дня без того, чтобы не пролилось много христианской крови. Наконец, Херлембальд вынудил избранного архиепископа укрыться в мощной крепости Кастильоне. Гвидо, не получая пенсии, аннулировал свою отставку и восстановил свое государство. Но он неразумно доверился доброй воле Херлембальда; он был схвачен,[\[40\]](#) и заключен в монастырь до своей смерти, которая произошла 23 августа 1071 года.

За год до этого, в 1070 году, Адельхейда, маркграфиня Туринская, теща молодого императора, напала на патаринцев и сожгла города Лоди и Асти. 19 марта 1071 года, когда Херлембальд осаждал Кастильоне, в Милане вспыхнул ужасный пожар, уничтоживший большую часть города и несколько самых величественных церквей. В то время как армия Херлембальда была взбудоражена сообщением о пожаре, Годфри вырвался из Кастильоне и почти обратил в бегство осаждающих. Перед смертью Гвидо Херлембальд с санкции папы назначил

архиепископом некоего Отто, назначенного им самим и папским легатом, без консультации с выборщиками Милана или императором, 6 января 1072 года нашей эры.

Отто был всего лишь юношей, только что принятым в священный сан, и, вероятно, мог оказаться податливым орудием в сильной руке диктатора. Был праздник Богоявления, и улицы были запружены людьми, когда просочилась новость о том, что архиепископ был избран и теперь устраивает традиционный банкет после избрания в архиепископском дворце.

Люди пришли в ярость, поднялись и напали на дом, вытащили молодого прелата с чердака, где он укрывался, затащили его за ноги и руки в церковь и заставили поклясться отречься от своего сана. Римский легат едва спасся бегством в разорванной одежде.

Герлембальд, застигнутый врасплох, на следующий день одержал верх в Милане, но не на открытой местности, которая была захвачена императорскими войсками. Епископы-суфражистки Ломбардии собрались в Новаре, как только услышали о том, что произошло в Милане, и посвятили Годфри в сан своего архиепископа.

Оттон обратился с апелляцией в Рим (январь 1072 г.), и несколько недель спустя папа собрал синод и освободил Оттона от клятвы, полученной от него в Милане, признал его архиепископом и наложил на Годфри интердикт. Alexander II. умер 21 апреля 1073 года, и тиара покоилась на челе великого Гильдебранда.

24 июня Гильдебранд, ныне Григорий VII, написал маркграфине Беатриче письмо с просьбой воздерживаться от любых отношений с отлученными епископами Ломбардии; 28 июня - Уильяму, епископу Павии, выступить против узурпатора, отлученного от церкви миланского Готфрида; 1 июля - всем верующим Ломбардии с просьбой воздерживаться от этого фальшивого епископа, который находился под апостольским запретом. 27 сентября из Капуи он написал Херлембальду, призывая его доблестно сражаться и отстоять Милан от узурпатора Годфри. Снова, 9 октября, к Херлембальду, призывая его проявить мужество; он надеялся отделить молодого императора от партии Готфрида и велел ему дружелюбно принять тех, кто с истинным чувством раскаяния перешел на сторону патарин, то есть папы.

10 марта 1074 года Григорий провел один из самых важных синодов не только за время его правления, но и за всю историю правления любого папы. Акты этого собрания были утрачены или замалчивались, но его наиболее важные решения были обобщены в письме Григория Констанцскому епископу. Это письмо не было напечатано в *Registrum*; но, к счастью, оно сохранилось у двух современных авторов, Павла Бернрийского и Бернольда Констанцкого, последний из которых представил подробную апологию закона о безбрачии, провозглашенного на том синоде. Григорий категорически запретил всем священникам, запятнанным *преступлением прелюбодеяния*, которое подразумевает законный брак, отслужить мессу или присутствовать на ней; народу было строго предписано избегать своих церквей и их таинств; а когда епископы проявили небрежность, он призвал их самих привести в исполнение папский приговор.^[41]

Результаты будут описаны словами современного историка Сигеберта Гемблурского. "Многие, - говорит он, - усматривая в этом запрете слушать мессу, читаемую женатым священником, явное противоречие учению Отцов Церкви, которые верили, что действительность таинств, таких как

крещение, миропомазание, Тело и Кровь Христовы, не зависит от достоинства служителя, отсюда возник тяжкий скандал; возможно, никогда, даже во времена великих ересей, Церковь не была разделена большим расколом. Некоторые не отказались от своей симонии, другие замаскировали свою алчность под более приемлемым названием; то, чем они хвастались, что отдали безвозмездно, на самом деле они продавали; очень немногие сохранили воздержание. Некоторые из жадности к наживе или чувства гордыни изображали целомудрие, но многие добавляли к своему разврату ложные клятвы и многочисленные прелюбодеяния. Миряне воспользовались возможностью восстать против клерикального порядка и оправдать себя за неповиновение Церкви. Они осквернили святые тайны, сами совершая крещение и используя воск из своих ушей в качестве миропомазания. На смертном одре они отказались принять *виатикум* от женатых священников; они даже не захотели быть похороненными ими. Некоторые заходили так далеко, что топтали ногами Воинство и проливали драгоценную Кровь, освященную женатыми священниками".[42]

Дела Миланской церкви продолжали оставаться в том же неудовлетворительном состоянии. Борьба между Патаринами и их противниками приняла более широкие масштабы. Вопрос, который разделял их, теперь касался не столько брака духовенства, сколько того, какой из соперничающих архиепископов должен быть признан. Годфри поддерживал император, Оттона - папа. Стороны были примерно равны; ни Годфри, ни Отто не могли удержаться в Милане; первый укрепился в замке Бреббио, второй проживал в Риме. Генрих IV, несмотря на все увещания папы, продолжал поддерживать дело Годфри. Таким образом, Милан остался без пастора. Епископы-суфражистки хотели исполнять свои епископские функции в городе и освящать святые масла для освящения купелей на Троицу. Херлембальд, когда один из епископов послал миро в город с этой целью, вылил его на землю и растоптал, потому что оно было освящено отлученным от церкви прелатом.

В марте 1075 года в городе вспыхнул еще один пожар, бушевавший с еще большей силой, чем пожар 1071 года. Херлембальд снова, как и годом ранее, разлил елей и приказал священнику Лейтпранду с наступлением Пасхи приступить к освящению миропомазания. Это нововведение вызвало тревогу миланцев; последующий пожар убедил их, что оно отвратительно для небес. Все противники Патаринов собрались за пределами города и поклялись сохранить в неприкосновенности привилегии святого Амвросия и принимать только епископа, назначенного или одобренного королем. Затем, войдя в город, они неожиданно напали на патаринцев. Лейтпранд был схвачен и изувечен, ему отрезали уши и нос. Знамя Святого Петра растянулось в пыли, и Херлембальд упал вместе с ним, сраженный дворянином Арнольдом де Рауда. Каждое оскорбление было нанесено телу "Защитника Церкви", и священное знамя было растоптано ногами.

К Генриху IV были отправлены гонцы, объявить о триумфе и попросить его назначить нового архиепископа Милана. Генрих был так рад победе, что отказался от Годфри и пообещал миланцам достойного прелата. Его выбор пал на Тебальда, миланского иподьякона при его Дворе.

Папа Урбан II причислил Херлембальда к лику святых. Ариальд, похоже, никогда официально не причислялся к лику святых, но он получил почести как святой в Милане и был включен в несколько итальянских мартирологов и в собрание болландистов. Бароний мудро вычеркнул

Херлембальда и Ариальда из римского мартиролога; тем не менее, позорный факт остается фактом: негодяй Херлембальд был канонизирован папской буллой.

Семена нового раздора остались. Лютпранд, или Липранд, священник, был викарием церкви Святого Павла;^[43] получив увечья во время беспорядков, он считался патаринским исповедником. Но никакой вспышки не произошло до смерти Ансельма IV, архиепископа Миланского (30 сентября 1101 г.), в Константинополе, куда он направлялся с крестоносцами в Святую Землю. Его викарий, грек Петр Хрисолай, епископ Савонии, которого лангобарды называли Гросулани, возможно, из-за грубой рясы, которую он носил (скорее всего, как искажение имени Хрисолай), был оставлен во главе Миланского престола. Когда весть о смерти архиепископа достигла этого города, примицерий созвал выборщиков, чтобы выбрать преемника. Голосование пало на Ландульфа, ординарца Милана; но он еще не вернулся из Иерусалима, куда отправился в качестве крестоносца. Гросулани объявил выборы неофициальными. Вслед за этим настоятель монастыря Святого Дионисия, возглавлявший большую партию выборщиков, выбрал Питера Гросулани. Нет никаких доказательств того, что он использовал подкуп в какой-либо форме; но, возможно, он действовал несправедливо, отменив выборы Ландульфа. Однако справедливо заметить, что Ландульф по возвращении поддержал Гросулани; следовательно, вполне вероятно, что последний действовал строго в соответствии с законом и прецедентом.

Но выборы вызвали недовольство Липрана и остатков семьи Патаринов. Они обратились в Рим, но Гросулани, поддержанный графиней Матильдой и святым Бернаром, аббатом Валломброзы, преодолел их возражения. Папа Пасхалий II. утвердил выборы и отправил грамоту архиепископу. Ардерик де Каринате был отправлен в Рим от имени Гросулани. Люди выходили из ворот при его приближении, чтобы узнать результат. Ардерикус, накинув покрывало на свой зонт (*protensi virga*), размахивал им над головой, крича: "Ecco la stola! Ecco la stola!" (Вот и покров!) и повел в собор, куда Гросулани тоже поспешил и, взойдя на кафедру в своем папском облачении, повесил желанный знак отличия себе на шею.

Липранд не был удовлетворен. Посредством частной агитации он нарушил спокойствие общественных чувств, и архиепископ, чтобы успокоить умы населения, был вынужден созвать провинциальный синод в Милане (1103 г.), на котором в присутствии своих суфражисток, духовенства и народа он сказал: "Если у кого-то есть обвинение против меня, пусть он говорит открыто в настоящее время, или он не будет услышан".

Липранд не захотел предстать перед советом и официально предъявить обвинение, но он взошел на кафедру в церкви Святого Павла и проповедовал против архиепископа как симониак. Он заявил о своей готовности доказать свое обвинение испытанием огнем. Епископы, собравшиеся на собор, отказались допустить такую попытку.

Однако Липранда это не остановило. "Посмотрите на мой ампутированный нос и уши!" - воскликнул он. "Я исповедник Христа. Я испытаю испытание огнем, чтобы подтвердить свое обвинение. Гросулани - симониак, обладающий даром руки, даром языка и даром почтения". И он отдал свой плащ из волчьей шкуры и несколько бутылок вина в обмен на дрова, которые толпа унесла и сложила огромной кучей у стены монастыря Святого Амброджо. Архиепископ послал своих слуг, и они опрокинули штабель и разбросали дрова. Затем толпа "юношей и

девушек, мужчин и женщин" хлынула по главным улицам, крича: "Долой Гросулани, долой его!" - и столпилась у дверей архиепископского дворца, так что Гросулани, опасаясь за свою жизнь, сказал: "Пусть будет так, пусть этот парень попробует гореть в огне или пусть покидает Милан". Его слуги с трудом успокоили народ, пообещав, что это испытание будет перенесено вечером следующего Вербного воскресенья. "Я не покину город, - сказал Липранд, - но теперь у меня нет денег на покупку дров, и я не буду продавать свои книги, так как я храню их для моего племянника Ландульфа, который сейчас учится в школе". Итак, городские власти приготовили кучу дубовых заготовок.

В назначенный день Липранд, босой, во вретище, с крестом в руках, отправился в церковь святых Гервасия и Протасия и отслужил мессу. Гросулани также, неся крест, вошел в ту же церковь и взошел на кафедру в сопровождении Ариальда де Мариньяно и Берарда, судьи из Асти. Когда воцарилась тишина, и Липранд занял свое место босиком "на мраморном камне у входа на хоры с изображением Геркулеса", Гросулани обратился к народу: "Слушайте, и я заставлю этого человека замолчать в трех словах". Затем, повернувшись к Липранду, он спросил: "Вы обвинили меня в том, что я симоняк. Кому я что-либо передал? Ответьте мне".

Липранд, подняв глаза на кафедру, указал на тех, кто ее занимал, и сказал: "Посмотрите на этих трех великих дьяволов, которые думают поставить меня в тупик своим умом и богатством.^[44] Я взываю к суду Божьему".

- Но я спрашиваю, - сказал Гросулани, - в какой симонии вы меня обвиняете?

Липранд ответил: "Ответь мне, какая самая легкая форма симонии?"

Архиепископ, немного поразмыслив, ответил: "Воздержаться от низложения симоняка".

"И я говорю, что это симония, которая заключается в низложении аббата с его аббатства, епископа с его епископства и архиепископа с его архиепископства".^[45]

Люди потеряли терпение и начали кричать: "Выходите, выходите на испытание!" Затем Липранд "спрыгнул с камня, содержащего изображение Геркулеса", и вышел в сопровождении толпы на поле, где был сложен погребальный костер. Затем возникла трудность с формой принесения присяги. Липранд, видя, что возникли некоторые колебания, сказал: "Позвольте мне сделать это и посмотреть, не удовлетворю ли я вас всех!" После чего он схватил архиепископа за капюшон, потряс им и сказал громким голосом: "Этот Гросулани, который находится под этим капюшоном, он, и никто другой, получил архиепископство Милана симониакально, даром руки, даром языка и даром служения. И я, вступающий в это испытание, клянусь, что не использовал ни чар, ни заклинаний, ни колдовства".

Архиепископ, не желая оставаться, снова сел на лошадь и поехал в церковь Святого Иоанна "ад кончам", но Ариальд Мариньяно остался, чтобы проследить за тем, чтобы испытание было совершено должным образом. Когда костер был зажжен, он сказал священнику: "Во имя небес, возвращайся к своим обязанностям и не спеши навстречу неминуемой смерти". Но Липранд ответил: "Отойди от меня, сатана", - и, подписав себя и благословив огонь освященной водой, он бросился сквозь пламя босиком, в мешковатой сутане и шелковой ризе. Он вышел с другой

стороны невредимым; внезапный сквозняк раздвинул пламя, когда он вошел, и когда он вышел, его ноги не были обожжены, как и его шелковая риза.

Люди закричали от этого чуда, и Гросулани был вынужден бежать из города.

Однако вскоре поползли слухи, что Липранд страдает от обожженной руки и поврежденной ноги. Напрасно его друзья уверяли людей, что его рука была обожжена, когда он плеснул святой водой в пламя перед тем, как войти в него, и что его нога была повреждена не огнем, а копытом лошади, когда он выходил из пламени. Одна часть толпы начала кричать против Липранда, что он самозванец, другая - перевозносить его как святого, и улицы стали ареной беспорядков и кровопролития. В этот момент Ландульф Вереглатский, только что избранный на вакантную кафедру, прибыл из Иерусалима и, обнаружив, что архиепископ бежал из города, обратился к народу с призывом прекратить беспорядки и пообещал низложить Гросулани или, по крайней мере, должным образом расследовать выдвинутые против него обвинения в Риме. Беспорядки были с трудом подавлены, и архиепископ Ландульф и Липранд отправились в Рим (1103 год н.э.). Был созван Синод, и Липранд выдвинул против архиепископа свои туманные обвинения в симонии. Ландульф отказался поддержать его, так что вряд ли он мог чувствовать себя оскорбленным поведением Гросулани. Липранд, будучи не в состоянии обосновать свое обвинение в симонии, был вынужден изменить характер своего обвинения и обвинил архиепископа в том, что тот вынудил его подвергнуться испытанию огнем. Папа и Синод потребовали, чтобы архиепископ принес присягу; соответственно, Гросулани сделал это в следующих выражениях: "Я, Гросулани, милостью Божьей, архиепископ, не заставлял Липранда лезть в огонь". Азо, епископ Акви, и Ардерик, епископ Лоди, принесли присягу вместе с ним; в то же время пастырский посох выскользнул из рук архиепископа и упал на пол - знак, по словам биографа Липранда, того, что он отрекся от себя.^[46]

Архиепископ отозвал свои полномочия, подтвержденные Святым Престолом, и вернулся в Милан, где его хорошо приняли.

В 1110 году архиепископ воспользовался недостойной возможностью избавить город от присутствия Липранда, поскольку этот священник принял в своем доме и вылечил некоего Хереберта из Брузано, врага архиепископа, который был болен лихорадкой. Гросулани лишил Липранда его пособия, и священник удалился в Вальтелину. В Милане вспыхнули смуты между двумя партиями, которые привели к гражданской войне, и архиепископ был изгнан из города, после чего Липранд вернулся в него. Друзья Гросулани убедили его посетить Иерусалим, и он отправился в путь, предварительно назначив Ардерика, епископа Лоди, своим викарием (1111 год н.э.). Во время его отсутствия обе партии объединились, чтобы отвергнуть его, и они избрали Джордано Клива в его кабинете (1 января 1112 года н.э.). Меннард, архиепископ Турина, поспешил в Рим и получил покров от папы с условием, что его не следует носить в течение шести месяцев. Но когда распространился слух, что Гросулани возвращается из Иерусалима, Мейнард приехал в Милан и возложил покров на алтарь святого Амвросия, откуда Джордано взял его и накинул себе на плечи.

По возвращении Гросулани между двумя группировками снова вспыхнула гражданская война, которая закончилась тем, что оба архиепископа были вызваны в Рим в 1116 году; и папа приказал Гросулани вернуться в свое епископство Савония и утвердил Джордано в

архиепископстве Милана. Но до этого Липранд умер 3 января 1113 года. Его святость была почти немедленно засвидетельствована чудом, несмотря на принижение его добродетелей партией архиепископа Гроссулани; ибо некий рыцарь из Пьяченцы, проглотив рыбью кость, застрявшую у него в горле, во сне увидел, как священник явился ему и коснулся его горла, после чего последовал сильный приступ кашля, в результате которого кость вылетела; этого было сочтено вполне достаточным, чтобы подтвердить притязания Липранда на причисление к лику святых.

Анабаптисты Мюнстера.

До 1524 года Мюнстер, столица Вестфалии, оставался верен религии, которую С. Свиберт, коадьютор С. Виллиброрда, первого епископа Утрехта, принес сюда в VII веке. Но затем в него было введено лютеранство.

Фридрих фон Вид в то время занимал епископский престол. Он был братом Германа, архиепископа Кельнского, который впоследствии был лишен прав за переход в лютеранство.

Религиозная революция в вестфальской столице в ее начале представляет те же симптомы, которые характеризовали начало Реформации в других местах. Городской совет был готов приветствовать это как средство свержения епископальной власти и установления муниципальной власти в качестве высшей в городе.

Штат Жюльерс уже принял новую религию, и вера была поколеблена в Оснабрюке, Миндене и Падерборне, когда первые симптомы появились в Мюнстере.

Четыре священника, настоятели приходов Святого Ламберта, Святого Людгера, Святого Мартина и церкви Либ-Фрау, обычно называемой Убервассер, высказались за Реформу. Современный историк Керссенбрук, очевидец всего, что он описывает, говорит о них: "Они позволяли себе самые жестокие оскорбления духовенства, они проклинали добрые дела, уверяли своих слушателей, что такие дела не получают ни малейшего вознаграждения, и позволяли каждому давать волю всем излишествам так называемой евангелической свободы".^[47] Они настраивали своих слушателей против религиозных орденов, и люди ежедневно шумели у ворот монастырей, настаивая на том, чтобы им давали пищу; а монахи и монахини были слишком напуганы, чтобы отказывать тем, кого безнаказанность с каждым днем делала все более требовательными.^[48] В ночь на 22 марта 1525 года они напали на богатый монастырь монахинь в Низинке с намерением разграбить его. Эта попытка им не удалась, и зачинщики были схвачены и приведены к магистратам, сопровождаемые возбужденной и шумной толпой мужчин и женщин, "настроенных по-евангельски", как говорит хронист. Надеясь смягчить пыл, магистраты поинтересовались причиной жалобы на монахинь Низинка, а затем назвали истинную причину, прикрытием для которой служили религиозные предрассудки. Они жаловались на то, что монахи и монахини занимались ремеслами в ущерб ремесленникам; и они требовали от магистратуры, чтобы их ткацкие станки были сломаны, религиозным лицам было запрещено заниматься ремеслами, а их избыточные товары были распределены среди бедных. Ораторы группы заявили в заключение, "что если магистраты откажутся удовлетворить эти просьбы, люди проигнорируют их приказы, сместят их силой оружия и поставят на их место

людей, заслуживающих доверия, лояльных и преданных интересам граждан".[49]

Встревоженные этими угрозами, магистраты уступили и пообещали принять все меры, удовлетворяющие повстанцев.[50] Соответственно, 25 мая монахам Святого Франциска и монахиням Низинка было приказано отказаться от своих станков и счетов. Монахи уступили, но дамы наотрез отказались. Магистраты, однако, унесли все станки, в то время как толпа выла у ворот, и агитаторы, подстрекаемые четырьмя священниками-отступниками, бегали по городу, настраивая людей против монахов. "Все самые отъявленные личности, - говорит старый хронист, - присоединились к бунтовщикам; любопытные пришли, чтобы пополнить толпу, а состоятельные люди заперлись в своих домах".[51] Для Иоганна Грютена, оратора группы, который теперь провозгласил, что, опустошив сейфы монахов и монахинь, они разграбят всех тех, чье состояние превысит две тысячи дукатов.

Затем бунтовщики направились к ратуше, где дрожали сенаторы, и потребовали немедленного утверждения петиции из тридцати четырех статей, составленной для них их лидерами. В то же время толпа объявила, что, если их петиция не будет удовлетворена, они выполнят ее требования собственными руками.

В нем содержался запрос о том, чтобы каноники собора были обязаны выплатить долги умершего епископа; чтобы уголовная юрисдикция была изъята из рук духовенства; чтобы монахам и монахиням было запрещено заниматься каким-либо производством, сушить зерно, шить лен и разводить скот; чтобы бремя налогообложения разделялось духовенством; чтобы настоятелям не разрешалось назначать или увольнять своих vikarиев без согласия прихода; чтобы судебные иски не могли затягиваться более чем на шесть недель; чтобы лицензии на пиво были отменены, а плата за проезд по мостам - отменена. ; что монахам и монахиням должно быть предоставлено свободное разрешение покидать свои религиозные общества и возвращаться в мир; что имущество религиозных домов должно быть продано и распределено среди нуждающихся и что муниципалитет должен выделять им достаточно средств для существования; что кармелиты, августинцы и доминиканцы должны быть подавлены; что благочестивые фонды для проведения месс за упокой душ должны быть конфискованы; и что людям должно быть разрешено вступать в брак в Великий пост и Адвент. Магистраты сразу же уступили и пообещали приложить усилия, чтобы получить согласие других сословий епархии на легализацию этих статей.[52]

На следующий день после Вознесения 1525 года магистраты закрыли ворота города и отправились к духовенству капитула с просьбой принять тридцать четыре статьи. Каноники сначала отказались, но, испугавшись народа, согласились, но написали епископу, чтобы рассказать ему о том, что произошло, и призвать его действовать незамедлительно и не забывать, что права и привилегии Церкви находятся под угрозой.

Одним из несчастий Германии, как и Франции, было то, что духовенство было освобождено от налогов. Это ускорило революцию во Франции и возбудило народ против духовенства; а в Германии это послужило сильным мотивом для принятия Реформации.

Каноники теперь бежали из города, протестуя против того, что у них насильно отобрали подписи и что они отозвали свое согласие с этими статьями. Низшее духовенство оставалось на своих постах и проявляло большую энергию и решительность. Они лишили свободы Люберта

Каузена, священника церкви Святого Мартина, одного из самых ревностных защитников лютеранства в Мюнстере и главу партии реформаторов. Когда его прихожане возразили, обнаружилась пачка любовных писем, которые он написал нескольким девушкам в городе, и среди прочих несколько - молодой женщине с респектабельным положением, которую он соблазнил, и их зачитали в Сенате. Реформатор в своих письмах использовал тексты Священного Писания, чтобы оправдать самое бесстыдное распутство.^[53] Иоганн Танте, проповедник из Сент-Ламберта, и Готфрид Райнинг из Убервассера также были лишены этого права. Что касается лютеранского проповедника из Санкт-Людгера Иоганна Финка, "ему заткнули рот подарком в виде толстого пребендального ларька, и с этого момента он полностью утратил свое рвение к Виттенбергскому Евангелию и больше никогда не произносил ни слова против католической религии".^[54]

При посредничестве архиепископа Кельнского было достигнуто примирение. Статьи были отменены, подписи аннулированы, и члены капитула вернулись в Мюнстер, который ощутил их отсутствие из-за сокращения торговли, а непостоянные люди "выказали по крайней мере столько же радости по поводу их возвращения, сколько ненависти по поводу их отъезда".^[55]

Не может быть никаких сомнений в том, что Реформация в Германии была в значительной степени спровоцирована злоупотреблениями и коррупцией в Церкви. В гораздо большей степени это было восстание против папства, которое ослабляло и парализовывало силы империи на протяжении всего средневековья, начиная со времен императора Генриха IV. Но в основном как социальное и политическое движение это был бунт муниципалитетов против власти коллегиальных органов духовенства и светской юрисдикции князей-епископов, или великих герцогов, маркграфов и курфюрстов, выступавших за перемены, потому что они позволяли им одним махом конфисковывать обширные владения и переплавлять тонны чаш и реликвариев в монеты.

В Мюнстере жил торговец тканями по имени Бернхард Книппердоллинг, который собирал недовольных в своем доме или в таверне и изливал им в уши свои сарказмы против папы Римского, епископов, духовенства и Церкви. Он был хорошо известен своим опасным влиянием, и епископ Фредерик фон Вид арестовал его, когда он проходил мимо своей резиденции в Вехте. Жители Мюнстера, возмущенные известием о пленении своего любимца, вынудили магистратов и капитул просить епископа освободить его. Фредерик фон Вид неохотно уступил, произнеся эти пророческие слова: "Я согласен, но я боюсь, что этот человек перевернет все в Мюнстере и всей епархии с ног на голову". Книппердоллинг вышел из тюрьмы, дав клятву соблюдать мир; но по возвращении в Мюнстер он дал клятву, что жестоко отомстит за свое заключение и заставит епархию выплатить столько дукатов, сколько его плен стоил ему хеллеров.^[56]

В Мюнстере был еще один человек, которому суждено было оказать роковое влияние на несчастный город. Это был священник по имени Бернхард Роттманн.^[57] В детстве он был певчим в церкви Святого Маврикия в Мюнстере, где его изысканный голос привлек внимание. Он получил образование в хоровой школе, затем отправился в Майнц, где в 1524 году получил степень магистра, а вернувшись в Мюнстер, в 1529 году был рукоположен в сан священника. Затем ему было предоставлено место лектора в церкви, в которой мальчиком он так сладко пел. Вскоре он проявил склонность к лютеранству, и каноники Святого Маврикия, возлагавшие большие надежды на молодого проповедника, думая, что он действовал по неопытности и без

дурных намерений, сделали ему отеческий выговор и предоставили ему средства для поступления в Кельнский университет и изучения там догматического и противоречивого богословия; в то же время они обязались сохранить Роттманну зарплату лектора, а к этому добавили солидную пенсию, чтобы помочь ему в учебе.

Молодой человек получил эти деньги, а затем, вместо того чтобы ехать в Кельн, отправился в Виттенберг, где присоединился к Меланхтон. По возвращении Роттмана в Мюнстер каноники, не подозревавшие о мошенничестве, которое было совершено над ними, восстановили его на кафедре. Он был слишком хитер, чтобы публиковать свои новые догматы в своих проповедях и таким образом застраховаться от потери своего положения, но он использовал свое тайное влияние в обществе для распространения лютеранства. Через некоторое время, когда он посчитал, что его партия достаточно сильна, чтобы поддержать его, он сбросил маску и смело проповедовал против священников и епископов, а также некоторых доктрин католической церкви. Чем яростнее он становился в своих нападках, чем более личным и едким становился его язык, тем больше становилось желающих его услышать. Затем он проповедовал против Исповеди, которую называл "возмутителем совести", и противопоставлял ее оправданию только верой, которое успокаивает совесть; он проповедовал против добрых дел, против обязанности соблюдать нравственный закон и уверял своих слушателей, что благодать им даром вменяется, живите, как им нравится, и что Евангелие предоставляет им полную свободу от всех ограничений. "Бесстыдный распад, который теперь начал распространяться по городу, - говорит Керссенбрук, - доказал, что толпа прониклась верой в безнаказанность греха; все те, кто разорился в надежде завладеть чужим имуществом, присоединились к партии новаторов, и Роттманн был превознесен ими до небес".[58]

Сенат запретил гражданам посещать проповеди Роттмана, но их приказы были проигнорированы. Население объявило, что мастер Бернард был единственным проповедником истинного Евангелия, и осыпало клеветой и оскорблениями тех, кто пытался противостоять его соблазнительному учению. "Однако некоторые из членов епископального совета, - говорит историк, - отдавали предпочтение новатору. Личный секретарь епископа Леонард Мош тайно подбадривал его и обещал свою поддержку в случае опасности".[59]

Но верное духовенство сообщило епископу о скандале, и прежде чем Мош и другие смогли вмешаться, против него был вынесен приговор о лишении свободы.

Роттманн, пораженный этой решительной мерой, написал серию писем Фредерику фон Виду, которые сохранил Керссенбрук, в которых он утверждал, что был оклеветан перед "лучшим и справедливейшим из епископов", и оправдывался, вместо того чтобы смело и откровенно объявить о своем отделении от католической церкви. В ответ епископ приказал ему покинуть Мюнстер и поручил своим советникам объявить ему, что его дело будет передано на рассмотрение следующего синода. Затем Роттманн написал членам совета письмо, в котором его двуличие предстает в более ясном свете. Фредерик фон Вид, узнав об этом письме, приказал непокорному проповеднику покинуть монастырь, примыкавший к церкви Святого Маврикия, и покинуть город. После этого Роттманн укрылся в доме Книппердоллинга и его товарищей. Находясь под защитой этих буйных людей, молодой проповедник занял более смелую позицию и написал епископу, требуя публичного обсуждения и объявляя, что вскоре его учение будет опубликовано в виде брошюры и, таким образом, станет популярным.

23 января 1532 года появилось "Исповедание веры" Роттмана, адресованное в форме письма духовенству Мюнстера.^[60] Как и все исповедания веры того периода, оно состояло в основном из ряда отрицаний, с несколькими положительными утверждениями, сохраненными из католического символа веры о Боге, Воплощении и т. Д. Он отрицал особую власть священства, сводил Таинства к знакам, идя тем самым дальше Лютера; отвергал доктрины евхаристической жертвы, Чистилища, заступничества святых и использования изображений, паломничеств, обетов, благословений и тому подобного. Конечно, это было бы более уместно назвать Признанием в Неверии. Эта брошюра получила широкое распространение в народе, и партия недовольных лютеран, возглавляемая Книппердоллингом и Германом Биспинком, чеканщиком и подделывателем титулов, набирала силу, численность и дерзость.

23 февраля 1532 года Книппердоллинг и его сподвижники рано утром собрали народ и с триумфом отнесли Роттмана в церковь Святого Ламберта. Обнаружив, что двери закрыты, они усадили проповедника на деревянную кафедру перед костяным домом. Затем Реформатор обратился к народу с речью о необходимости провозглашения евангельской свободы и искоренения идолопоклонства; ниспровержения изображений и Воинства, хранящихся в скиниях. Его доктрину можно было бы резюмировать двумя словами: свобода евангелистов делать то, что им нравится, и принуждение для католиков. Проповедь произвела потрясающий эффект; прежде чем она была закончена, бунтовщики бросились к разным церквям, распахнули двери, снесли алтари, реликварии, статуи; а Причастие было изъято из дарохранительниц и растоптано ногами. Только собор, защищенный массивными воротами, избежал их ярости.^[61]

Гордясь этим достижением, повстанцы бросили вызов всем властям, светским и церковным, и назначили Бернхарда Роттманна проповедником и пастором евангелической религии в церкви Святого Ламберта. "С этого момента, - говорит современный историк из Мюнстера, - вполне можно понять, что они не ограничились простыми беспорядками, но что за ними последовали убийства, грабежи и ниспровержение всего общественного порядка. Успех этого первого предприятия сделал лидеров города хозяевами".

Епископ Фредерик фон Вид чувствовал, что его власти приходит конец. Он был человеком без особого религиозного рвения или морального мужества. Он сложил с себя сан в ризнице церкви Верне, оставив за собой годовой доход в размере 2000 флоринов. Герцог Эрик Брауншвейгский, принц Грубенхагенский, епископ Падерборнский и Оснабрюкский был избран в своем кабинете. Выдвижение Эрика вызвало раздражение лютеранской партии. Это был человек, ревностно относившийся к своей религии и имевший влиятельные связи. Роттманн немедленно отправил ему свои двадцать девять статей, и ремесленники Мюнстера, поддержавшие дело Роттмана, подали в магистраты петицию (16 апреля 1532 г.) с просьбой о том, чтобы можно было использовать принуждение, чтобы заставить каждого стать лютеранином, "потому что нам кажется, - сказали они, - что это учение во всех пунктах и полностью соответствует Евангелию, в то время как то, чему учит остальное духовенство, абсурдно и должно быть отвергнуто".^[62] Избранный епископ написал магистратам, настаивая на увольнении Роттманна, но в своем ответе они не только отказались подчиниться, но и принесли извинения за его поведение.

Епископ написал еще раз, но ответа не получил. Желая использовать все средства примирения, прежде чем принимать насильственные меры, он послал депутацию в Мюнстер с требованием изгнать проповедника, но безуспешно.

Народ, становясь все более непокорным, решил завладеть другими церквями. Одной из самых важных является церковь Унсер-Либ-фрау, или Убервассер, церковь, чья красивая башня и хоры вызывают восхищение у путешественников, посещающих Мюнстер. Эта церковь и приход зависели от женского монастыря Убервассер; настоятелем был человек усердия и власти, доктор Мартин, который был особенно неприятен лютеранской партии. К настоятельнице Иде фон Мерфельт была направлена депутация с требованием уволить настоятеля и заменить его евангелическим проповедником.^[63] Дама была отважной женщиной; она порекомендовала депутации вернуться в свои лавки и заняться своими делами и объявила, что доктор Мартин должен остаться на своем посту; и он остался, на некоторое время.

Епископ был полон решимости испытать силу оружия, как вдруг внезапно скончался 9 мая 1532 года, выпив кубок вина. Несколько авторов того периода утверждают, что он был отравлен. Современный историк утверждает, что он умер от переизбытка алкоголя — на основании каких данных, я не знаю.^[64] Он навлек на себя неприязнь лютеран за то, что энергично подавил реформаторское движение в Падерборне. История этого движения в другой вестфальской епархии слишком наводит на размышления, чтобы ее игнорировать. В 1527 году курфюрст Иоанн Фридрих Саксонский проезжал через Падерборн и приказал своим лютеранским проповедникам обращаться к людям на улицах через окна дома, в котором он жил, поскольку духовенство отказывало им в пользовании церквями. В следующем году волнения начались со ссоры между некоторыми молодыми горожанами и служителями капитула, а закончились разграблением собора и резиденций каноников. Лидером евангелической партии в Падерборне был Иоганн Молнер из Бюрена, человек, который был изгнан из города в 1531 году за убийство и прелюбодеяние; он уехал, взяв с собой в качестве любовницы жену человека, которого он убил, и удалился в Зост, "где, - говорит современный писатель Даниэль фон Зост, - он не остался удовлетворен только этой женщиной". Он вернулся в Падерборн горящим и сияющим светом Евангелия и возглавил иконоборческий бунт. Герцог Филипп Грубенхагенский поддержал своего брата, и город был вынужден выплатить 2000 гульденов за нанесенный ущерб и пообещать возместить убытки, если произойдет еще какое-либо зло, и это настолько охладило рвение граждан Падерборна к Евангелию, что оно угасло.^[65]

Капитул удалился в Людвигсхаузен с целью избрания преемника епископу Эрику, который занимал престол всего три месяца; их выбор пал на Франциска фон Вальдека, епископа Минденского, а затем Оснабрюкского. Выбор не был удачным; он был продиктован требованиями времени, которое требовало, чтобы человек высокого положения и власти занял вакантный трон, чтобы силой оружия подавить беспорядки. Франциск Вальдекский был всем этим, но каноники в то время не знали, что он сам имел сильную склонность к лютеранству; и после того, как он стал епископом Мюнстера, он с готовностью сменил бы местную религию, если бы при сложившихся обстоятельствах такая процедура не повлекла бы за собой потерю его дохода как князя-епископа. Позже, когда беспорядки утихли, он предложил сословиям установить лютеранство и подавить католицизм, как мы увидим в дальнейшем. Он даже присоединился к смалькальдскому союзу протестантских князей против католиков в 1544 году.

С чувствами, столь благоприятствующими Реформе, новый епископ уступил бы агитаторам все, если бы они не заняли угрожающую позицию и не поставили под угрозу его светское

положение и доходы, которые были единственными вещами, связанными с должностью, о которой он заботился.

Низшее духовенство Мюнстера энергично писало ему о его назначении, жалуясь на нововведения, которые с быстротой сменяли одно другое в городе. "Лютеранская партия, - говорили они в этом письме, - с каждым днем становится все более агрессивной и наглой", и они умоляли епископа защитить их права и свободу совести от тирании новой партии, которая, не довольствуясь поклонением Богу по-своему, отказывала в терпимости другим, оскорбляла их чувства, нарушая все, что они считали самым священным, и нарушала их богослужения неподобающими перерывами.

Франциск Вальдекский обновил приказы своего предшественника. Сенат подтвердил получение его письма и пообещал ответить на него в будущем.

Однако самые горячие сторонники Роттмана были полны решимости довести дело до кульминации и сразу же свергнуть как епископальную, так и гражданскую власть. Книппердоллинг убедил мясника Модерсона и скорняка Редеккера в том, что как проректоры своих гильдий они имеют право созывать представителей своих профессий без вмешательства магистратов. Соответственно, эти два человека созвали народ на 1 июля.^[66] На ассамблее присутствовало множество людей, и она шумно открылась. Когда воцарилась тишина, встал некий Иоганн Виндемюллер и провозгласил цель съезда. "Это важное дело, - сказал он. - мы должны поддерживать славу Божью, наше вечное благополучие, счастье всех наших сограждан и развитие наших привилегий; все это зависит от священной церковной свободы, объявленной нам достойным Роттманом. Мы должны заключить союз против угнетателей Евангелия, чтобы защитить доктрину Роттмана, которая, бесспорно, является истинной". Эти слова вызвали такой энтузиазм, что собравшиеся в один голос закричали, что "они будут защищать Роттмана и его доктрину до последнего фартинга и последней капли своей крови". Некоторые из присутствующих своим молчанием выразили свое неудовольствие, но у драпировщика по имени Иоганн Меннеманн хватило смелости поднять голос против этого предложения. Разъяренная банда сразу же набросилась на него с кулаками, крича, что враги чистого Евангелия должны быть уничтожены; "смелому торговцу тканями уже угрожали кинжалами, когда одному из его друзей удалось спастись от народного гнева". Однако он был обязан предстать перед главами гильдий и ответить за свое противодействие. Меннеманн ответил, что в важных вопросах, касающихся благосостояния содружества, бурные разбирательства вряд ли приведут к хорошим решениям, и что он посоветовал разделить корпорации, чтобы вопросы могли быть зрело рассмотрены и должным образом взвешены.^[67]

Отраслевые корпорации теперь назначили двадцать шесть человек, в дополнение к проректорам, для принятия решения о мерах, адаптированных для выполнения резолюции. Этот комитет постановил, "что в городе должна преподаваться только одна религия на будущее и на веки вечные"; и что "если со стороны магистратов возникнет какое-либо противодействие, следует обратиться ко всем гражданам".^[68]

Эти решения были представлены сенату 11 июля, который ответил, что они готовы не отделять себя от евангельской истины, но что они еще не уверены, на чьей стороне ее искать, и что они попросят епископа прислать им ученых богословов, которые должны расследовать этот вопрос.

Этот ответ вызвал раздражение Роттманна, Книппердоллинга и их последователей. 12 июля в Rath (сенат) были отправлены новые гонцы, чтобы узнать, можно ли на это рассчитывать. Ответ был двусмысленным. Третья депутация настаивала на ответе "Да" или "Нет" и угрожала всеобщим восстанием народа, если их требования не будут удовлетворены.^[69] Магистраты, встревоженные, пообещали свою приверженность пожеланиям повстанцев, которые немедленно потребовали, чтобы в каждой церкви Мюнстера были установлены "искренние проповедники чистого Евангелия". Соответственно, члены совета отдали приказ всему духовенству города принять статьи Бернарда Роттманна или опровергнуть их аргументами Священного Писания, в противном случае они должны ожидать, что Совет будет действовать против них со всей строгостью закона.

Затем, чтобы наложить печать на свое трусливое поведение, 25-го числа они написали князю-епископу, чтобы извиниться за соучастие в учреждении Роттмана, но в то же время они взяли на себя защиту Реформатора и заверили епископа, что его доктрина здрава и неопровержима. В то же время они вступили в сношения с ландграфом Филиппом Гессенским, прося этот оплот Реформации защитить их. Филипп написал в ответ, обещая свое вмешательство, но предупреждая их, чтобы они не использовали Евангелие в качестве оправдания для бунта и беспорядков и не воображали, что христианская свобода позволяет им захватывать все имущество Церкви. В то же время он написал князю-епископу, призывая его не лишать добрых и простых людей Мюнстера их евангельских проповедников.^[70]

Тем временем мятежные члены городских гильдий теряли терпение; и 6 августа они послали депутацию в городской совет, напоминая ему о его обещании и настаивая на немедленном лишении всех должностей католического духовенства. Магистраты пытались выиграть время, но депутация пригрозила им, что народ возьмет закон в свои руки, отвергнет власть совета и изберет другой состав магистратов.

"Простые люди, услышав это, - говорит Керссенбрук, - были полны тревоги и сочли целесообразным уступить, по крайней мере частично, населению и лишить духовенство их прав, а не подвергать себя опрометчиво величайшим опасностям".^[71]

Поэтому они решили запретить католическому духовенству пользоваться кафедрами в церквях и обращаться к народу в любой форме. Это было сделано немедленно, и все церемонии, "противоречащие чистому слову Божьему", были отменены, а верующие в разных приходах были обязаны принимать и содержать новых пасторов, которым бургомистр и корпорация поручили служить им в божественных делах.

10 августа толпа, возглавляемая Роттманом, проповедником Бриксиусом и Книппердоллингом, напала на церкви и завершила разрушительную работу, начатую в феврале. Только кафедральный собор и церковь Убервассера избежали их вандализма, потому что фанатики боялись вызвать слишком сильное сопротивление. В тот же день служение мессы и причастие в одном виде были запрещены под страхом самых суровых наказаний; священники были изгнаны из своих церквей, а Роттман, Бриксиус, Гландорп, Ролле, Вертхайм и Готфрид Ниннховен, лютеранские проповедники, были вторгнуты в их комнату.^[72]

Однако мир среди этих новых апостолов истинного Евангелия был подвержен опасности. Пастор Бриксиус влюбился в сестру пастора Роттманна, и появление девушки доказало всем,

что влюбленные не стали дожидаться церемонии бракосочетания. Роттманн настоял на том, чтобы этот брат-пастор женился на молодой женщине, чтобы замять скандал. Но как только невесту ввели в дом священника Святого Мартина, которым владел Бриксиус, в Мюнстер прибыла первая жена евангелического священника со своими двумя детьми. Бриксиус был вынужден отослать новую жену, но между ним и Роттманном возникла холодность; "однако, опасаясь вызвать разногласия среди своих приверженцев открытой ссорой, они пришли к некоторому соглашению, и Бриксиус сохранил свое положение".[73]

Эти акты насилия и скандалы вызвали тревогу у многих граждан. Те, кто был в состоянии, вывезли свое добро из города; монахини Убервассера отправили свои документы о праве собственности и священные сосуды в безопасное место. Несколько богатых граждан и сенаторов, которые не отказались от своей религии, покинули Мюнстер и поселились в другом месте. Два бургомистра, Эброин Дрост и Виллебранд Плонис, сложили свои полномочия и покинули город, чтобы никогда не возвращаться.[74] Затем проректоры гильдий настояли на суровом пресечении всех католических обычаев и совершении священниками таинств; они пошли дальше и настаивали на том, чтобы вера в жертвоприношение на алтаре и поклонение Хозяину стала уголовно наказуемой. Духовенство написало епископу, умоляя его о помощи и уверяя его, что их положение с каждым днем становится все более невыносимым; но Франциск Вальдекский рекомендовал набраться терпения и обещал свою помощь, когда это будет в его силах.

17 сентября 1532 года он созвал дворян княжества в Волльбеке, рассказал им о состоянии Мюнстера и призвал их помочь ему в подавлении восстания.[75] Дворяне ответили, что перед принятием насильственных мер было бы целесообразно попытаться примириться. Из числа баронов были выбраны восемь комиссаров, которые написали магистратам с просьбой прислать своих заместителей в Уоллбек в понедельник, 23 сентября, "чтобы прийти к какому-либо решению о том, что необходимо для благополучия республики". Появились посланцы города, и после открытия собрания главный маршал епархии описал состояние города и заявил, что, если он продолжит свое неповиновение, знать готова помочь своему князю в восстановлении порядка. Делегатам было дано восемь дней на подготовку ответа. Волнение в Мюнстере в эти дни было велико. Евангельские проповедники, не теряя времени, взбудоражили народ. Депутаты вернулись на конференцию с расплывчатым ответом, что лучшим способом урегулировать разногласия было бы передать их компетентным и просвещенным судьям; и на этом вопрос был закрыт.

Офицеры епископа захватили стадо крупного рогатого скота, принадлежащее некоторым жителям Мюнстера, которые направлялись в Кельн, и отказывались сдавать его, пока проповедники недовольства не будут изгнаны.[76]

Партия Роттмана и Книппердоллинга теперь требовала от городского совета собрать 500 солдат для защиты города, если он подвергнется нападению князя-епископа, выделить 2000 дукатов медью для оплаты наемников, чтобы такие деньги циркулировали только в Мюнстере, приказать часовым запретить выход католическому духовенству, если оно попытается бежать, и обложить католическое духовенство налогом в размере 4000 флоринов в месяц на содержание войск. Поскольку духовенство было лишено своих пособий, ему было запрещено проповедовать и совершать таинства, этот дополнительный акт преследования был невыносим по своей

несправедливости. Сенат принял эти требования с некоторым смягчением — количество солдат было сокращено до 300 человек.[77]

Епископ, обнаружив, что конфискация волов не принесла желаемых результатов, прибегнул к другому средству, которое оказалось столь же безрезультатным. Он перекрыл все дороги своей кавалерией, объявил город на положении блокады и запретил крестьянам везти в Мюнстер провизию. Затем ремесленники выступили маршем и забрали необходимые продукты; они заплатили за это, но пригрозили крестьянам грабежом без возврата долга, если те, как обычно, не придут на рынок со своими товарами. Эта угроза возымела свое действие; Мюнстер продолжал снабжаться провизией, как и прежде.[78]

Гордые своим успехом, новаторы напали на церковь Убервассер и приказали настоятельнице уволить католическое духовенство, служившее там, и заменить их евангельскими проповедниками. Она безапелляционно отказалась, и тогда толпа выгнала священников из церкви и пресвитерии и установила на их месте лютеран.[79]

Несмотря на постановления сената, священники продолжали свои увещевания и служение в тех церквях, которые евангелисты не могли предоставить пасторами, поскольку в них ощущался недостаток. Бриксиус, двоеженец-священник церкви Святого Мартина, обнаружив в одном из них монаха, проповедующего толпе женщин, взбежал на кафедру, крича, что этот человек говорит им неправду; "но, - говорит Керссенбрук, - приверженцы окружили несчастного оратора, били его кулаками, домашними туфлями, деревянными башмаками и посохами, так что он выбежал из церкви с черно-синими чертами лица и тела". Вероятно, эти женщины затаили на него обиду еще и за его обращение с сестрой Роттманна, что ни для кого не было секретом. "Взбешенный этим, он отправился на следующий день, чтобы показать следы боя сенату, умоляя их отомстить за нанесенное ему оскорбление — он служитель Святого Евангелия; но впервые магистраты проявили немного здравого смысла и заявили, что не будут вмешиваться в это дело, потому что виновных слишком много, и что к прекрасному полу следует проявлять некоторую снисходительность".[80]

Городской совет теперь направил депутатов к протестантским принцам, герцогам Эрнесту и Франциску Люнебургским, ландграфу Филиппу Гессенскому и графу Филиппу Вальдекскому, брату принца-епископа, пообещать присоединение города к Смалькальдской унии и попросить их помощи против их епископа. Ситуация была необычной. Город обратился за помощью к протестантскому союзу против своего князя, желая свергнуть его власть, под предлогом того, что он был католическим епископом. И епископ, в душе лютеранин и совершенно равнодушный к своему религиозному положению и обязанностям, был полон решимости принудить своих подданных к повиновению, чтобы он мог сохранить свой ранг и доходы князя, намереваясь, когда город вернется к своему повиновению, сложить с себя епископский сан, лютеранизировать своих подданных и остаться их суверенным князем, и, возможно, преобразовать церковное княжество, удел семьи, основателем которой он будет. Он уже обзавелся наложницей, Анной Пельманн, от которой у него были дети.

Пока сенат вел переговоры с протестантскими князьями, переговоры с епископом продолжались на сеймах, созывавшихся последовательно в Дульмене и Волльбеке, но они были такими же бесплодными, как и прежде. Депутаты разошлись 9 декабря, договорившись встретиться снова 21 числа того же месяца.

В это время в Мюнстер прибыло официальное опровержение тезисов Роттмана Иоанном из Девентера, провинциалом францисканцев в Кельне.^[81] Магистраты неоднократно жаловались, что "отказ католиков отвечать Бернарду Роттманну был единственной причиной всего зла". В то же время они запретили католическому духовенству проповедовать или пользоваться прессой в Мюнстере. Этот ответ стал для них неожиданностью. Враги духовенства донесли это до магистратов. Известие о появлении этого ответного удара вызвало сильнейшее волнение. "Горожане, собравшись большими толпами, разбегались по улицам, чтобы послушать, о чем идет речь. Одни заявляли, что победа останется за Роттманном, другие заявляли, что он никогда не оправится от удара".

Руководители гильдий поспешно составили петицию в сенат с требованием изгнать духовенство из города и конфисковать их имущество; но магистраты отказались удовлетворить эту реквизицию, которая немедленно вызвала бы гражданскую войну.^[82]

Роттманн взойшел на кафедру в день Святого Андрея и объявил, что в следующее воскресенье он опровергнет аргументы Джона Девентерского. Соответственно, в назначенный день он обратился с проповедью к огромной толпе, взяв за основу слова святого Павла (Рим. хiii. 12): "Ночь прошла, день близок". Проповедь была не ответом на аргументы Джона Девентерского, а яростной атакой на папу Римского и католицизм. Книппердоллинг также сообщил людям, что он предпочел бы, чтобы его детей убили, приготовили и подали на ужин, чем поступиться своими евангельскими принципами и вернуться к ошибкам прошлого.^[83]

21 декабря 1532 года Франциск Вальдекский собрал сейм княжества и спросил его совета относительно целесообразности объявления войны Мюнстеру, если город будет упорствовать.^[84] Духовенство и знать ответили, что, согласно незапамятному обычаю, принц должен вести войну за свой счет, и что они были слишком сильно обременены налогами за турецкую войну, чтобы иметь возможность предпринять новые действия. Франциск Вальдекский напомнил им, что он был обязан выплачивать пенсию в размере 2000 флоринов своему предшественнику Фридриху фон Виду, и подтвердил, что он также был не в том состоянии, чтобы прибегать к оружию.

Пока принц, его бароны и каноники совещались, Роттманн взял на себя церковную диктатуру в кафедральном городе и приказал, руководствуясь своей единственной властью, запретить соблюдение постных дней.

Дух оппозиции и протеста, который был вызван, уже проявился в странных эксцессах. "Некоторые евангелисты отказывались класть хлеб в рот во время Причастия, - говорит Керссенбрук, - но настаивали на том, чтобы самим убирать со стола, или пачкали себя, делая долгие глотки из больших чаш. Говорят даже, что некоторые клали хлеб в большие супницы, поливали его вином и доставали ложками и вилками, чтобы они могли общаться обоими видами в один и тот же момент".^[85]

Мюнстерский реформатор начал высказывать сомнения относительно действительности крещения младенцев, которое, по его мнению, не подтверждается Священным Писанием. Меланхтон срочно написала ему, умоляя не сеять раздоры в Евангелической церкви, нарушая

договоренность, достигнутую многими мудрыми людьми. "У нас достаточно врагов, - добавила Меланхтон. - Они будут рады видеть, как мы разрываем друг друга на части и уничтожаем друг друга.... Я говорю с добрыми намерениями и беру на себя смелость дать свой совет, потому что я предан вам и Церкви".[86]

Лютер также написал, но не Роттманну, а магистратам Мюнстера, восхваляя их любовь к Евангелию и призывая остерегаться ужасных ошибок сакраментариев, цвинглианцев, *aliorumque schwermerorum*. [87] Сенаторы приняли это апостольское послание с величайшим уважением и почтением, какие только можно себе представить; они передали его Роттманну и его коллегам и приказали им ему подчиняться. Но сенат давно утратил свой авторитет, и это предписание было проигнорировано. [88] "Беспорядок и неверность достигли прогресса; праздные, мошенники, расточители, воры и разорившиеся люди пополнили толпу евангелистов". [89]

Однако недостаточно было ввести новую религию, чтобы удовлетворить евангелистов, католики должны быть полностью лишены права исповедовать свою религию. Несмотря на все препятствия, месса в соборе служилась каждое воскресенье. Все приходские церкви были лишены своих священников, но собор оставался в руках католиков. Приближалось Рождество, и многие мужчины и женщины готовились постом, подаванием милостыни и исповедью к причастию в соборе в праздник Рождества Христова.

Магистраты, узнав об их замысле, запретили им общаться, сославшись в качестве предлога на то, что это вызовет скандал у сторонников Реформы. Они также опубликовали указ, запрещающий совершать крещения в других местах, кроме приходских церквей, чтобы заставить верующих отдавать своих детей на попечение людей, к которым они относились с отвращением как к еретикам и отступникам. [90]

Никто из представителей столицы не присутствовал на собрании палат в Уоллбеке 20 декабря. Но Мюнстер прислал письмо, в котором выражалась надежда, что разногласия между городом и принцем могут быть урегулированы путем посредничества.

Это письмо дало сейму шанс выйти из очень трудного положения - обеспечить соблюдение правления принца, не имея денег для выплаты жалованья солдатам. Сейм обязался представить это предложение князю-епископу и передать его ответ посланцам Мюнстера.

Затем Франциск Вальдекский покинул свою Минденскую епархию и отправился в Тельgte, [91] маленький городок примерно в четырех милях от Мюнстера, где он должен был принять присягу на верность от своих подданных в княжестве. Сословия собрались в Волльбеке, и все ведущие дворяне и духовенство епархии поспешили в Телgte и в тот же день собрались вокруг своего государя. Собравшиеся сословия немедленно направили сенату Мюнстера письмо, в котором настоятельно просили его направить депутатов в Тельgte на следующее утро, в восемь часов, чтобы вместе с ними работать над восстановлением мира.

Депутаты не явились; вместо этого сенат направил в сейм письмо с извинениями. Сословия сразу же ответили, что в интересах мира они сожалеют об упорстве, с которым сенат отказался направить депутатов в Тельgte; но это не помешало им умолять епископа уступить их желаниям; и что они были рады объявить, что он готов передать взаимные разногласия на рассмотрение двух князей Империи, одного из которых назовет он сам, а другого - город Мюнстер. И до тех пор, пока не состоится арбитражное разбирательство, князь-епископ временно приостановит

все строгие меры при условии, что в церквях будут восстановлены древние обычаи, проповедники должны прекратить вводить новшества и что заключенные в тюрьму вассалы епископа должны быть освобождены.

Это послание было отправлено в город 25-го; магистраты объяснили отправителю, "что было бы возмутительно заниматься мирскими делами в день Рождества", и под этим предлогом убедили его остаться до завтра в Мюнстере. Затем был отдан приказ закрыть ворота города и запретить всем выход из него.

Приняв эти меры предосторожности, магистраты собрали руководителей гильдий и провели с ними совещание, которое закончилось незадолго до девяти часов вечера того же дня; после чего младшие офицеры сената были разосланы постучать во все двери и приказать гражданам собраться в полночь перед ратушей. Было решено предпринять ночную вылазку, но движение в городе вызвало тревогу католиков, которые, думая, что намечается всеобщая резня приверженцев старой религии, спрятались в канализационных трубах, подвалах и каминных топках.

Из арсенала было вынесено оружие, установлены пушки, повозки нагружены порохом, дробью, балками, досками и лестницами. В назначенный час толпа, вооруженная по-разному, собралась перед ратхаусом.^[92] Затем магистраты и проректоры отобрали шестьсот надежных евангелистов и объединили их в отряд из трехсот наемников и небольшого конного отряда. Остальных рассредоточили по крепостным валам, и им было рекомендовано оставаться на чеку; затем отряду, выстроенному в походном порядке, было объявлено, что они должны тайно поспешить в Тельgte и захватить князя-епископа, его советников, баронов и всех представителей сословий, собравшихся в то время в этом маленьком городке.

Однако сейм, удивленный тем, что их посланник не вернулся, зародил легкое подозрение. Неизвестно, опасался ли он, что его персона находится в опасности так близко от Мюнстера, но, к счастью для него самого, принц в тот же вечер покинул Тельgte и отправился в свой замок Ибург. Члены сейма после долгого ожидания послали несколько человек по дороге в столицу, чтобы выяснить, находится ли в пределах видимости их посланец. Эти люди вернулись, сказав, что ворота Мюнстера закрыты и что никто не шевелится.

Этот факт был необычным, если не сказать подозрительным, и конному отряду было приказано произвести разведку в направлении Мюнстера. Была уже глубокая ночь, поэтому, отдав распоряжение, члены сейма разошлись по своим постелям. Конные солдаты обошли местность, убедились, что все спокойно, сняли несколько досок с моста через реку Версе, между Тельgte и Мюнстером, чтобы перекрыть переправу, а затем вернулись в свои квартиры, так как ночь была очень холодной. Однако, поднявшись на холм, увенчанный виселицей, они еще раз обернулись и посмотрели через равнину в сторону города. Воцарилась глубокая тишина, но несколько того, что они приняли за блуждающие огоньки, порхали тут и там над темной землей. Поскольку, согласно распространенному в Вестфалии суеверию, эти маленькие огоньки в большом изобилии можно увидеть на Святках, всадники не обратили на них внимания и продолжили свой путь обратно. Эти огоньки, ошибочно принятые за болотные костры, на самом деле были горящими спичками от аркебуз, которые носили те, кто участвовал в вылазке. Вернувшись в Тельgte, кавалеристы разошлись по своим квартирам, и через полчаса все жители города крепко спали.

Тем временем жители Мюнстера продвинулись вперед, восстановили мост через реку Версе, пересекли равнину и достигли Тельгте в два часа ночи. Они сразу же заняли все улицы, согласно заранее согласованному плану, затем ворвались в дома и взяли в плен членов сейма, духовенство, знать и простолюдинов. Только трое из соборного капитула спаслись бегством в ночных рубашках и босиком через замерзшую реку Эмс. Мюнстерцы, прибрав к рукам все деньги, драгоценности, печати и золотые цепочки, которые смогли найти, отступали так же быстро, как и наступали, унося с собой своих пленников и добычу, но разочарованные тем, что не смогли заполучить личность принца. Они с триумфом вошли в кафедральный город утром 26 декабря, весьма воодушевленные своим успехом и нисколько не сомневаясь в том, что с такими заложниками в своих руках они смогут диктовать суверену свои собственные условия.

Но экспедиция Тельгте произвела большую сенсацию в империи. Франциск Вальдекский обратился ко всем членам германского сообщества и особенно обратился за помощью к своему митрополиту, кельнскому курфюрсту, а также к герцогам Клевскому и Гвельдресу. Курфюрст однажды написал в Мюнстер в самых неотложных выражениях, поскольку среди заключенных были некоторые из его собственных советников. Он получил уклончивый ответ. Протестантские князья Смалькальдской лиги даже направили письма в сенат, энергично обвиняя их в своевольных действиях. Филип Меланхтон также написал письмо, в котором смешались протест и мольба.^[93] Единственным результатом их апелляций стало возвращение заключенным их денег и драгоценностей, изъятых у них.

Джон фон Вик, бременский синдик, был направлен сенатом Мюнстера к ландграфу Филиппу Гессенскому с просьбой взять на себя обязанности посредника между ними и их принцем. Ландграф с готовностью принял приглашение, и Франциск Вальдекский был в равной степени готов согласиться на его посредничество, поскольку сам он, как уже было сказано, в душе был лютеранином. Жители Мюнстера, обнаружив, что епископ стремится к мирному урегулированию, настояли на предварительной выплате стоимости конфискованных им волов, прежде чем переходить к предмету разногласий. Князь-епископ согласился, заплатил 450 флоринов и позволил ландграфу Гессенскому составить шестнадцать статей договора, которые получили одобрение как сената, так и его самого.

Условия соглашения были следующими:^[94]—

I. Принц-епископ не должен был применять насилие к жителям Мюнстера ни в чем, касающемся религии. "Жители Мюнстера должны хранить чистое Слово Божье, - говорилось в статье. - Оно будет проповедано им, без каких-либо человеческих добавлений их проповедниками в шести приходских церквях. Эти же проповедники будут совершать таинства и упорядочивать свои службы и церемонии так, как им заблагорассудится. Граждане должны подчиняться в религиозных вопросах решению только магистратов до тех пор, пока спорные вопросы не будут решены Общим советом".

II. Католики должны были свободно исповедовать свою религию в кафедральном соборе и в капитульных церквях, не включенных в предыдущую статью, *до тех пор, пока Божественное Провидение не распорядится иначе*. Лютеранским священникам было запрещено нападать на католиков, их догмы и права, *если только этого не требовало повелительно Слово Божье*; — пункт, открывающий дверь для любых злоупотреблений. Поскольку особенность протестантизма любого рода состоит в отрицании, для евангельского пастора было бы невозможно занимать свою позицию, не осуждая то, во что он не верил.

Статья III. запрещение взаимных обвинений. Статья IV., находящаяся в странном противоречии со статьей I., провозглашала, что город Мюнстер должен подчиняться князю-епископу как законному суверену в вопросах духовных и мирских. Епископ в Пятой статье пообещал уважать привилегии подданного.

VI Статья запрещала кому-либо произвольно использовать Слово Божье для оправдания отказа от повиновения магистратам. Статья VII. доходы были оставлены духовенству, за исключением шести приходских церквей, доходы от которых должны были направляться на содержание евангельских пасторов. В VIII статье сенат обещал не вмешиваться в распределение пособий, не находящихся в их руках по праву. IX-я статья позволяла гражданам лишать своих пасторов прав в лютеранских церквях без вмешательства епископа. Остальные статьи предусматривали всеобщую амнистию, разрешение беженцам вернуться, а заключенным членам сейма - получить свободу.

Этот договор был достаточно справедлив в своих общих положениях. Если бы, как это было в действительности, большое число граждан были склонны принять лютеранство, никакая власть на земле не имела права ограничивать их, и они могли бы справедливо претендовать на свободное исповедание своей религии. Но в 1-ю и 2-ю статьи были вставлены подозрительные пункты, которые указывали на возобновление вражды и повторное рассмотрение всего вопроса.

Этот договор был подписан 14 февраля 1533 года Филиппом Гессенским в качестве посредника, Франциском, графом Вальдекским, принцем и епископом Мюнстерским, членами капитула, представителями знати княжества, бургомистрами и сенаторами Мюнстера, вместе с жителями городов Косфельд и Варендорф, от своего имени и от имени других городов епархии. Захваченные поместья были освобождены 18 февраля. Как магистраты и город выполнили другие требования договора, мы скоро увидим.

Поскольку лютеранская партия провозгласила сенат высшей властью в духовных вопросах, он теперь взялся за организацию Евангелической церкви в городе; и через несколько дней после подписания договора он опубликовал "Евангелическую конституцию", состоящую из десяти статей, для правительства новой Церкви.[\[95\]](#)

8-я статья имела угрожающий аспект. "Служители Божественного Слова должны приложить все усилия, чтобы привлечь души к истинной вере и направить их на пути совершенствования. *Что касается тех, кто откажется принять чистое учение*, и тех, кто будет богохульствовать и будет виновен в государственных преступлениях, сенат применит против них всю строгость законов и меч правосудия".

Роттманн был назначен мировым судьей суперинтендантом лютеранской церкви в Мюнстере, и эта функция в определенной степени напоминала епископскую.[\[96\]](#) Затем, решив, что епископ должен быть мужем хотя бы одной жены, Роттманн женился на вдове Иоганна Вигерса, покойного синдика Мюнстера. "Она была человеком с дурным характером, - говорит Керссенбрук, - которую Роттманн при жизни ее мужа внушал евангельские принципы и неверную любовь".[\[97\]](#) Утверждается, насколько это соответствует действительности, по прошествии времени определить невозможно, что Вигерс утонул в своей ванне в Эмсе в припадке и что его жена позволила ему погибнуть, не попытавшись спасти его. Как бы то ни

было, как только он умер, она со всех ног вернулась в Мюнстер и вышла замуж за своего возлюбленного.[98]

Реформатору и его приверженцам предоставили идти своим путем, и сенат надеялся, что они останутся довольны и в городе восстановится спокойствие. Но их надежды были обречены на разочарование. Некоторые люди, если им дать хоть дюйм, настаивают на том, чтобы взять еще один; одним из таких людей был Роттманн. Воодушевленные им, евангелисты города жаловались, что магистраты отнеслись к папистам со слишком большой снисходительностью, что духовенство не было изгнано, а его имущество конфисковано в соответствии с первоначальной программой. Было шумно решено, что выборов следует дожидаться; и 3 марта народ сместил магистратов и избрал в своем зале лидеров крайне реформаторской партии.[99] Книппердоллинг был в их числе; только четверым из бывших магистратов было разрешено сохранить должность, и это были люди, которым они могли доверять. Герман Тильбек и Каспар Юденфельд были назначены бургомистрами; Генрих Модерсон и Генрих Редеккер были избраны проректорами или народными трибунами.[100]

После сената настала очередь приходов. 17 марта под руководством Роттманна народ приступил к назначению служителей церкви в городе. Их выбор не был счастливым; он пал на тех, кто не обладал достаточной квалификацией, чтобы оказывать благотворное влияние и сдерживать возбуждение толпы, уже ставшей почти неуправляемой.[101]

Новый сенат стремился укрепить евангелическое дело, объединив другие города епархии общими узами сопротивления. Они пригласили эти города прислать своих депутатов для встречи со столичными депутатами в маленькой гостинице между Мюнстером и Косфельдом 20 марта. Собрание состоялось; но так далеко от других городов, согласившихся поддержать Мюнстер, их депутаты прочитали столичным жителям суровую лекцию и отказались отречься от своей старой религии и присяги епископу.[102]

24 марта 1533 года бургомистр Тильбек в сопровождении гражданина Кербинка отправился в Убервассер, вызвал к себе настоятельницу и приказал ей содержать за счет аббатства проповедников, недавно назначенных в церковь в связи с монастырем. Она была вынуждена подчиниться.[103]

27-го числа того же месяца один из проповедников во главе своей паствы вторгся в церковь Сент-Леджер, все еще находящуюся в руках католиков, взломал дарохранительницу, вытащил Воинство, разбил его и, подбросив осколки в воздух, прокричал собравшейся толпе: "Смотрите, как улетает ваш добрый Бог".

В тот же день договор был нарушен по отношению к францисканцам. Некоторые сенаторы приказали им покинуть монастырь, свои привычки и свой орден, если только они не желают еще более строгого обращения, "потому что магистраты были полны решимости вернуть Церкви процветание в ее древней чистоте и потому что они хотели превратить монастырь в школу".[104]

Настоятель ответил, что он и его братья строго следовали правилам своего основателя, и что этот дом принадлежит им по праву наследования, и что они не несут ответственности перед городом. Он сказал, что, если потребуется здание для евангелической школы, он готов уступить магистратам часть монастырских построек; все, что он просит взамен, - это позволить ему и его братьям жить в спокойствии. Это предложение на какое-то время спасло францисканцев. В их монастыре была основана евангелическая школа, "но к концу месяца она пришла в полный

беспорядок, тогда как старая папистская школа не потеряла ни одного из своих учеников и процветала, как никогда".[105]

В то время как сенаторы угрожали монастырям, Книппердоллинг и его друг Герхард Киббенбрук разграбили церковь Святого Ламберта. Теперь едва ли проходило дня без какого-нибудь нового акта насилия в отношении католиков или вандализма, совершенного в церквях.

5 апреля приору и монахам Биспинкхоффа магистраты запретили исповедоваться в их собственной церкви. В тот же день лютеране разбили алтарь и изображения в церкви Убервассер и соскребли картины со стен.

В Вербное воскресенье, 6 апреля,[106] в Убервассере некоторые монахини, по настоянию проповедников в их церкви, отказались от своих обетов и, присоединившись к народу, пропели 7—й стих 124-го псалма в соответствии с переводом Лютера-

"Der Strich ist entzwei,
Und wir sind frei."

"Ловушка разрушена, и мы освобождены"; и затем они приняли Общение с пасторами.

7-го числа толпа разграбила церковь сервитов и обезобразила ее. На следующий день францисканцам, которые готовили облатки для Святого Причастия для церквей епархии, запретили их больше делать. 9-го числа Книппердоллинг, возглавлявший группу реформатов, ворвался в собор во время совершения Святой Евхаристии, бросился к алтарю и прогнал священника, восклицая: "Жадный щеголь, неужели ты еще недостаточно наелся добрых Богов?" Два дня спустя магистраты приказали капитулу передать в их руки документы о праве собственности и священные сосуды. 14-го числа Белкот, глава городского трибунала Мюнстера, вошел в церковь Святого Леджера и унес все ее чаши, патены и cibории, в то время как другие, сопровождавшие его, уничтожали алтари, картины и скульптуры и оскверняли церковь самым отвратительным образом. Несчастные католики, не в силах сопротивляться, разразились громкими причитаниями и не удержались от того, чтобы назвать виновников бесчинства "грабителями и святотатцами", за что их вызвали к магистратам и пригрозили тюремным заключением, если они не извинятся.[107]

По мере того, как распространялась весть об обращении города Мюнстера в Евангелие, незнакомые люди приезжали в него со всех концов, чтобы услышать и узнать, как они говорили, чистую евангельскую истину.

Среди этих искателей приключений был человек, которому суждено было сыграть чрезвычайно заметную роль в великой драме, которая вот-вот должна была разыгаться в Мюнстере. Это был Джон Бокельсон, портной, уроженец Лейдена в Голландии. Он тайно покинул свою страну и свою жену, чтобы послушать Ротмана. Он въехал в Мюнстер 25 июля и поселился у гражданина по имени Герман Рамерс. Получив наставления в Евангелии от Лютера, он отправился проповедовать в Оснабрюк, но оттуда его изгнали. Затем он вернулся к себе домой. Там он стал анабаптистом под руководством Джона Маттиссона, который отправил его с Герритом Бухбиндером в качестве апостолов секты в Вестфалию в ноябре 1533 года.

Теперь настало время, когда лютеранская партия, которая так тиранически обращалась с католиками в городе Мюнстере, сама должна была быть деспотически подавлена и растоптана сектой, возникшей из ее собственного лона.

Роттманн некоторое время колебался в своей приверженности лютеранству.^[108] Сначала он усомнился, а затем не поверил в Реальное Присутствие, на котором настаивал Лютер. Он считал, что реформация виттенбергского врача была недостаточно тщательной в вопросах церемониала; затем он усомнился в авторитете Священного Писания в отношении крещения младенцев. Два проповедника, Генрих Ротт и Герман Страпедиус, разделяли его взгляды. Первый был монахом в Харлеме, но стал лютеранским проповедником. Он считал крещение младенцев одной из тех вещей, которые безразличны к спасению. Страпедий был более решителен; он проповедовал против крещения младенцев как мерзости в глазах Бога. Он был назначен народным проповедником в церкви С. Ламберта, главной церкви города, несмотря на противодействие властей.^[109]

Лютеранский сенат Мюнстера, который несколько месяцев назад был с энтузиазмом избран народом, теперь почувствовал, что перед этими пламенными проповедниками, скатывающимися в анабаптизм, их власть была в таком же шатком положении, как и у тех, кого они вытеснили. Встревоженные быстрым распространением новых форм неверия, они дважды запрещали Роттманну проповедовать против крещения младенцев и Реального Присутствия и приказывали ему придерживаться в своем учении авторитетной лютеранской доктрины. Он относился к их приказам с презрением. Затем они вызвали его к себе; он явился, но, выйдя из ратхауса, проповедовал на площади перед народом с удвоенной яростью.

Сенат, потеряв рассудок, распорядился провести публичную дискуссию между Роттманном и ортодоксальными лютеранами, представленными Германом Бушем. Обсуждение проходило в городском совете, и сенат решил, что Буш одержал победу, и поэтому они запретили все нововведения в проведении крещения и Вечери Господней.

Роттманн и его коллега проигнорировали запрет и продолжили свои проповеди против лохмотьев папизма, которые все еще уродовали лютеранскую церковь. Несколько служителей в городе, то ли по убеждению, то ли из интереса, обнаружив, что их прихожане уходят в церкви, где проповедовалась доктрина с более острыми специями, присоединились к движению. Это был просто перенос отрицания за пределы Геркулесовых столпов, установленных Лютером. Лютер отрицал из общей суммы католических догм, скажем, десять, и сохранил десять. Анабаптист отрицал еще два и сохранил только восемь. 10 августа в церкви Святого Джайлса произошла бурная сцена.^[110] Голландский проповедник начал выступать против крещения детей. Иоганн Виндемоллер, бывший сенатор, ярый противник анабаптистского распада лютеранской доктрины, находившийся в собрании, взбежал по ступенькам кафедры и стащил проповедника вниз, восклицая: "Негодяй! как ты смеешь брать на себя должность проповедника — ты, которого несколько лет назад заковали в железный ошейник и заклеили на щеке за твои преступления? Ты думаешь, я не знаю твоего прошлого? Ты говоришь о добродетели, ты, виселица? Ты, виновный во стольких преступлениях и нечестии? Идите с собой, перенесите свое учение и свой бренд в другое место".

Уиндемоллер собирался выгнать пастора из церкви, когда несколько женщин, присоединившихся к анабаптистской партии, с воем набросились на Уиндемоллера, крича, что он хочет лишить их спасительного Евангелия и Слова Истины, и они задушили бы его, если бы

он поспешно не ретировался. В тот же день некоторые граждане, приведшие своих детей в эту церковь для крещения, были изгнаны из дверей с насмешливыми криками.

Магистраты разыграли козырную карту и приказали Роттманну покинуть город вместе со служителями, которые следовали его учению.^[111] Бернард Роттманн ответил во многом в том же тоне, что и епископу, заявив, что его доктрина строго соответствует чистому слову Божьему и что он потребовал публичного обсуждения, в ходе которого его доктрины могли бы быть проверены только Священным Писанием, без человеческих дополнений. Наконец, он заявил, что не откажется от проповеди и не покинет свою паству, независимо от того, будет сенат настаивать на своем приговоре или нет. Это вызывающее письмо подписали пять министров — Роттманн, Иоганн Клоприс, Генрих Ролл, Готфрид Штраль и Денис Винниус. Эти люди сразу же поспешили собрать глав корпораций и проректоров вместе и призвать их выступить на их стороне против Рата. Они были вполне готовы сделать это, и магистраты уступили при условии, что Бернард и его последователи-проповедники воздержатся от высказываний по спорным вопросам о крещении младенцев и Евхаристии. Роттманн дал согласие от своего имени и от имени своих друзей в документе, датированном 3 октября 1533 года.^[112] Сенат, однако, хорошо понимал, что его власть близка к падению и что проповедники не имели ни малейшего намерения выполнять свои обязательства. Они видели, что эти люди постепенно вбирали в себя высшую власть в городе и что магистратура, выступившая против них, могла в любой момент быть уволена ими со своего поста. В тревоге они написали князю-епископу и отправили к нему гонцов, чтобы изложить ему шаткое положение дел в столице, умоляя его учесть неизбежность опасности и прислать им ученых богословов, которые могли бы бороться с распространением ошибочной доктрины и представить тех, кто соответствует чистому слову Божьему.^[113]

Это действительно было необычное положение дел. Судьи апеллировали к чистому слову Божьему, как его понимал Лютер, против католицизма, и теперь анабаптисты взывали к тому же оракулу с равной уверенностью против лютеранства; обе партии опирались на одну и ту же поддержку — кто должен был решать, какую сторону поддерживает Священное Писание?

Ответ Франциска Вальдекского был таким, какого можно было ожидать от человека, наделенного некоторой долей здравого смысла. Он напомнил магистратам, что они сами виноваты, если все так обернулось; он опасался, что теперь зло взяло верх и мягкость здесь неуместна; только решительное выражение лица могло обеспечить магистратам моральный авторитет. Он был готов поддержать их, если они сохраняют свою преданность на будущее. Он пошлет им ученого богослова, доктора Генриха Мумперта, приора францисканцев Биспинкгофа, проповедовать против заблуждений в соборе.

Сенат оказался перед дилеммой. У них не было желания возвращаться в католицизм, и они боялись развития раскола. Они стояли на наклонной плоскости. Вверху была скала непогрешимого авторитета; внизу вера погружалась в бездну отрицания, которую они боялись постичь. Если они оглядывались назад, то видели католицизм; если они смотрели вперед, то видели распад всех позитивных верований. Как все робкие люди, они уклонялись от любой альтернативы и пытались еще немного сохранить свое шаткое положение. Они отклонили предложение католического врача и обратились за помощью к ландграфу Филиппу Гессенскому. Ландграф немедленно удовлетворил просьбу магистратов и направил к ним Теодора Фабрициуса и Иоганна Мельзингера, гарантировав их сенату ортодоксальность.^[114]

Пока эти проповедники были в пути, беспорядки в Мюнстере усилились. Фракция Роттманн быстро росла и распространилась на женский монастырь Убервассер, где монахинь ежедневно заставляли выслушивать разглагольствования двух ревностных евангелических пасторов, которые прилагали все усилия, чтобы разрушить веру сестер до уровня, установленного Лютером в качестве предела отрицания. Но эти пасторы, заразившись взглядами Роттмана, продолжили разрушительную работу и опустили храм веры еще на две ступени.

Результатом этих проповедей для легковозбудимых монахинь стало то, что большинство взбунтовалось и отказалось соблюдать воздержание и практиковать умерщвление плоти; и объявили о своем намерении вернуться в мир и жениться. Епископ написал им, умоляя учесть, что все они являются членами благородных семей и что они должны быть осторожны, чтобы скандальным поведением никоим образом не опозорить свои семьи. Мятежники, казалось, были склонны уступить, но вскоре мы увидим, что их покорность была лишь временной.^[115]

15 октября сенат написал епископу и сообщил ему, что они не разрешат приору Мамперту проповедовать в соборе.^[116] Они признали, что согласно Тельгтинскому мирному договору, город согласился разрешить католикам пользоваться собором "до тех пор, пока Господь не распорядится иначе", но, по их словам, на момент заключения договора в соборе не было проповедника; что было правдой, поскольку католическому духовенству было запрещено пользоваться кафедрой; и они заявили, что "с чистой совестью они не могли разрешить учреждение того, чье учение и образ жизни не соответствовали Евангелию".

Франциск Вальдекский, не обратив внимания на этот отказ, приказал Мумперту проповедовать и совершать Евхаристию в кафедральном соборе в воскресенье, 26 октября 1533 года. Приор повиновался. Ярости евангелистов не было предела, и во втором письме, более дерзком, чем первое, магистраты сообщили епископу, что "они не допустят, чтобы фанатичный монах приходил и учил людей заблуждению". Единственным ответом епископа был приказ настоятелю продолжать свой путь.

В этот момент в город прибыли ученые богословы, посланные Филиппом Гессенским, и, услышав о проповедях в кафедральном соборе, на которые стекался народ и которые, вероятно, вызовут встречное течение в католическом направлении, они настояли, чтобы перед началом своей миссии уста католического проповедника были заткнуты. "Мы умоляем вас, - сказали они магистратам, - запретить этому человеку проживать в городе, чтобы его отвратительные проповеди не задушили наше чистое учение. Авторитет, называющий себя христианином, не должен мириться с таким скандалом".

Сенат поспешил удовлетворить гессенских богословов, не просто приказав католическому проповеднику покинуть город, но объявив его вне закона, так что он был вынужден в спешке бежать туда, где его жизни могли безнаказанно лишиться любые недобросовестные люди.^[117]

Франциск Вальдекский, справедливо раздраженный, написал Филиппу Гессенскому, протестуя против вмешательства его уполномоченных в дела чужого княжества.^[118] Ландграф ответил, что он не заслуживает упреков, а заслуживает благодарности за то, что отправил в Мюнстер двух первоклассных богословов, которые будут проповедовать там чистое Слово Божье и задушат чудовище анабаптизма. С объявлением католического проповедника вне закона борьба между католицизмом и лютеранством прекратилась; борьба за будущее должна была вестись между лютеранством и анабаптизмом; отчаянная борьба со стороны лютеран, ибо на

каком основании они действовали? Католики занимали прочное положение во власти Церкви, которая, как они утверждали, была наделена божественной непогрешимостью по поручению Христа; но лютеране и анабаптисты сражались за страницы Библии, каждый утверждал, что Писание на его стороне. Это была война внутри лагеря, чтобы решить, кто из них должен выставить другого за пределы бастиона письма.

Фабрициус и Мельзингер боролись за крещение младенцев и Реальное Присутствие, Роттманн и Страпедиус - против того и другого. "Вы называете это телом и кровью Христа?" - воскликнул однажды мастер Бернارد, раздавая Причастие; и, бросив его на землю, он продолжил: "Если бы это было так, оно поднялось бы с земли и возшло на алтарь само по себе, без моей помощи. Знай по этому, что ни тела, ни крови Христа здесь нет".^[119]

Петер Виртемиус, лютеранский проповедник, был прерван, когда он попытался проповедовать, криками и насмешками анабаптистов и в конце концов был согнан со своей кафедры.

Роттманн сдержал свое обещание не проповедовать анабаптистскую доктрину с кафедры, но напечатал и распространил ряд трактатов и брошюр, а также провел собрания в частных домах с целью распространения своих взглядов.^[120] Его репутация быстро росла и распространилась далеко. Ученики приезжали из Голландии, Брабанта и Фрисландии, чтобы встать под его руководство; женщины даже доверяли ему опеку над своими детьми.

Самое живое беспокойство побудило сенат предпринять еще одну попытку восстановить свое превосходство в руководстве делами.

3 или 4 ноября главы гильдий, проректоры и патриции города собрались для обсуждения, и было решено, что Роттманн и его коллеги должны быть изгнаны из города и епархии; и чтобы снять с них оправдание, что они опасались ареста, когда покидали стены Мюнстера, магистраты получили для них охранную грамоту, подписанную епископом и высшим капитулом.^[121]

На следующий день магистраты и видные горожане вновь собрались на рыночной площади и проголосовали за то, чтобы "изгнать не только проповедников-анабаптистов, но и тех магистратов, которые их поддерживали; и чтобы этот приговор был приведен в исполнение немедленно".^[122]

Это была слишком радикальная мера, чтобы ее можно было принять, не вызвав сопротивления. Бургомистр Тильбек, почувствовавший, что удар был направлен против него самого, гневно воскликнул: "Неужели это награда, которую я получаю за то, что благоразумно управлял республикой? Но мы не допустим, чтобы угнетали невинных, и будем обращаться с вами таким образом, чтобы умерить вашу дерзость".

Эти слова послужили сигналом к открытому разрыву.

Книппердоллинг и Герман Крампе, оба члена сената, обнажили мечи и выстроились рядом с бургомистром, призывая народ к оружию. Толпа немедленно бросилась на сенаторов. Служители капитула и духовенство, находившиеся поблизости от собора, поспешили с оружием в руках на помощь магистратам. Обе стороны искали место для обороны, каждая ожидала нападения. Лютеране заняли ратхаус и забаррикадировали двери. Анабаптисты укрылись за мощными стенами кладбища Сен-Ламбер. Ночь обе стороны провели с оружием в руках, и на

следующий день, казалось, была неизбежна драка. Тогда синдик Иоганн фон Вик убедил перепуганный сенат смягчить приговор и, поспешив к анабаптистам, призвал их примириться с магистратами. В конце концов было заключено соглашение, по которому Роттманну на будущее запрещалось проповедовать, и каждому должно было быть позволено верить в то, во что ему нравится, и не верить в то, во что он выбирает.

Мастер Бернارد, однако, уклонялся от своих обязанностей, проводя по ночам собрания в частных домах, на которые его последователи созывались выстрелами из пистолета.^[123] Считая, что теперь необходимо, чтобы у его приверженцев были свои принципы веры, или, скорее, неверия, как уз союза и различия между ними и лютеранами, он изложил исповедание веры в девятнадцати статьях. То, что он опубликовал девять месяцев назад, было устаревшим и представляло вероучение лютеранской фракции, с которой он теперь расходился.

Этот второй символ веры содержал следующие положения:—

Крещение детей отвратительно перед Богом.

Обычные церемонии, используемые при крещении, являются работой дьявола и папы Римского, который является антихристом.

Посвященное Воинство - это великий Ваал.

Христианин (то есть член секты Роттмана) не должен появляться в религиозных собраниях нечестивых (*т.е.* католиков и лютеран).

Он не поддерживает с ними никаких связей и не имеет никаких отношений; он не обязан подчиняться их властям; у него нет ничего общего с их трибуналами; и он не вступает с ними в брак.

Суббота была установлена Господом Богом, и в Священном Писании нет оснований для переноса обязанности на воскресенье.

Папистов и лютеран следует считать одинаково гнусными, а те, кто верит выдумкам священников, являются настоящими язычниками.

На протяжении четырнадцати веков не было истинных христиан. Христос был последним священником; апостолы не пользовались священническим саном.

Иисус Христос не унаследовал Свою человеческую природу от Марии.^[124]

Любой брак, заключенный до повторного крещения, недействителен.

Крещению должна предшествовать вера во Христа.

Жены должны называть своих мужей лордами.

Ростовщичество запрещено.

У верующих должно быть все общее.

Публикация этой формулы веры, если ее можно так назвать, представляющей собой ряд негативных положений, усилила тревогу более трезвых горожан, которые, чувствуя незащищенность имущества и жизни при бессильной магистратуре, приготовились покинуть город. Многие бежали, оставив позади свое лютеранство. Ленинг, один из проповедников, посланных ландграфом Гессенским, сбежал.

Фабриций проявил больше мужества. Он энергично проповедовал против Роттмана, ему помогал доктор Иоганн Вестерманн, лютеранский теолог из Липпе.[\[125\]](#)

Однако, по словам Керссенбрука, половина города последовала за лидером анабаптистов и принесла свои товары и деньги, чтобы положить их к его ногам. Те, у кого не было ничего своего, всем скопом присоединились к обществу, провозгласившему общность благ.

Епископ снова написал магистратам, убеждая их разрешить католическому проповеднику Мамперту пользоваться кафедрой в соборе, но сенат отказался и продолжил их тщетные попытки построить свою теологическую систему на пустом месте. По их просьбе Фабрициус и Вестерманн составили (28 ноября 1533 г.) символ веры в противовес сформулированному Роттманом, и он был прочитан и принят лютеранами в церкви Святого Ламберта. Большое количество людей заявили о своей приверженности этому последнему и новейшему вероучению, и магистраты, ободренные этим, обрушились на дом бывшего суперинтенданта и конфисковали его личный печатный станок, с помощью которого он печатал свои трактаты.[\[126\]](#)

Именно тогда в городе появились два апостола, Бухбиндер и Бокельсон, посланные Маттиссоном в Вестфалию. Они пробыли там всего четыре дня, в течение которых повторно крестили проповедников и нескольких их адептов, а затем удалились, пророчествуя о своем скором возвращении и наступлении царства благодати.

Роттманн, крайне разгневанный на Фабрициуса за то, что тот составил свое контррелигиозное учение, отправился 30 ноября на кладбище церкви Святого Ламберта и, стоя на возвышении, проповедовал людям о своем новом вероучении, в то время как Фабрициус беседовал со своей паствой о своем собственном исповедании веры.

По окончании службы Фабрициус вышел и был немедленно атакован Роттманном с оскорбительными выражениями, которые, однако, настолько разозлили прихожан лютеранской церкви, что они набросились на покойного суперинтенданта Евангелической церкви и угрожали ему палками и кулаками.

1 декабря Фабрициус пожаловался с кафедры на нанесенное ему оскорбление и призвал народ отличать его учение от учения мастера Бернарда по разнице в их поведении.[\[127\]](#)

Теперь на сцене появился новый оратор-анабаптист; это был ученик кузнеца по имени Иоганн Шредер. 8 декабря он занял позицию на кладбище Святого Ламберта, с которого Роттманн был вынужден бежать, и бросил вызов лютеранам, выступившим против него с чистым Словом Божьим. Он обвинил их в том, что они все еще пребывают во тьме, облачены в атрибуты папизма и являются врагами Евангелия Христа и евангельской свободы. Затем он предложил Фабрицию встретиться с ним в публичной дискуссии и доказать свою доктрину текстом Священного Писания.[\[128\]](#)

Магистраты предприняли еще одну попытку пресечь беспорядки. 11 ноября они сообщили Роттманну, что, если он немедленно не покинет город, они объявят его вне закона. Роттманн отправил им ответное послание, "Что он не уедет; что он не боится; и что изгнание было для него пустым звуком, ибо, где бы он ни был, небесный Отец укроет его Своими крыльями". Он больше не обращал внимания на этот приказ, за исключением того, что учредил телохранителей из вооруженных граждан, которые сопровождали его, куда бы он ни пошел. В следующее воскресенье, 14 декабря, он отправился в окружении своей охраны в церковь сервитов, где намеревался проповедовать. Но, обнаружив, что двери заперты, он расположился под липой неподалеку от здания и произнес свою речь, и никто не осмелился поднять на него руку.[129]

Магистратам также не удалось заставить замолчать кузнеца Шредера. Этот человек, который снова проповедовал 15 декабря, был схвачен полицией и брошен в тюрьму. На следующий день члены Гильдии кузнецов, вооруженные молотами и железными прутьями, направились к ратхаусу, чтобы потребовать освобождения своего товарища. Между сенаторами и разъяренными ремесленниками возник ожесточенный спор. Первый заявил, что Шредер, чьим ремеслом было подковывать лошадей, а не проповедовать, заслужил смерть за подстрекательство к мятежу. Ответ кузнецов был очень похож на тот, который сенат дал епископу, когда тот приказал изгнать Роттмана. "Шредером, - сказали они, - руководила любовь к истине, и он проповедовал с таким рвением, что дошел до хрипоты. Он не был виновен ни в убийстве, ни в каком-либо другом преступлении, достойном смертной казни. Как ты смеешь плохо обращаться с тем, кто давал назидательные наставления своим согражданам? Ничего не должно делаться без твоего разрешения?" За спорами последовали угрозы. Сенат снова уступил и пообещал освободить Шредера завтра.

"Не завтра! - закричали кузнецы. - Немедленно верните нам нашего товарища, или мы взломаем двери тюрьмы".

Магистраты склонились перед бурей, предприняв, однако, более чем бесполезную предосторожность и заставив Шредера поклясться, прежде чем они снимут с него цепи, что он не попытается отомстить им за свое пленение.[130]

21 декабря Роттманн возобновил использование своей кафедры в церкви сервитов, отнесшись к распоряжениям сената с величайшим презрением. Вестерманн, устав от борьбы с нарастающим приливом, покинул Мюнстер, оставив Фабрициуса в одиночку бороться с растущей мощью анабаптистов.

1534 год открылся в Мюнстере под мрачным предлогом. В первые несколько дней января новая секта обошлась с лютеранами так же, как эти последние обошлись с католиками год назад. Они вторгались в их церкви и мешали богослужению.

Фабрициус яростно атаковал Роттмана в проповеди, произнесенной 4 января, и предложил провести с ним публичную дискуссию по спорным вопросам доктрины. Сенат принял предложение о транспортировке, но Роттманн отказался. "Не потому, - сказал он, - что я боюсь выступать на ристалище против этого лютеранина, а потому, что люди настолько развращены, что они, несомненно, осудили бы ту сторону, которая опиралась на право и слово Священного Писания".[131]

В тот же день, когда Роттман прислал свой отказ, группа женщин с шумом ворвалась в ратушу и потребовала, чтобы "несчастный иностранный бродяга Фабрициус, который не мог даже говорить на местном диалекте и который, вдохновленный злым духом, проповедует всевозможные нелепости на языке, который едва ли можно понять, был изгнан из города. Поставьте на его место достойного Роттмана, - сказали женщины. - Он благоразумен, красноречив, сведущ во всех видах знаний и может говорить на нашем языке. Окажи нам эту милость, герр Бургмейстерн, и мы будем молить Бога за тебя". Бургомистры попросили дам не вмешиваться в дела, которые их не касаются, а вернуться к своим семьям и кухням. Это приглашение привело их в пароксизм ярости, и они закричали во все горло своими пронзительными голосами: "Вот прекрасные бургомистры! Они пренебрегают интересами города! Вот нежные отцы своей страны, которые ни на что не обращают внимания! Вы хуже убийц, ибо они убивают тела, но вы убиваете души, лишая их Евангельского Слова, которое является их пищей". Затем женщины удалились, но вернулись на следующий день в сопровождении других, и среди них были шесть монахинь, которые покинули монастырь Убервассер и проявляли большую жестокость, чем остальные.

Женщины вошли в зал, где сидели сенаторы, и безапелляционно потребовали, чтобы Роттманн был причислен к церкви Святого Ламберта. Их выгнали из зала без особых церемоний, но они дождались выхода магистратов, когда их заседание подошло к концу; затем они обрызгали их коровьим и конским навозом и прокляли как папистов. "Сначала вы благоволили нашему святому предприятию, но вы вернулись к папству, как собаки к своей блевотине. Поскольку вы поглотили доброго гессенского Бога, которого Фабриций предлагает вам в причастии, вы попираете чистое Слово Божье. На виселицу, на виселицу со всеми вами!" Сенаторы разбежались по домам, преследуемые женщинами, покрытые грязью и оглушенные их криками.^[132]

Роттманн и его коллеги оказали необычайное влияние на людей; они убедили богатых дам и жен состоятельных горожан продать свои товары, отказаться от драгоценностей и вложить все, что у них было, в общий фонд. Быстрое представление столь многих доказывает, что число фанатиков, которые были искренни в своих убеждениях, было значительным. Эти разбирательства привели к отчуждению в семьях. Керссенбрук рассказывает, что жена одного из сенаторов по фамилии Вардеманн, получившая повторное крещение от Роттманна, "была так энергично утверждена в своей вере своим мужем, которому служанка сообщила об этом обстоятельстве, что она не могла ходить в течение нескольких недель". Другие женщины, отдавшие Роттманну свои драгоценности и деньги, также подверглись суровому наказанию со стороны своих мужей.^[133]

Магистраты, боясь прикоснуться к личности Роттманна, надеялись ослабить его, уволив его помощников. Поэтому 15 января 1534 года они приказали своим офицерам схватить проповедников-анабаптистов Клоприса, Ролла и Страла и выгнать их из города с приказом никогда больше в него не возвращаться. Поручение было исполнено; но священники вернулись через другие ворота, и были с триумфом препровождены в свои приходские дома всем корпусом анабаптистов.^[134]

Беглые монахини Убервассера в количестве восьми человек были повторно крещены Роттманном 11 января и стали одними из его самых преданных приверженцев. Их поведение в дальнейшем характеризовалось самой бесстыдной распущенностью.

В это время князь-епископ издал указ против анабаптистов, объявил Роттмана и пятерых других проповедников этой секты в Мюнстере вне закона и приказал своим офицерам пресечь распространение раскола в других городах своего княжества.

23 января Роттманн, заметив нескольких католиков и лютеран среди своей аудитории в церкви сервитов, резко прервал свою проповедь, заявив, что неприлично бросать перлы нового откровения перед свиньями.^[135] Затем он спустился с кафедры и отказался снова на нее взобраться. Но, вероятно, истинной причиной этого внезапного прекращения было то, что взгляды лидера претерпевали третье изменение, и он не желал объявлять о своей новой доктрине аудитории, не все из которой были готовы ее принять. Он продолжал собирать верующих в частных домах и проводить ежедневные собрания, на которых они были посвящены в дальнейшие тайны его откровения. В каждом приходе для этой цели был выделен дом, и никого не впускали без пароля. На этих собраниях мистик мог полностью развить свои взгляды, не стесняясь лишь частично сочувствующей аудитории.

Вечером 28 января, в семь часов, анабаптисты растянули цепи поперек улиц, собрались в вооруженные банды, закрыли городские ворота и расставили часовых во всех направлениях. В городе царил страшная тревога. Лютеране не спали всю ночь, охваченные страхом, забаррикадировав свои двери и окна, ожидая увидеть, что означают эти приготовления. Прошла ночь, нарушаемая только топотом фанатиков-сектантов и освещаемая светом их факелов.

Наступил рассвет, и больше ничего не происходило, когда внезапно двое мужчин, одетых как пророки, с длинными всклокоченными бородами, в просторных одеждах и развевающихся мантиях, с посохами в руках торжественно прошли по городу, вверх по одной улице и вниз по другой, поднимая глаза к небу, вздыхая, а затем с выражением сострадания глядя вниз на толпу, которая склонялась перед ними и приветствовала их как Еноха и Элиаса. Проехав большую часть города, двое мужчин вошли в дом Книппердоллинга.^[136]

Имена этих пророков были Джон Маттиссон и Джон Бокельсон. Первый был главой секты анабаптистов в Голландии. Роль, которую второму было суждено сыграть в Мюнстере, требует более полного описания его прошлого. Бокельсон был внебрачным сыном Бокеля, судебного пристава Гааги, и некоей Адельхайд, дочери крепостного лорда Зелкена в Мюнстерской епархии. Впоследствии эта Адельгейда выкупила свою свободу и вышла замуж за своего соблазнителя. Джон вырос в Лейдене, где был учеником портного. Он посетил Англию, Португалию и Любек и вернулся в Лейден на двадцать первом году жизни. Затем он женился на вдове лодочника, которая подарила ему двух сыновей. Джон Бокельсон от природы был наделен острым умом и цепкой памятью. Он развлекал себя тем, что заучивал наизусть почти всю Библию и сочинял непристойные стихи и пьесы. В дополнение к своему портняжному бизнесу он открыл трактир под вывеской "Три селедки", который стал пристанищем женщин с дурной репутацией. Страсть к переменам овладела Бокельсоном после того, как он некоторое время вел такой образ жизни, и в 1533 году, как мы уже видели, он посетил Мюнстер, а оттуда переехал в Оснабрюк, откуда был изгнан. Побродив некоторое время по Вестфалии, он вернулся в Лейден. В следующем году вместе с Маттиссоном, главой анабаптистов, он посетил Мюнстер, которому, по пророческому заявлению последнего, суждено было стать новым

Иерусалимом, столицей возрожденного мира, где должно было быть установлено тысячелетнее царство.[137]

Два искателя приключений достигли места назначения 13 января, и Книппердоллинг принял их в своем доме. Некоторым проповедникам сообщили об их прибытии, но от них потребовали держать это в секрете до тех пор, пока не наступит время, назначенное Богом для их раскрытия миру.

В доме Книппердоллинга проходил совет, когда пророки вошли в него, закончив свое странствие по городу. Роттманн, Ролл, Клоприс, Страпедиус, Винниус и Штраль были вовлечены в горячую дискуссию. Некоторые из партии придерживались мнения, что теперь, когда все анабаптисты были при оружии, настал момент для всеобщего очищения города путем резни или изгнания католиков и лютеран; другие считали, что час отмщения еще не пробил и что день Господень не должен наступить раньше. Ссора была улажена появлением двух пророков, которых приветствовали как посланников, посланных с небес, чтобы возвестить волю Божию. Затем Маттиссон и его спутник опустились на колени и заплакали, и, поразмыслив несколько мгновений, они произнесли свое решение прерывающимися от рыданий голосами. "Время очищения гумна Господня еще не пришло. Истребление нечестивых должно быть отложено, чтобы души могли быть собраны и чтобы души могли формироваться и воспитываться в отдельно стоящих домах, а не в церквях, которые недавно были наполнены идолами. Но, - сказали они в заключение, - день Господень близок".

Эти слова примирили совет. Вечером 29-го анабаптисты сложили оружие и разошлись по домам.[138] События ночи совершенно лишили магистратов последних остатков мужества; они не осмелились заметить угрожающий вид вооруженных фанатиков или возразить им за то, что они забаррикадировали улицы. Их единственной целью было отвести от себя всю возможную опасность; и для достижения этой цели они опубликовали акт терпимости, позволяющий каждому человеку поклоняться Богу и совершать свои публичные и частные богослужения так, как он считает нужным.

В результате только что описанных событий власть Роттмана стала настолько велика, что ложное пророчество не подорвало его авторитета. 6 февраля во главе отряда своих поклонников он ворвался в церковь Убервассера, "чтобы не дать угаснуть евангельскому пламени, зажженному в сердцах монахинь".[139] Созвав всех сестер в церковь, он взошел на кафедру и прочитал им проповедь о браке, в которой он осудил монастыри, в которых самые властные законы природы остались невыполненными, и "он призвал монахинь усердно трудиться для продолжения рода человеческого"; а затем он полностью вскружил головы молодым людям. женщин, объявив им с вдохновенным видом, что их монастырь падет в полночь и похоронит под своими руинами каждого, кто будет найден в его стенах. "Это спасительное объявление было сделано мне, - сказал он, - одним из пророков, ныне присутствующих в этом городе, и Небесный Отец также удостоил меня прямого и особого откровения на тот же счет".[140]

Этого было достаточно, чтобы завершить обращение монахинь, уже поколебленных в своей вере проповедями, которые они были вынуждены слушать в течение некоторого времени. Напрасно настоятельница Ида и две другие сестры умоляли их остаться и пренебречь

пророчеством. Обезумевшие женщины в приступах страха и возбуждения бежали из монастыря и нашли убежище в доме Роттмана, где переоделись, а затем бегали по городу, издавая радостные крики.

Пророчество Роттмана повторяли друг другу по всему Мюнстеру. В ту ночь никто не спал. Толпы людей хлынули по улицам в направлении Убервассера, а площадь перед монастырем была плотно забита затаившими дыхание зрителями, ожидавшими разрушения дома.

С башни собора пробили полночь. Толпа ждала еще час. Пробило час, а монастырь не пал. Мастер Бернард был не из тех, кого смущает такой пустяк. - Пророчества, - воскликнул он, - всегда условны. Иона предсказал, что Ниневия будет разрушена через сорок дней, но с тех пор, как жители раскаялись, она осталась стоять. То же самое произошло и здесь. Почти все монахини раскаялись, оставили свой монастырь и свои привычки, отказались от своих обетов — таким образом, гнев Небесного Отца был смягчен".[141]

Затем Список проповедников был охвачен пророческим вдохновением. Он бежал через город с пеной у рта, закатив глаза, его волосы и одежда были в беспорядке, лицо осунулось, в один момент он издавал нечленораздельные вопли, а в другой - призывал нераскаявшихся обратиться и спастись, ибо день Господень был близок.[142]

Следующей была схвачена восемнадцатилетняя девушка, дочь портного по имени Грегори Цумберге. "8 февраля ею овладела своего рода ораторская ярость, и она проповедовала с огнем и необычайной словоохотливостью перед изумленной толпой".

В тот же день дух сошел на Книппердоллинга и Бокельсона; они бегали по улицам с непокрытыми головами и поднятыми к небу глазами, непрерывно повторяя пронзительным голосом: "Покайтесь, покайтесь, покайтесь, вы, грешники; горе, горе!" Добравшись до рыночной площади, они упали в объятия друг друга перед толпой горожан и ремесленников, которые сбежались со всех сторон. В тот же момент появился портной Грегори Цумберге, отец девушки-проповедницы, с развевающимися волосами, раскинутыми руками, искаженным лицом и диким светом, игравшим в его глазах, и закричал: "Поднимите ваши головы, о мужчины, о дорогие братья! Я вижу величие Бога в облаках и Иисуса, размахивающего знаменем победы. Горе вам, нечестивые, которые сопротивлялись истине! Покайтесь, покайтесь! Я вижу Небесного Отца, окруженного тысячами ангелов, угрожающих вам уничтожением! Обратитесь! великий и ужасный день Господень настал.... Бог действительно очистит Свое поле и сожжет плевелы неугасимым огнем.... Отрекись от своих злых путей и прими знак Нового Созывающего, если хочешь избежать гнева Господня".

"Невозможно, - говорит часто цитируемый писатель, который был очевидцем в городе всего, что он описывает, - невозможно представить жесты и ужимки, сопровождавшие эту речь. Портной запрыгал по камням и, казалось, вот-вот взлетит; затем он с необычайной быстротой повернул голову, хлопнул в ладоши и посмотрел сначала на небо, а затем вниз, на землю. Затем, совершенно внезапно, на его лице появилось выражение отчаяния, и он упал на мостовую в виде креста и покатился по грязи. Там было много нас, молодых людей, - продолжает Керссенбрук, - очень удивленных их воем и внимательно смотревших на небо, чтобы увидеть, действительно ли там можно увидеть что-нибудь необычное; но, ничего не различив, мы начали высмеивать иллюминатов, и это побудило их удалиться в дом Книппердоллинга".[143]

Там началась новая сцена. Экстатики оставили двери и окна широко открытыми, чтобы все происходящее внутри могло быть видно и услышано плотной толпой, заполонившей улицу снаружи. Прохожие видели, как Книппердоллинг забился в угол, лицом к стене, и на ломаном наречии вел привычную беседу с Богом-Отцом. В какой-то момент было видно, что он слушает, затем отвечает, делая самые странные жесты. Это продолжалось некоторое время, пока не появился другой актер. Это был слепой шотландский нищий, очень высокий и тощий — ревностный анабаптист. Он был фантастически одет в лохмотья и носил сапоги на высоком каблуке, чтобы подчеркнуть свой рост. Хотя он был слеп, он бегал повсюду, восклицая, что видел странные видения в небе. Этого было достаточно, чтобы привлечь толпу, которая последовала за ним до угла Кенигс-штрассе, когда, как раз в тот момент, когда он восклицал: "Увы, увы! Небеса сию минуту обрушатся!" - он споткнулся о навозную кучу, оказавшуюся у него на пути. Этот несчастный случай пробудил его от экстаза, и он в сильном замешательстве взял себя в руки и больше никогда не пророчествовал.[144]

Но его место быстро занял другой человек по имени Йодокус Куленбург, который, чтобы с большей скоростью добраться туда, куда призывал его Дух, разъезжал по городу на лошади, объявляя на каждой улице, что слышит звук Последней Трубы. Несколько женщин также были охвачены пророческим духом, и одна, по имени Тиммерманн, заявила, что "Царь Небесный вот-вот явится подобно вспышке молнии и восстановит Иерусалим". Другая женщина, чьи крики и призывы к покаянию заставили ее потерять голос, бегала с колокольчиком, прикрепленным к ее поясу, выразительными жестами призывая прохожих присоединиться к числу избранных и спастись.[145]

Эти фантастические сцены произвели глубокое впечатление на многих жителей Мюнстера. Нервное возбуждение, сопровождающее мистическое возбуждение, всегда заразительно. Волнение умов и совести стало всеобщим; мужчины и женщины впадали в транс, молились публично, кричали, имели видения и впадали в каталептические припадки. В те дни люди ничего не знали о физических и психологических причинах; всеобщее возбуждение они приписывали сверхъестественным силам. Вопрос был просто в том, были ли эти знаки вызваны дьяволом или Духом Божьим. Католики приписывали эти знамения действию сатаны; лютеране пребывали в нервной неопределенности. Они сопротивлялись Богу или дьяволу? Страх перед тем, что их обнаружат в рядах тех, кто борется против Святого Духа, привлек множество робких и наиболее добросовестных к пополнению рядов мистической секты. Мюнстер в большом масштабе демонстрировал то, что воспроизводится в нашей стране на многих собраниях уэслианского и рантерского возрождения.

Теперь пришло время, подумал Роттманн, уничтожить врагов Бога. Различным анабаптистским конгрегациям было разослано секретное уведомление с просьбой быть готовыми нанести удар 9 февраля. Соответственно, ранним утром 500 фанатиков захватили городские ворота, ратхаус, и находившееся в нем оружие; в часовне Святого Михаила, башне церкви Святого Ламберта и на рыночной площади были установлены пушки; были возведены баррикады из камней, бочек и скамеек из церкви. Общая опасность объединила католиков и лютеран; они ясно видели, что намерением их противников было либо истребить их, либо изгнать из города. Они поспешно отступили в квартал Убервассер и заняли позицию на кладбище, установили пушки, поместили тела вооруженных людей в башню собора и отвоевали двое городских ворот. Они также

арестовали нескольких сенаторов, примкнувших к секте анабаптистов, но у них не хватило смелости наложить руки на бургомистра Тильбека, который также принадлежал к этой партии. Двое проповедников, Штраль и Винниус, были пойманы и помещены в башню церкви Убервассер.[146]

В окрестные деревни и поселки были разосланы послания с сообщением о положении дел и мольбами о помощи. Магистраты даже написали письмо князю-епископу, выражая свой ужас, прося его как можно скорее прийти им на помощь из положения, находящегося в неминуемой опасности. Франциск Вальдекский немедленно ответил письмом, обещая с предельной быстротой выступить в Мюнстер и требуя, чтобы для него открыли одни из ворот. Это письмо было доставлено Герману Тильбеку; но бургомистр, желая обеспечить триумф фанатиков, с которыми он был в союзе, спрятал письмо и не сообщил сенату ни о его прибытии, ни о его содержании. Он, однако, сообщил анабаптистам об угрожающей им опасности и призвал их как можно скорее прийти к соглашению с лютеранами.

В то же время пастор Фабрициус, неспособный обуздать свои религиозные предрассудки даже перед лицом опасности, пронесся среди лютеранских рядов, настраивая своих последователей против католиков и призывая их скорее заключить соглашение с фанатиками, чем подчиниться епископу. "Берегитесь, - сказал он, - чтобы в случае вашей победы паписты не восстановили свою власть, ибо именно они являются истинной причиной всего этого зла и беспорядков".[147]

В то время как проповедник сеял раздор в рядах партии порядка, Роттманн и два пророка, Маттиссон и Бокельсон, довели энтузиазм своих учеников до высшей степени, объявив им о славной победе и о том, что Отец сделает Своих избранных неуязвимыми перед оружием их противников.

Женщины-анабаптистки бегали по улицам, корчась и совершая невероятные прыжки, крича, что они видят Господа, окруженного сонмом ангелов, пришедших истребить почитателей Ваала.

Так прошла ночь. На рассвете Книппердоллинг продолжил свой путь по улицам, издавая свой скорбный вопль: "Покайтесь, покайтесь! горе, горе!" Подойдя слишком близко к церковной стене Убервассера, он был схвачен и брошен в тауэр вместе со Штралем и Винниусом.

В восемь часов прибыл дроссар Волльбекский во главе отряда вооруженных крестьян, чтобы усилить партию порядка, и несколько священнослужителей вошли в город, чтобы сообщить магистратам, что князь-епископ приближается во главе своей кавалерии.

По прошествии многих часов город мог бы быть умиротворен и порядок восстановлен, если бы не усилия бургомистра Тильбека и божественного Фабрициуса. Недоверие к своим союзникам теперь полностью овладело лютеранами, и бургомистр воспользовался колебаниями, чтобы уволить дроссара Волльбека и его вооруженный отряд и послать к принцу, отказавшись от его помощи. По его совету анабаптисты также согласились сложить оружие и заключить соглашение с сенатом об установлении гармонии. С обеих сторон были переданы заложники, и заключенные были освобождены. В конце концов был заключен мир на следующих условиях: 1. Что вера должна быть абсолютно свободной. 2. Что каждая сторона должна поддерживать дружбу. 3. Что все должны подчиняться властям.

Когда договор был подписан, два вооруженных отряда разделились, пушки выстрелили в воздух, дроссар Волльбекский и духовенство удалились с печалью в сердцах, предсказывая приближающееся крушение Мюнстера. Князь-епископ был недалеко от города со своими войсками, когда ему принесли роковую весть. Он пролил слезы унижения, повернул коня и уехал.[148]

На данный момент этот договор обеспечил мир, но порядок восстановлен не был. Как только вооруженные анабаптисты покинули рыночную площадь, она заполнилась женщинами, получившими от Роттмана знак Нового Завета. "Безумие языческих вакханок", - говорит очевидец этих сцен Керссенбрук,[149] "не могло превзойти безумие этих женщин. Невозможно представить себе более ужасное, безумное, неприличное и нелепое представление, чем то, которое они устроили. Их поведение было настолько неистовым, что можно было подумать, что они - фурии поэтов. У одних были растрепаны волосы, другие бегали почти голыми, без малейшего чувства стыда; третьи снова пускались в невероятные авантюры, третьи бросались на землю с распростертыми в форме креста руками; затем вставали, хлопали в ладоши, опускались на колени и кричали изо всех сил, призывая Отца, закатывая глаза, скрежеща зубами, с пеной у рта, били себя в грудь, рыдали, смеялись, выли и издавали самые странные нечленораздельные звуки.... Их слова были более странными, чем их жесты. Одни молили о милости и свете для нас, другие молили о том, чтобы нас поразили слепота и проклятие. Все притворились, что видели на небесах какие-то странные явления; они видели Отца, спускающегося судить их святое дело, мириады ангелов, облака крови, черные и синие огни, падающие на город, а над облаками всадника на белом коне, размахивающего мечом против нераскаявшихся, которые отказались свернуть со своих злых путей.... Но сцена постоянно менялась. Опустившись на колени и обратив свои взоры в одном направлении, они все разом воскликнули вместе, взявшись за руки: "О Отец! Отец! О превосходнейший Царь Сиона, пощади народ!" Затем они некоторое время повторяли эти слова, повышая тон своих голосов, пока не достигли такого визга, что стадо свиней не могло бы издавать более громкого шума, собравшись в базарный день.

"На фронте одного из домов на рыночной площади висел флюгер необычной формы, недавно позолоченный, который как раз в это время поймал солнечные лучи и засиял ярким светом. Этот флюгер стал причиной ошибки женщин. Они приняли его за самого превосходного царя Сиона. Один из горожан, обнаружив причину, забрался на крышу дома и снял этот новый вид величия. Шум сразу же сменился спокойствием; пристыженные и полные замешательства, провидцы разошлись по домам. К сожалению, урок не привел их в чувство".

Вскоре после подписания договора бургомистр Тильбек открыто присоединился к анабаптистам и был повторно крещен Роттманном вместе со всей своей семьей.[150]

Наиболее разумные и рассудительные граждане, включая почти всех католиков и значительное количество лютеран, прекрасно понимая, что договор фактически означал передачу всей власти в руки фанатиков, в большом количестве покинули город, унеся с собой все свои ценности. Эмиграция началась 12 февраля. Анабаптисты приказали не выносить за ворота ни оружия, ни провизии и назначили охрану для проверки вещей всех тех, кто покидал город. Эмиграция была настолько обширной, что за несколько дней несколько кварталов города полностью обезлюдели.[151]

Затем Роттманн обратился с циркулярным письмом к анабаптистам всех соседних городов с просьбой прийти и заполнить опустевшие особняки, из которых выпали отступники. "Отец послал мне нескольких пророков, - сказал он, - исполненных Его Духа и наделенных возвышенной святостью; они учат чистому слову Божьему, без человеческих добавлений, и с возвышенным красноречием. Тогда приходите со своими женами и детьми, если вы надеетесь на вечное спасение; приходите в святой Иерусалим, на Сион и в новый храм Соломона. Приди и помоги нам восстановить истинное поклонение Богу и изгнать идолопоклонство. Оставь свои мирские блага позади, ты найдешь здесь достаток, а на небесах - сокровище".[152]

В ответ на этот призыв анабаптисты хлынули в город со всех сторон, из Голландии, Фрисландии, Брабанта, Гессена, Оснабрюка и из соседних городов, где магистраты приложили все усилия, чтобы подавить секту, которая, по их мнению, угрожала безопасности содружества.

Вскоре опустевшие дома были заселены этими фанатиками. Бернхард Кречтинг, пастор Гильдехауса, прибыл во главе значительной части своих прихожан. Герман Регеварт, бывший лютеранский проповедник из Варендорфа, искал пристанище в новом Иерусалиме. Прибыли богатые и родовитые люди, охваченные безумием, таковы были Петер Шверинг и его жена, самые богатые граждане Косфельда; Вернер фон Шейфорт, сельский дворянин; госпожа фон Бекке со своими тремя дочерьми, из которых две старшие были монахинями, а младшая была помолвлена с лордом Дерле; и грограф из Шоппингена Генрих Кречтинг со своей женой, детьми и несколькими жителями этого города с телегами, нагруженными их пожитками. . Грограф поселился в доме Керссенбрука вместе со своей семьей и слугами, и, как с горечью замечает хронист, он позаботился о том, чтобы занять лучшую часть особняка.[153]

Среди тех, кто бежал из города, были синдик Фон Вик, возглавлявший оппозицию против епископа, и бургомистр Каспар Юденфельд. Последний удалился в Хамм, и его не тронули, но фон Вик играл слишком заметную роль, чтобы так легко сбежать. По приказу князя-епископа он был арестован и казнен в Вастенау.[154]

Теперь Мюнстер стал театром самых диких оргий, когда-либо совершавшихся под именем религии. По-видимому, существует закон, согласно которому мистицизм должен быстро переходить из стадии аскетизма в стадию распущенности. Во всяком случае, такова была неизменная последовательность стадий в каждом мистическом обществе, которому позволялось беспрепятственно следовать своим собственным курсом. В Римской церкви тех, кто страдает таким психологическим расстройством, запирают в монастырях. Религиозная страсть так близко граничит с сексуальной страстью, что небольшое дополнительное давление, оказываемое на нее, разрушает перегородку, и оба впадают в неистовство религиозного разврата. Фанатики-анабаптисты быстро приближались к этой стадии. Пророк Маттиссон проложил путь, установив второе крещение, проводимое только для внутреннего круга избранных, которое называлось крещением огнем.

Адепты поклялись хранить тайну и отказались объяснить способ управления. Но общественное любопытство было возбуждено, и, узнав пароль, некоторые получили возможность проникнуть на собрание и посмотреть, что происходит. Среди них была женщина, которая была знакомой Керссенбрука и из уст которой он услышал рассказ об этом обряде. "Маттиссон, - говорит он, - тайно собрал ночью посвященных обоих полов в огромном особняке Книппердоллинг. Когда все были в сборе, пророк встал под медную люстру, подвешенную в центре потолка и освещенную тремя свечами". Затем он дал указание относительно нового откровения

Божественной воли, которое, как он притворился, было ниспослано ему, и собрание превратилось в сцену неистовых оргий, слишком ужасных, чтобы их можно было описать.

Собрания, на которых совершались эти мерзости, подготовили почву для полного ниспровержения всех законов приличия и морали, которое последовало в течение нескольких месяцев.

Когда наступил Карнавал, было организовано грандиозное антикатолическое шествие, чтобы вновь разжечь враждебность народа к древней Церкви, ее обрядам и церемониям. Сначала компания людей в масках, одетых как монахи, монахини и священники в своих священных облачениях, шла впереди, прыгая и распевая непристойные песни. Затем следовала огромная колесница, запряженная шестью мужчинами в одеяниях религиозных орденов. На козлах сидел человек, одетый епископом, с митрой и посохом, бичевавший трудящихся монахов. На машине был изображен умирающий мужчина, над которым склонился священник в огромных очках на носу, совершающий над больным последние таинства Церкви и обращающийся к нему в самой абсурдной манере, громко, чтобы прохожие могли услышать и посмеяться над его фарсовой пародией на самые священные вещи старой религии. Следующую машину запряг мужчина, одетый как священник в стихарь и краденое. В других автомобилях были группы, подходящие для того, чтобы выставить на посмеище преданность святым, веру в чистилище, мессу и т.д.[155]

Теперь пророки решили, что необходимо быть готовыми на случай осады. Поэтому они поручили проповеднику Роллу посетить Голландию и поднять там анабаптистов, убедить их вооружиться и выступить на защиту Нового Иерусалима. Рулон стартовал из Мюнстера 21 февраля, но испанское правительство в Нидерландах, встревоженное тем, что происходило в столице Вестфалии, приказало строго следить за передвижениями фанатиков, и Рулон был схвачен и казнен в Утрехте.

Следующим шагом, предпринятым пророками, было отстранение членов сената от исполнения их обязанностей, поскольку они были избраны "по плоти", и избрание на их место другой группы людей, "избранных по Духу". Бернард Книппердоллинг и Герхардт Киппенбрук, оба драпировщики, были назначены бургомистрами.

Одним из первых действий новых магистратов был запрет на вывоз мебели, продуктов питания и денег из города и разрешение поголовного разграбления всех церквей и монастырей в городе. Толпа анабаптистов сначала напала на религиозные дома и унесла все священные сосуды, золото, серебро и облачения. Затем они посетили часовню святого Антония, расположенную за воротами Святого Мориса, и, полностью разграбив ее, снесли. Они сожгли церковь Святого Мориса, затем напали на церковь Святого Леджера, но у них не хватило терпения завершить ее снос. Оттуда они направились к собору, взломали его и уничтожили алтари с их прекрасными скульптурными и раскрашенными дубовыми панелями, чудеса тонкой работы и готической красоты, хоры, статуи, картины, фрески, витражи, орган, облачения и унесли чаши и cibории. Большие часы, гордость Мюнстера, как и Страсбурга, столицы Эльзаса, были разбиты молотками на куски. Ценная коллекция рукописей, собранная поэтом Рудольфом Ланге и подаренная министру вместе с остальными томами библиотеки, была сожжена. Две благородные картины, одна с изображением Пресвятой Богородицы, другая с изображением святого Иоанна Крестителя на панно работы Франко, были разделены и превращены в сиденья для уборных в гауптвахте возле еврейского кладбища. Головы и руки были отломаны от статуй,

которые невозможно было ниспровергнуть, — статуй апостолов, пророков и сивилл, украшавших интерьер собора и прилегающую площадь. Дарохранительница была взломана, и на Святом Причастии танцевали и топтали ногами. Купель была разбита ломами в знак отвращения фанатиков к крещению младенцев; могилы епископов и каноников были разрушены, тела извлечены из могил, а их прах развеян по ветру.^[156]

Но пока это происходило в Мюнстере, Фрэнсис фон Вальдек готовился к войне. 23 февраля он провел совещание в Телgte, чтобы консолидировать планы, и теперь со всех сторон пришла помощь. Курфюрст Кельнский, герцог Клевский, даже ландграф Гессенский, теперь раздраженный безуспешностью своих попыток установить спокойствие и добиться компромисса, герцог Брауншвейгский, регент Брабанта, графы Липпе и Бернтгейм и многие другие дворяне и города прислали солдат, артиллерию и боеприпасы.

Епископ назначил генералов и главных офицеров, затем заставил всех солдат принести клятву верности себе и заключил с ними соглашение, состоящее из следующих десяти статей:

1. Солдаты должны быть верны принцу и подчиняться своим офицерам.
2. Города, оружие и амуниция, захваченные на войне, будут принадлежать князю.
3. Если после взятия города князь-епископ разрешает войскам его разграбление, он не обязан выплачивать им никаких призовых денег.
4. Если грабеж будет одобрен, ратушу трогать нельзя.
5. Принцу достанется половина добычи.
6. Дворянам, каноникам и тем, кто бежал из города, разрешается сделать первую ставку за свои вещи, когда они будут выставлены на продажу.
7. Солдаты не должны снимать никаких приспособлений.
8. После взятия города охрана ворот и крепостных валов будет возложена на тех, кого назначит князь-епископ.
9. После взятия города и разрешения на его разграбление солдатам дается восемь дней на распределение и продажу награбленного. Солдаты должны своевременно получать свое жалованье.
10. Руководители восстания, насколько это возможно, должны быть взяты живыми и переданы епископу для получения вознаграждения.^[157]

Анабаптисты не испугались этих приготовлений; они энергично готовились к защите Нового Сиона. Предварительно отряд в пятьсот человек сжег монастырь Святого Маврикия за городскими воротами и сравнял с землей все дома в предместьях, которые закрывали обзор и могли служить прикрытием для осаждающих.

26 февраля Маттиссон проповедовал во второй половине дня перед паствой, созванной выпуском кулеврина. В конце проповеди он принял вдохновенный вид и объявил, что ему нужно сообщить важное откровение. Привлекши внимание своих слушателей, он сказал

торжественным тоном: "Отец требует очищения Нового Иерусалима и Своего храма; ибо наша республика, которая началась так процветающе, не сможет расти и выстоять, если станет жертвой беспорядка, вызванного присутствием нечестивых сект. Мой совет заключается в том, что мы должны без дальнейших промедлений уничтожить лютеран, папистов и всех тех, у кого неверная вера, чтобы в Сионе осталось только одно тело, одно общество, которое является истинно христианским и которое может предлагать Отцу чистое и благоугодное поклонение. Есть только один способ уберечь верующих от заразы нечестивых, и это смести их с лица земли. Нет ничего проще, чем осуществить этот план. Мы составляем большинство в сильном городе, в изобилии обеспеченном всем необходимым; нам нечего бояться ни внутри, ни снаружи".^[158]

Это предложение было бы немедленно приведено в исполнение разъяренными сектантами, если бы не вмешательство Книппердоллинга, который, опасаясь, что всеобщая резня лютеран и католиков объединит силы Смалькальдского союза и империалистов против города, срочно настоял на более мягких мерах. "Давайте удовлетворимся тем, - сказал он, - что завтра изгоним из города тех жалких созданий, которые отвергают знамение Нового Завета; таким образом, мы полностью очистим пол Господень, и в Новом Иерусалиме не останется ничего нечистого".^[159]

Этот совет был принят, и было единогласно решено, что завтрашний день станет свидетелем изгнания католиков и лютеран. 27 февраля выдался очень холодный день. Установился сильный мороз, дул северный ветер, пробирая до костей все, что подвергалось воздействию порывов ветра, местность была покрыта белым снегом, а ручьи покрылись коркой льда. У каждых ворот стояла двойная охрана; площади были запружены вооруженными фанатиками, и среди них входили и выходили пророки с посохами в руках, произнося проклятия врагам Господа и слова ободрения тем, у кого были печати на лбу и руках.

Маттиссон разыскал тех, кто не принадлежал к секте, и угрожающими жестами и горящими глазами призвал их к покаянию, прежде чем дверь захлопнулась. "Обратитесь, обратитесь, грешники", - кричал он своим резким тоном. "Вам готовится Суд. Стихии объединились против вас; ваши беззакония побудили природу восстать, чтобы наказать вас. Меч гнева Господня занесен над вашими головами. Повернитесь, вы, грешники, и примите знак нашего союза, чтобы вы не были изгнаны из избранного народа!" Затем он бросился на землю на большой площади и воззвал к Отцу; и, лежа с раскинутыми руками на замерзшей земле и обратив к небу осунувшееся от холода лицо, он впал в транс. Анабаптисты преклонили колени вокруг него и, воздев руки к небу, умоляли Отца открыть Свою волю устами посланного Им пророка.

Затем Маттиссон, медленно возвращаясь от своего экстаза, как человек, пробуждающийся ото сна, сказал: "Такова воля и приказ Отца: негодяи, если они не обратятся и не крестятся, должны быть изгнаны из этого места. Этот святой город должен быть очищен от всего нечистого, ибо нечестивые речи развращают и оскверняют народ Божий. Долой сынов Исава! это место, этот Новый Сион, это жилище принадлежит сынам Иакова, истинному Израилу".

Энтузиазм Маттиссона передался собранию. Анабаптисты разделились, чтобы подмести улицы, с мечами и пиками в руках, и прогнали нечестивых за свои стены, крича: "Жребий наш; плевелы должны быть отделены от пшеницы; козлы от овец; нечестивые от благочестивых; прочь, прочь!" Двери были распахнуты, и фанатики ворвались в каждый дом, выгоняя перед собой мужчин, женщин и детей с чердаков и подвалов, где бы они ни прятались, несмотря на их крики и

мольбы. Мужчины всех профессий, мужчины и женщины всех возрастов были изгнаны; им не разрешалось ничего брать с собой. Меч Господень был направлен против них; здоровые и немощные, господин и слуга - никто не был пощажен. Тех, кто отставал, били; тех, кто был болен и не мог летать, отвозили на рыночную площадь, чтобы Роттманн крестил их заново.

Через ворота хлынула перепуганная толпа, дрожащая, полуодетая, матери прижимали к груди своих младенцев, дети поддерживали между собой своих престарелых родителей, все посиневшие от холода, когда свирепый ветер, густо усыпанный мокрым снегом, обрушивался на них на поворотах и над голой равниной за городскими стенами, рычащий и жестокий, как будто он тоже был доведен до религиозного исступления и стал вспомогательным средством в этой дикой работе.

Тысячи людей бродили по замерзшим планам, не зная, куда бежать в поисках убежища, издавая жалобные крики, стенания или тихие стоны; в то время как со стен небесного града гремел радостный залп, и анабаптисты кричали, потому что настал день отмщения Господа и на земле установилось тысячелетнее царство.

"Никогда, - говорит Керссенбрук, - никогда я не видел ничего более прискорбного. Женщины несли на руках своих обнаженных кормилиц и тщетно искали тряпки, чтобы одеть их; несчастные дети, цепляясь за пальто своих отцов, бегали босиком, издавая пронзительные крики; старики, согнутые возрастом, ковыляли вперед, призывая Божье возмездие на своих преследователей; наконец, несколько больных женщин, которых выгнали из постелей во время родов, упали во время схваток в снег, лишенные всякой человеческой помощи".[\[160\]](#)

Среди изгнанных был Фабриций, лютеранский священник, который сбежал переодетым. Сектанты так сильно ненавидели его, что, если бы его узнали, ему не позволили бы покинуть город живым.

Фрау Вернехе, богатая дама, слишком полная, чтобы ходить, и неспособная найти экипаж, была вынуждена остаться в Мюнстере. Роттманн настоял на том, чтобы она получила знак Нового Завета.

"Я уже была крещена, как и мои предки", - сказала добрая женщина. Роттманн ответил, что если она будет упорствовать в своем нечестии, то должна быть убита мечом, чтобы гнев Отца не возгорелся против Святого Города. Бедная леди, у которой не было ни малейшего желания принимать мученическую смерть, нетерпеливо воскликнула: "Что ж, тогда пусть будет так! крести меня во имя всех дьяволов ада, ибо я уже был крещен во имя Бога". Роттманн, не отличавшийся особой разборчивостью, провел обряд, и полная дама осталась в Мюнстере.

Теперь апостол разослал письма по всей стране, возвещая радостную весть о приближении царствования Христа на земле и приглашая анабаптистов по соседству стекаться в Сион. Одно из этих посланий Роттмана сохранилось.[\[161\]](#)

"Бернард, слуга Иисуса Христа в Своей церкви в Мюнстере, сердечно приветствует своего очень дорогого брата Генри Шлахтшапа. Благодать и мир от Бога и сила Святого Духа да пребудут с вами и со всеми верующими.

"Дорогой Брат во Христе, —

"Чудесные дела Божьи так велики и так разнообразны, что я не смог бы описать их все, будь у меня сотня языков. Поэтому я не в состоянии сделать это одним своим пером. Господь оказал нам великолепную помощь. Он избавил нас от рук наших врагов и изгнал их из города. Охваченные паническим ужасом, они толпами бежали. Это начало того, что Господь возвестил через Своих пророков — что все святые соберутся в этом Новом Сионе. Эти пророки поручили мне написать вам, чтобы вы могли приказать всем братьям поспешить к нам со всем золотом и серебром, которые они смогут собрать; что касается остального их имущества, пусть оно будет оставлено сестрам, которые распорядятся им, а затем также присоединятся к нам здесь. Остерегайтесь делать что-либо по плоти; все делайте по Духу. Остальное из уст в уста. Здоровья в Господе".

Этот призыв имел тем больший успех, что в Волльбеке, Бевергерне и других местах было проведено несколько казней с конфискацией имущества, и это вызвало тревогу у анабаптистов, рассеянных по всему княжеству. Поэтому многие откликнулись на призыв и отправились, как колена Господни, в Иерусалим из Лейдена, Кесфельда, Варендорфа и Гронингена. Освободившиеся дома были вновь заселены, мюнстерские баптисты выбрали для себя лучшие. Книппердоллинг, Киппенбрук и другие завладели резиденциями каноников; слуги поселились в жилищах своих хозяев, как в своих собственных, а опустевшие монастыри были отданы под общежития, чтобы принимать приток беженцев из страны, пока для них не будут предоставлены дома.^[162]

28 февраля Франциск фон Вальдек покинул Тельgte во главе своей армии и занял столицу. Вокруг Мюнстера были установлены батареи, разбито семь лагерей для пехоты и шесть для кавалерии. Эти лагеря были связаны друг с другом для взаимной поддержки в случае вылазки и быстро укреплялись.

Так началась осада, которая должна была продлиться шестнадцать месяцев минус четыре дня, в течение которых множество необученных, недисциплинированных фанатиков под командованием голландского портного-трактирщика противостояли многочисленным и хорошо вооруженным силам. Но в осажденных был элемент силы, которого не хватало осаждающим. Те, кто находился в этих стенах, были членами обширного братства, которое простиралось на Германию, Швейцарию и Нидерланды, его члены были связаны общим энтузиазмом и находились в более или менее прямой связи с вождями, командовавшими в вестфальской столице. Несмотря на осаду, в город постоянно приносились новости извне, и были разосланы гонцы, чтобы побудить членов общества в других странах и провинциях подняться и выступить на помощь городу, которому, как они все верили, суждено было стать их религиозной столицей. Братья Мюнстер надеялись на скорейшее освобождение, вызванное действенностью оружия их братьев в Голландии, Жюльенсе, Клеве и Брабанте. Нидерланды кишели анабаптистами, которые организовали общины в Амстердаме, Лейдене, Утрехте, Харлеме, Антверпене и Генте; они хранили оружие в подвалах и на чердаках и ждали только подходящего момента, чтобы восстать всем скопом, перебить своих противников и освободить Святой Город. Было предпринято несколько попыток восстания, но бдительность испанского правительства в Нидерландах предотвратила восстание, и надежды осажденных так и не оправдались.

С другой стороны, армия князя-епископа состояла из наемников, из солдат из разных провинций и княжеств, говоривших на разных диалектах, с разными интересами, а также отличавшихся верой. Лютеранские войска не желали сердечно объединяться с католиками, а

последние не доверяли своим союзникам-протестантам, чьи симпатии, по их мнению, были на стороне осажденных анабаптистов. А во главе всей армии стоял католический прелат с лютеранскими наклонностями, который ничего не знал о войне, имел пустой кошелек и желал ослабить своих подданных с помощью иностранных наемников, без особых затрат для себя и ущерба для своих подданных.

Анабаптисты предусмотрительно организовали свою оборону. Они избрали капитанов и знаменосцев и разделили всех граждан, способных носить оружие, на полки и роты. Каждому было отведено свое место и свои функции, и было решено, что магистраты должны будут встать на стражу, когда придет их очередь. Мальчиков муштровали и учили обращаться с аркебузой; женщины готовили головни, пропитанные смолой и серой, чтобы бросать их во врага, и плавили свинец с крыш в пули. Были вырыты мины и заряжены порохом, возведены новые бастионы, а перед воротами воздвигнуты завесы, в которые были встроены гробницы и саркофаги епископов и каноников.[163]

Новоизбранный сенат, хотя и состоял из самых ревностных анабаптистов, был бессилен перед Маттиссоном. Секта, управляемая сиюминутным вдохновением, заявляющая, что ее ведет Дух, говорящий устами пророков, готовая броситься на самые безумные выходки по велению провидцев, не могла долго подчиняться правительству магистрата, власть которого была мирской. Путь быстро готовился к установлению духовной деспотии.

Напрасно сенат издавал приказ без санкции Маттиссона, напрасно они пытались сопротивляться исполнению его мандатов. Однажды он объявил, что такова воля Отца, чтобы все имущество граждан, которые бежали или были изгнаны, было собрано в одном месте, чтобы их можно было распределить среди святых, в чем нуждается каждый человек. Вслед за этим он отправил людей собрать все, что беженцы оставили в городе, и отнести вещи в дома, которые он указал в каждом приходе. Ему немедленно подчинились. Одежда, белье, кровати, мебель, посуда, еда, вино — все было вывезено на тележках. Драгоценности, золото и серебро были сданы в канцелярию. Затем пророк повелел установить трехдневную молитву, "чтобы Бог открыл ему людей, избранных Им для охраны накопленного сокровища".[164]

Когда три дня подошли к концу, Маттиссон объявил, что Отец указал ему семь человек, которые должны были стать дьяконами для обслуживания столов в Новом Иерусалиме. Поэтому он приказал мужчинам раздавать из общих запасов тем, кто нуждался в том, что могло бы удовлетворить их потребности.[165]

Однако не следует предполагать, что с изгнанием нечестивых из святого города исчезло всякое сопротивление. Очень значительное число горожан, лавочников и торговцев, вместо того чтобы покинуть свои дома, бросить свои товары на разграбление и потерять свою торговлю, согласились принять повторное крещение. Правление пророков с каждым днем становилось для них все более утомительным. Кузнец по имени Хуберт Рюш, или Трутлинг, имел мужество выступить против Маттиссона, обвинив его в том, что он лжепророк и самозванец.[166] Пророк, чувствуя опасность своего положения, видел, что необходимо принять решительную и ужасную меру, чтобы подавить ропот и утешить тех, кто желал сбросить его иго. "Суд должен начаться в доме Божьем", - сказал Маттиссон и приказал немедленно казнить кузнеца. Бургомистр Тильбек и мировой судья Редекер вмешались, но по приказу пророка были брошены в тюрьму.

Затем Бокельсон, пробившись сквозь толпу, объявил с неистовыми жестами, что Отец поручил ему убить мечом, который он носил, всех тех, кто воспротивился воле Небес, истолкованной посланными Им пророками. Затем, размахивая своим оружием, он бросился на кузнеца, но Маттиссон опередил его, вонзив свою алебарду в тело несчастного. Обнаружив, что тот все еще дышит, он прикончил его из карабина, крича: "Да погибнут все, кто виновен в подобных преступлениях". Затем, по его приказу, толпа пропела хвалебный гимн и разошлась, молчаливая и трепещущая, по своим домам.[167]

Маттиссон немедленно воспользовался преимуществом, которое дал ему этот смелый удар, чтобы нанести еще один удар. Когда сокровища врагов Сиона были переданы на попечение дьяконов, верующие сохранили свое имущество. Но этого больше нельзя было терпеть. Пророк издал указ, требующий от всех, старых и молодых, мужчин и женщин, под страхом смерти приносить все свое имущество в золоте и серебре, в какой бы форме оно ни находилось, в казну; "Потому что, - сказал он, - такие вещи не приносят пользы истинному христианину".

Большинство горожан повиновались в страхе и трепете; но многие закопали свои сосуды и украшения из драгоценного металла и заявили, что у них нет драгоценностей.[168] Однако количество денег, цепочек, колец, брошей и чашек, собранных вместе, было очень значительным. Оно было помещено в канцелярию и доверено четырем самым преданным приверженцам Маттиссона.

Несколько дней спустя он созвал всех жителей на Соборную площадь, где в длинной речи объявил, что гнев Божий был возбужден против тех, кто позволил крестить себя 26 февраля из человеческих соображений, потому что они не желали покинуть свои дома и свое имущество, или из страха; и он посоветовал им всем отправиться в церковь Святого Ламбера, чтобы умолять Отца простить их за то, что они солгали Святому Духу и осквернили своим присутствием город детей Божьих; "и если гнев Божий возымеет силу". Отец не простит тебе проступка, - заключил он громким и страшным голосом. - ты должен погибнуть от меча Праведного".

В агонии ужаса несчастные горожане столпились в церкви, и двери за ними были заперты. Они провели внутри несколько часов, плача, стеная и сожалея о своей участи, охваченные невыразимым ужасом.[169]

Наконец вошел Маттиссон в сопровождении вооруженных людей, и пленники, полагая, что их вот-вот убьют, упали к его ногам и обняли колени, со слезами умоляя его, как любимца Божьего, выступить посредником перед Ним и добиться их помилования. Пророк ответил, что он должен посоветоваться с Отцом; он опустился на колени и впал в экстаз. Через несколько мгновений он встал, запрыгал от радости и объявил, что Отец, хотя и был сильно раздражен, удовлетворил его молитву и оставил кающихся в живых. Затем бедные создания были очищены, были спеты хвалебные гимны, и было объявлено, что они допущены в дом истинного Израиля. Двери распахнулись, и им было позволено разойтись.

15 марта появился новый указ, запрещающий верующим иметь, читать или смотреть какие-либо книги, кроме Библии, и требующий, чтобы все книги, печатные или рукописные, а также все юридические документы, которые были найдены в городе, были принесены на Соборную площадь и там преданы огню. Так погибло множество сокровищ неоценимой ценности.

Тем временем призыв Ротмана к анабаптистам Нидерландов прийти и освободить Сион возымел свое действие. Тысячи людей собрались в окрестностях Амстердама, пересекли Зюйдер-Зее, высадились в Зволле и двинулись маршем в сторону Мюнстера, грабя и сжигая церкви и монастыри. Но барон Шенк фон Тевтенбург, имперский лейтенант, встретил их, наголову разбил, большое количество изрубил на куски и взял много пленных.[170]

Пророки Мюнстера, предупрежденные об их приближении, но не ведавшие об их рассеянии, рассчитывали на приближающееся освобождение и продолжали свои безумства. В Страстную пятницу, 3 апреля 1534 года, они устроили всеобщий праздник с перезвоном колоколов и инсценировкой процессии со свечами. Договор, заключенный с князем-епископом, благодаря вмешательству Филиппа Гессенского, был привязан к хвосту старой лошади, и животное было изгнано из ворот Сен-Мориса в направлении вражеского лагеря.[171]

Приближалась Пасха, а с ней ожидалось великие события. Распространился слух, что в Праздник Воскресения произойдет великое освобождение Израиля. Невозможно решить, начал ли Маттиссон доклад или был увлечен им; но несомненно, что накануне он объявил в порыве энтузиазма, после транса, что получил приказ от Отца обратить в бегство армии пришельцев с помощью горстки истинно верующих.[172]

Соответственно, на следующий день, вооруженный алебардой, он возглавил нескольких фанатиков, разделявших его веру; ворота Святого Людгара распахнулись, и он бросился со своими сторонниками на армию принца-епископа; в то время как на крепостных валах толпились жители Мюнстера, крича и молясь, и ожидая увидеть чудо, совершенное в его пользу. Но не успел он продвинуться далеко, как отряд врага окружил его маленький отряд, и, несмотря на отчаянное сопротивление, он и его товарищи были изрублены в куски.[173]

Джон Бокельсон, видя, что доверие анабаптистов было поколеблено провалом этого предсказания и падением великого пророка, не теряя ни минуты, установил свое собственное превосходство. Он созвал всех людей вместе и объявил им, что Маттиссон умер по справедливому суду Божьему, потому что он ослушался повеления Отца выйти с очень небольшой горсткой людей и потому что он полагался на свои собственные силы, а не на Божественную помощь. "Но, - добавил он, - он пренебрег всеми теми предосторожностями, которые ему следовало предпринять, торжественной молитвой и постом, по примеру Юдифи; и он забыл, что победа в руках Божьих; он был горд и тщеславен, поэтому был оставлен Господом. Его ужасный конец был открыт мне Святым Духом восемь дней назад; ибо, когда я спал в доме Книппердоллинга после размышлений о Божественном Законе, Маттиссон предстал передо мной пронзенным насквозь копьем вооруженного человека, из которого вывалились все внутренности. Тогда я был безмерно напуган этим ужасным зрелищем; но вооруженный человек сказал мне: "Не бойся, возлюбленный сын Отца, но будь верен своему призванию, ибо суд Божий падет на Маттиссона; и когда он умрет, женись на его вдове". Эти слова повергли меня в глубокое изумление, ибо у меня уже есть законная жена в Лейдене. Тем не менее, чтобы у меня был достойный доверия свидетель этого экстраординарного откровения, я доверил тайну Книппердоллингу; он присутствует, пусть его приведут".[174]

После этого Книппердоллинг выступил вперед и под присягой заявил, что Бокельсон говорил правду, и назвал место, день и час, когда ему было доверено это откровение.

С этого момента Бокельсон стал известен народу не только как пророк, но и как любимец Небес, особо избранный Отцом, и, соответственно, пользовался гораздо более высокой оценкой, чем падший пророк. Его охватило вдохновение. 9 апреля он заявил, что "отец приказал, под страхом навлечь на себя его страшный гнев, чтобы все возвышенное было низвергнуто и чтобы работы начались на церковных шпилях". В результате трем архитекторам города было приказано снести их. Им удалось снести все шпили в Мюнстере. Шпиль церкви Убервассер был необычайно красив. От него остался лишь обрубок, и современный посетитель древней вестфальской столицы имеет все основания сожалеть о его потере. Башни были сохранены только для того, чтобы их можно было использовать в качестве позиций для пушек, стреляющих по осаждающим.[175]

У Бокельсона было другое видение, которое послужило укреплению его власти. "Отец, - сказал он, - явился ему и приказал назначить Книппердоллинга палачом новой республики".

Книппердоллинга это не совсем удовлетворило; он метил на более высокий пост, но скрыл свое раздражение и принял меч, предложенный ему Иоанном Лейденским, с явной радостью.[176] Были назначены четыре помощника палача, которые должны были помогать ему и сопровождать его, куда бы он ни пошел.

Назначение Книппердоллинга стало прелюдией к другим важным изменениям. Бокельсон стремился осуществлять абсолютную власть без оппозиции или контроля. Чтобы достичь своей цели, была разыграна дикая пророческая сцена. Ночью он бегал по улицам Мюнстера совершенно голый, издавая вопли и крича: "Вы, мужи Израиля, населяющие этот святой Сион! бойтесь Господа и покайтесь в своих прошлых жизнях. Обратитесь, обратитесь! Славный Царь Сиона, окруженный множеством ангелов, вот-вот спустится и будет судить мир при звуке Своей ужасной трубы. Обратитесь, слепые, и обратитесь".[177]

Измученный своей беготней и криками и довольный тем, что основательно переполошил обитателей, он вернулся в дом Книппердоллинга, который тоже пребывал в пароксизме вдохновения, пускал пену, прыгал, катался по земле и совершал множество других экстравагантных поступков. Бокельсон, войдя, забился в угол и притворился, что потерял дар речи; и когда толпа, собравшаяся вокруг него, спросила его о значении того, что произошло, он знаком попросил их принести ему таблички, на которых написал: "По приказу Отца я остаюсь немым в течение трех дней".

По истечении этого срока он созвал народ и объявил им, что Отец открыл ему, что у Израиля должна быть новая конституция, с новыми законами и новыми магистратами, назначенными Богом. Прежняя магистратура была избрана людьми, но новая должна была быть назначена Святым Духом. Затем Бокельсон распустил сенат и, как глашатай Бога, объявил имена новых должностных лиц в количестве двенадцати человек, которые должны были носить титул Старейшин Колен Израилевых, в руки которых должна была быть передана вся власть, светская и духовная. Назначенные были, как и следовало ожидать, самыми преданными приверженцами пророка.[178] Германа Тильбека, старого бургомистра, вывели из тюрьмы, и ему объявили, что он войдет в число старейшин; но, возможно, немного охладив этот энтузиазм из-за пребывания в цепях, он разрыдался и со смирением взмолился: "О, отец! Я недостойн столь великой чести; дай мне силу и свет, чтобы править мудро".

Роттманн, который с момента прибытия пророка играл лишь второстепенную роль, счел случай благоприятным для того, чтобы заявить о себе. Поэтому он произнес длинную проповедь, в которой объявил, что Бог был автором новой конституции, а затем, назвав старейшин перед собой по имени, вручил каждому обнаженный меч со словами: "Примите этим оружием право на жизнь или смерть, которое Отец приказал мне даровать вам, и используйте меч в соответствии с волей Господа". Затем мероприятие завершилось тем, что толпа, стоя на коленях, спела "*Gloria in excelsis*" по-немецки.

Сенат сложил свои полномочия без видимого сожаления или сопротивления, и двенадцать старейшин приняли на себя всю полноту власти. Они отменяли законы и формулировали новые, издавали эдикты, разрешали трудности, судили причины, не подчиняясь никакому контролю, кроме воли пророка; но эту волю они считали идентичной Божественной воле, стоящей выше всякого закона, и каждый подчинялся ее мельчайшим требованиям.

Сразу после формирования правительства был опубликован указ, состоящий из десяти частей.^[179] Первая часть, разделенная на тринадцать статей, содержала нравственный закон; вторая часть, состоящая из тридцати трех статей, содержала гражданское право.

Первая часть запрещала под страхом смертной казни тринадцать преступлений: богохульство, непослушание, прелюбодеяние, нечистоплотность, алчность, воровство, мошенничество, ложь и клевету, праздные разговоры, споры, гнев, зависть и недовольство правительством.

Вторая часть требовала от каждого гражданина соотносить свою жизнь и веру со Словом Божиим; точно выполнять свои обязанности по отношению к другим и Государству. Он предписывал строгую систему бдительности на случай ночных неожиданностей со стороны врага и требовал, чтобы один из старейшин каждый день поочередно заседал в качестве судьи для рассмотрения дел, переданных на его рассмотрение; также, чтобы все, что было решено старейшинами как необходимое для благополучия Нового Иерусалима, было объявлено генеральной ассамблее Израиля через пророка Иоанна Лейденского, слугу Всевышнего; чтобы Бернард Книппердоллинг, палач, донес старейшинам о преступлениях, совершенных в святом городе; и чтобы он мог исполнять свои обязанности с большей безопасностью, он никогда не должен был выходить на улицу без сопровождения своих четырех помощников.

В нем предписывалось, чтобы впредь трапезы совершались публично и сообща; чтобы каждый брал то, что перед ним ставили, ел скромно, в тишине; чтобы братья и сестры ели за отдельными столами; и чтобы во время трапезы им читались отрывки из Ветхого Завета.

В следующих статьях были названы лица, которые должны были выполнять обязанности мясника, сапожника, кузнеца, портного, пивовара и тому подобное для народа Господа. Две статьи запрещали введение новой моды и ношение одежды с дырками в ней. Статья XXIX предписывала, чтобы каждый иностранец, принадлежащий к другой религии, который должен въехать в город Мюнстер, подвергался досмотру Книппердоллинга. Детям Сиона не разрешалось никакого общения с незнакомцами.

Статья XXXII. запрещал под страхом смерти дезертировать с военной службы или менять роты без санкции старейшин.

Статья XXXIII. требовалось, чтобы в случае смерти все имущество покойного было доставлено Книппердоллингу, который передал бы их старейшинам, и они распределили бы их по своему усмотрению.

В том, что некоторые из этих положений свидетельствовали о большой осмотрительности, сомневаться не приходится. Поскольку вся еда была изъята и раздавалась публично всем гражданам одинаково и в умеренных количествах, возможности продления обороны были значительно увеличены; а военная диктатура и строгая дисциплина в городе, поддерживаемые пророком, позволили анабаптистам сохранить неуязвимый фронт перед врагом, раздираемым фракциями и разделенным обязанностями.

Чтобы усилить недовольство и партийную рознь во враждебном лагере, жители Мюнстера посылали в осаждающих стрелы, к которым были прикреплены письма, одно из которых сохранил Керссенбрук.[180] Это призыв к врагу остерегаться, как бы, нападая на народ Господень, который придерживался чистого Слова Божьего, он не счел их находящимися в союзе с Антихристом и не призвал их к покаянию.

Осаждающие и осажденные осыпали друг друга взаимными оскорблениями, выставляя себя друг перед другом в позах, скорее выражающих презрение, чем пристойных.[181]

Примерно в это же время трубочисту по имени Уильям Баст было видение, приказывающее ему сжигать города нечестивых. Баст объявил о своей миссии старейшинам и пророку, и ему было велено идти вперед во имя Господа. Соответственно, он покинул Мюнстер, ускользнув от бдительности вражеских часовых, и добрался до Волльбека, где находился пороховой склад епископальной армии. Он поджег несколько домов, и пламя распространилось, но, к счастью, было потушено до того, как оно добралось до пороха. Баст сбежал в Дрюштайндорф, где также попытался выполнить свою миссию, но был пойман, доставлен обратно в Волльбек и сожжен заживо.

Тем временем имели место различные вылазки, в ходе которых пострадали осаждающие, будучи застигнутыми врасплох. 22 мая князь-епископ, обнаружив, что осада гораздо серьезнее, чем он ожидал, начал бомбардировать город; но как только стены рухнули, женщины и дети восстановили их ночью.

Генеральный штурм был назначен на 26 мая; об этом осажденные были предупреждены своими шпионами. К несчастью для действующей армии, солдаты Гелдерса накануне напились в предвкушении своей победы и с наступлением сумерек, шатаясь и крича, двинулись маршем на город. Анабаптисты заняли стены и легко отразили своих подвыпивших нападавших; но тем временем остальная армия, наблюдая за маршем людей Гельдерса и услышав выстрелы из огнестрельного оружия, бросилась им на помощь без всякого порядка; мюнстерцы сплотились, нанесли им большой урон, и те в смятении бежали в лагерь. Анабаптисты потеряли в этой схватке всего двух офицеров и восемь солдат, и их успех убедил их в том, что они находятся под особым Божьим промыслом, который сделал их непобедимыми.[182] Поэтому они энергично отремонтировали свои стены, возвели несколько дополнительных бастионов и продолжили свои вылазки.

30 мая группа фанатиков напала из подземного хода на часовых напротив Юденфельдских ворот, установила девятнадцать пушек и подложила к входу в проход целый эшелон пороха из запасов, до которых они добрались. Войска, дислоцированные в пределах видимости,

поспешно двинулись маршем, чтобы отразить вылазку, когда поезд был обстрелян, склад взорвался, и большое количество солдат было уничтожено.[183]

Затем князь-епископ прибегнул к устаревшему средству, которое оказалось на редкость неэффективным. Он поднял огромный банк у стен, реквизируя услуги крестьян по всей округе. Осажденные обрушили град пуль на несчастных рабочих, которые погибли в большом количестве, а "крот" так и остался незаконченным.[184]

Франциск Вальдекский, обескураженный и на исходе своих ресурсов, 25 июня отправил своих депутатов в сейм Нойса, чтобы сообщить архиепископу Кельнскому и герцогу Жюльерскому о своих неудачах и попросить о дополнительных войсках. Оба принца ответили, что не оставят своего союзника в его затруднениях, и пообещали взять на себя часть расходов по осаде, авансировали 40 000 флоринов на покупку пороха, пообещали направить войска ему на помощь и сразу же прислали благоразумных советников.[185] Принц был, по сути, совершенно некомпетентен как генерал и некомпетентен как епископ. Пастырский посох имеет рукоятку в верхней части и шип в нижней. Литургиологи уверяют нас, что это означает способ, которым епископ должен осуществлять дисциплину — кротких он должен обуздывать или направлять милосердием, с непокорными он должен обращаться строго. К первому он должен быть снисходителен, ко второму - проворен. Франциск Вальдекский изящно и эффективно орудовал обоими концами своего посоха.

Вскоре он подвергся риску, и, если бы не верность одного из его подданных в Мюнстере, он стал бы жертвой покушения.

Юная девушка-анабаптистка по имени Хилла Финикон, необыкновенной красоты, вообразила, что Бог призвал ее стать Юдифью этой новой Бетулии и снести голову с плеч великого, мягкотелого, неуклюжего Олоферна, Франциска Вальдекского.[186]

Роттманн, Бокельсон и Книппердоллинг поддерживали девочку в ее заблуждении и убеждали ее не сопротивляться вдохновению Отца. Соответственно, 16 июня Хилла облачилась в самые красивые одежды, какие смогла раздобыть, украсила свои волосы жемчугом, а руки браслетами, выбрав из городской сокровищницы те предметы, которые, по ее мнению, наиболее подходили для достижения цели; для этой цели сокровищница была предоставлена в ее распоряжение по приказу пророка. Надев льняную рубашку, пропитанную смертельным ядом, которую она собственноручно изготовила в качестве подношения принцу, она покинула Мюнстер и отдалась в руки дроссара Волльбека, который, отобрав у нее драгоценности, расспросил ее о причине ее бегства из города. Она ответила с предельным спокойствием, что она уроженка Голландии и что она жила в Мюнстере со своим мужем, пока смена религии не вызвала у нее такого отвращения, что она больше не могла этого выносить, и что она сбежала при первой возможности, и что ее муж последует за ней при подходящем случае. "Я пришла просить прощения за него, - сказала она, - и он сможет указать его высочеству способ проникнуть в город без потерь".

Совершенное самообладание дамы убедило дроссара в ее искренности, и он пообещал представить ее принцу в Ибурге в течение двух дней. Казалось, все складывалось в пользу авантюристки, но 18-го, в день, назначенный для аудиенции, произошло неожиданное событие, которое испортило сюжет.

Секрет плохо хранился, и в Мюнстере об этом говорили, надеялись и молились. Гражданин по имени Рамерс, который остался в городе и был повторно крещен, чтобы не потерять свой бизнес и не отдать свой дом на разграбление, услышав об этом, сбежал из города 18-го числа и рассказал о планах Хиллы одному из генералов осаждающей армии. После этого несчастную молодую женщину допросили, и она созналась. Ее отвели в Бевергерн и обезглавили. В тот момент, когда ее готовили к казни, она заверила прохожих, что они не смогут лишить ее жизни, поскольку пророк Иоанн, "избранный друг Отца, заверил ее, что она вернется на Сион целой и невредимой".

Епископ послал за Рамерсом, обеспечил его всем необходимым и распорядился сохранить его дом и имущество на случай захвата Мюнстера.

Как только исчезала одна опасность, на ее месте возникала другая. Письма, прикрепленные к стрелам, выпущенным анабаптистами во вражеский лагерь, а также их тайными агентами, произвели свое действие. Вспомогательные лютеране из Мейсена пожаловались, что их призвали сражаться против друзей Евангелия, и в ночь на 30 июня они всем скопом дезертировали.^[187] Другие солдаты бежали в Мюнстер и предложили свое оружие анабаптистам. Недовольство было широко распространено. В лагере царили беспорядок, непонимание и плохо скрываемая ненависть. Осажденные считали среди своих противников многочисленных и добрых друзей и регулярно получали информацию обо всех планах генерала. Их эмиссары с письмами к анабаптистам на других территориях легко проникали в ряды наступающей армии, и когда они выполнили свою миссию, они с такой же легкостью вернулись к воротам Мюнстера, которые открылись им навстречу.

Один из солдат епископальной армии, нашедший убежище в Мюнстере, был поселен в доме Книппердоллинга, в котором также проживал Джон Боклсон. Дезертир заметил, что лейденский пророк имел обыкновение покидать свою спальню по ночам, и он рискнул понаблюдать за его поведением и убедиться, что оно было не таким, каким должно быть.^[188] Он рассказал другим о том, что он наблюдал. О скандале скоро узнают. Оставался единственный способ пресечь его. Джон Боклсон проконсультировался с Роттманном и другими проповедниками и настаивал на том, что многоженство должно быть не только санкционировано, но и предписано избранным.

Некоторые из присутствующих возразили против этого нового учения, и пророк бросил свою мантию и Новый Завет на землю и торжественно поклялся, что то, что он предписал, было прямым откровением Всемогущего. Он угрожал непокорным священникам, и, наконец, наполовину убежденные и совершенно напуганные, они сняли свои возражения; и он назначил пасторам три дня, в течение которых они должны проповедовать народу многоженство.^[189] Когда новое учение было обнародовано, было созвано народное собрание, и ранее пророком было установлено как воля Божья, что каждый мужчина должен иметь столько жен, сколько он захочет.^[190]

Результатом этого нового шага стала реакция, которая на мгновение поставила под угрозу падение господство пророка.

30 июля Генрих Молленхеке, кузнец, которого поддержали двести горожан, бюргеров и ремесленников, открыто заявил, что он полон решимости свергнуть новых хозяев Мюнстера и восстановить все на древних основаниях. С помощью своих товарищей он захватил Боклсона,

Книппердоллинга и проповедников Ротмана, Шлахтскапа, Клоприса и Винниуса и бросил их в тюрьму. Затем был создан совет, и было решено, что ворота должны быть открыты для епископа, старая магистратура должна быть восстановлена, а изгнанные горожане должны быть отозваны, а их собственность возвращена им; и что все это должно быть сделано *завтра*. Если бы это было сделано на месте, мы бы больше не слышали об Иоанне Лейденском. Задержка спасла его и погубила реакционную партию. Это дало время его приверженцам собраться с силами.^[191] Молленхеке и его группа, когда они встретились на следующее утро, чтобы осуществить свой план, подверглись нападению и были окружены множеством фанатиков во главе с Генрихом Редекером. Кузнецу удалось собрать лишь горстку. "Никакое перо не сможет описать ярость, с которой обрушились на них их противники, и утонченную жестокость, жертвами которой они стали. После того, как их осыпали ударами и проклятиями, их заключили в тюрьму, но они продолжали подвергать их таким ужасным пыткам, что большинство этих несчастных в тысячу раз предпочли бы смерть".^[192] Девяносто одному было приказано немедленно казнить. Двадцать пять человек были застрелены, остальные шестьдесят шесть обезглавлены Книппердоллингом, чтобы сэкономить порох и чтобы звук выстрелов в городе не заставил осаждающих поверить, что на улицах идет бой. Некоторым отрубили головы, других привязали к дереву и расстреляли, третьим снова перерезали поясицу, а третьих медленно калечили. Книппердоллинг лично казнил этих людей, которых было так много каждый день, в присутствии пророка, пока все они не были убиты.^[193]

"Сторонники эмансипации плоти, таким образом, овладели Мюнстером, - говорит очевидец, - и спустя несколько дней было невозможно обнаружить в столице Вестфалии последние и слабые следы скромности, целомудрия и воздержания".

Трое мужчин, Джон Чинкфельд, Генри Арнхайм и Герман Биспинк, имевшие, однако, смелость утверждать, что они все еще верят, что христианский брак заключается в союзе одного мужчины с одной женщиной, были обезглавлены по приказу Иоанна Лейденского.^[194]

Со смертью этих людей исчезли все попытки сопротивления.

Ужасы, творившиеся в Мюнстере под предлогом религиозной свободы, почти превосходят всякую веру. Там царили самая безудержная распущенность. Пророк взял двух жен, помимо своей любимой султанши, прекрасной Дивары, вдовы Маттиссона, и своей законной жены в Лейдене. Вскоре выяснилось, что их слишком мало, и гарем пополнялся с каждым днем.^[195]

"Мы должны приоткрыть завесу, - говорит Керссенбрук, - над тем, что произошло, поскольку мы вызвали бы шок у наших читателей, если бы подробно рассказали о возмутительных сценах безнравственности, происходивших в городе, и злодействах, которые совершали эти маньяки для удовлетворения своих отвратительных похотей. Они больше не были людьми, они были грязными и разъяренными зверями. Отвратительное слово *Spiritus meus concupiscit carnem tuam* было у каждого на устах; тех, кто сопротивлялся этим волшебным словам, заключали в Розентальский монастырь; а если они упорствовали в своем упорстве после увещаний, им отрубали головы. За один день по этому поводу были казнены одновременно четверо. В другом случае женщину приговорили к обезглавливанию после родов за то, что она пожаловалась на то, что ее муж взял себе вторую жену".^[196]

Генри Шлахтскап проповедовал, что ни один мужчина после Вознесения Христа не жил в истинном браке, если бы он вступил в брак из-за красоты, богатства, семьи и тому подобных причин, ибо истинный брак заключался исключительно в том, что было спровоцировано Духом.

Теперь на сцене появился новый пророк по имени Дузентшойер, уроженец Варендорфа. Он ворвался на рыночную площадь, издавая пронзительные крики и выделявая такие необычные выходки, что вокруг него быстро собралась толпа.

Затем, обращаясь к толпе, он воскликнул: "Братья-христиане, Небесный Отец открыл мне и повелел мне объявить вам, что Джон Бокельсон из Лейдена, святой и пророк Божий, должен быть царем всей земли; его власть будет распространяться на императоров, королей, принцев и все силы мира; он будет верховной властью; и никто не восстанет выше него. Он займет трон своего отца Давида и будет носить скипетр, пока Господь не вернет его себе".^[197]

Присутствовали Бокельсон и двенадцать старейшин. В собрании воцарилось глубокое молчание. Дюзентшойер, подойдя к старейшинам, потребовал у них служебные мечи; они вручили их ему в руки; он положил одиннадцать к ногам Бокельсона, а двенадцатый вложил ему в руку, сказав— "Примите меч правосудия, а вместе с ним силу покорять все народы. Используй это так, чтобы ты мог хорошо отчитаться за это перед Христом, когда Он придет судить живых и мертвых".^[198] Затем, достав из кармана флакон с благовонным маслом, он вылил его на голову портного, торжественно произнеся слова: "Я посвящаю тебя в присутствии твоего народа, во имя Бога и по Его повелению, и я провозглашаю тебя царем нового Сиона". Когда помазание было совершено, Бокельсон бросился в пыль и воскликнул: "О Отец! У меня нет ни лет, ни мудрости, ни опыта, необходимых для такого владычества; Я взываю к Твоей милости, Я умоляю Тебя о помощи и Твоем всемогущем покровительстве!... Поэтому ниспосли мне Твою божественную мудрость. Пусть Твой славный трон снизойдет на меня, пусть он пребывает со мной, пусть он освещает мои труды; тогда я смогу исполнять Твою волю и Твое благоволение, и таким образом я смогу управлять Твоим народом справедливо".

Затем, повернувшись к толпе, Бокельсон заявил, что он давно знал из откровения о славе, которая ему предстояла, но никогда не упоминал об этом, чтобы его не сочли честолюбивым, но с терпением и смирением ожидал исполнения святой воли Бога. В заключение Он сказал, что, будучи предопределен Отцом править всем миром, он воспользуется мечом и убьет всех, кто осмелится выступить против него.^[199]

Тем не менее послышался неодобрительный ропот. - Как! - прогремел лейденский портной. - Вы смеете противиться замыслам Божьим! Знайте же, что даже если бы вы все выступили против меня, я все равно стал бы королем всей земли, и что мое царствование, которое начинается сейчас на этом месте, будет длиться вечно".

Новый пророк Дузеншойер и другие проповедники в течение трех дней подряд обращались к народу с речью о новом откровении, прочитали народу 23-ю главу Книги Иеремии и 27-ю главу Книги Иезекииля и объявили, что в царе Иоанне исполнились пророчества древних провидцев, поскольку он был новым Давидом, которого Бог обещал воскресить в последние дни. Они также прочитали вслух 13-ю главу Послания святого Павла к Римлянам и сопроводили лекцию комментариями о необходимости и божественном обязательстве подчиняться власти.^[199]

По истечении этих трех дней Дюзентшойер попросил Иоанна Лейденского завершить разграбление жителей, чтобы все, чем они владели, можно было поместить в общий фонд. "Мне было открыто, - сказал он, - что Отец сильно разгневан на мужчин и женщин за то, что они жестоко злоупотребляли своей едой, питьем и одеждой. Отец требует, чтобы в будущем ни у кого из представителей обоих полов не оставалось более двух полных костюмов и четырех рубашек; остальное должно быть собрано и помещено в безопасное место. Воля Господа в том, чтобы продукты из говядины и свинины, найденные в каждом доме, также были изъяты и освящены для общего употребления".[200]

Приказ был незамедлительно выполнен. Восемьдесят три большие повозки были нагружены конфискованной одеждой, и вся провизия, найденная в городе, была доставлена королю, который доверил заботу о ней и ее распределение Дюсеншойеру.

Бокельсон теперь великолепно организовал свой двор. Он назначал своих офицеров, камергеров, распорядителей, маршалов и конюших по образцу двора императора и принцев Германии. Роттман был назначен его капелланом; Эндрю фон Косфельд, директор полиции; Герман Тильбек, великий маршал; Генри Кречтинг, канцлер; Кристофер Вальдек, сын епископа, попавший в его власть, был в насмешку сделан одним из пажей; и тайный совет из четырех человек, состоящий из Бернарда Кречтинга, Генри Редекера и двух других менее известных, был учрежден под председательством Кристиана Керкеринга. У Джона также были великий мастер кухни, виночерпий, дегустатор, резчик по дереву, опочивальни и т.д.[201]

Но Джон Бокельсон не только желал быть окруженным двором; он решил также продемонстрировать все личное великолепие королевской семьи. Соответственно, по его заказу были изготовлены две короны из чистого золота, одна королевская, другая императорская, инкрустированные драгоценными камнями. На шее у него висела золотая цепь, украшенная драгоценными камнями, с которой свисал шар из того же металла, пронзенный двумя мечами, одним из золота, другим из серебра. Земной шар был увенчан крестом с надписью "Ein König der Gerechtigkeit über all" (Царь Праведности над всеми). Его скипетр, шпоры, перевязь и ножны тоже были из золота, а пальцы сверкали бриллиантами. На одном из колец, которое было чрезвычайно массивным, было вырезано: "Der König in dem nyen Tempel furet dit zeichen vur sein Exempel" (король нового Храма носит этот символ в качестве своего знака отличия). Королевские одежды были великолепными, малиновыми и пурпурными, из дорогого бархата, шелка, золотого и серебряного штофа, с великолепными кружевными манжетами и воротниками, а его мантия была подбита дорогими мехами. Старейшины, пророки и проповедники последовали их примеру и сменили свои одежды печального цвета на почетные одежды веселых тонов. Маленький дом в Книппердоллинге больше не удовлетворял короля-портного; поэтому он обставил и переехал в красивый особняк, принадлежащий благородной семье Фон Бюрен. Дом по соседству был превращен во дворец его королей и украшен с королевским великолепием. Коммуникационная дверь, пробитая в перегородке, позволяла королю Джону навещать своих жен в любое время суток.

Теперь он взял себе еще тринадцать жен и большую свору наложниц. Среди его шестнадцати законных жен была дочь Книппердоллинга. Дивара из Харлема оставалась главной королевой, хотя она была самой старшей. Всем остальным было меньше двадцати, и они были самыми красивыми девушками Мюнстера. Все они носили титул королей, но только у Дивары был двор,

офицеры и телохранители, одетые в ливреи каштаново-коричневого и зеленого цветов; ливрея короля была алой и синей.[202]

Король обычно обедал со своими женами, и во время трапез он рассматривал их с большим вниманием, восхищаясь их красотой. Имена шестнадцати королей были начертаны на табличке, на которой король после ужина называл даму, снискавшую его благосклонность.[203]

Царь Сиона отменил названия дней недель и заменил их семью первыми буквами алфавита. Он приказал, чтобы всякий раз, когда в городе рождался ребенок, ему объявляли об этом, а затем он давал ему имя, начальная буква которого соответствовала букве дня, в который он появился на свет. Но, как отмечает Керссенбрук, разгул, царивший в Мюнстере, привел к сокращению рождаемости, так что число детей, родившихся во время последней части осады, было чрезвычайно мало.

У Бокельсона было только двое детей от всех его жен, и обе были дочерьми. Дивара была первой, кто родила; событие произошло в воскресенье, обозначенное буквой А; ей дали имя Авералл (для Узбералл — Превыше всего); второго ребенка, родившегося в понедельник, называли Блидам (Блайт).[204]

Трижды в неделю Бокельсон вершил суд на рыночной площади на троне, покрытом пурпурным шелком и богато украшенном золотом. Он с большой помпой направился к месту аудиенции. Оркестр музыкальных инструментов возглавлял представление, затем следовали советники в пурпурных одеждах и великий маршал с белым жезлом в руке. Иоанн, облаченный в королевские знаки отличия, верхом на белом коне в великолепной попоне, следовал в сопровождении двух фантастически одетых пажей, один из которых нес Библию, другой обнаженный меч - символы духовной и светской юрисдикции, осуществляемой его величеством. Телохранители окружили его царственную особу, чтобы держаться подальше от толпы и защитить его от опасности. За ними следовали Книппердоллинг, Роттманн, секретарь Путманн и канцлер Кречтинг; затем замыкали процессию палач и его четыре помощника, свита придворных и слуг. Вся церемония была такой же царственной, скрупулезно соблюденной, как при королевском дворе, где традиции уходят корнями во многие века.[205]

Когда король добрался до рыночной площади, оруженосец придержал коня, он медленно поднялся по ступеням трона и, склонив свой скипетр, объявил об открытии аудиенции.

Затем истцы приблизились, дважды пали ниц на землю и заговорили. Большинство дел касались супружеских претензий, часто чрезвычайно непристойных; "величайшие мерзости, сформулированные в самых отвратительно циничных выражениях перед самым циничным из судей". Непокорным женам выносились смертные приговоры или наказания чуть менее суровые.[206]

Тот же церемониал соблюдался всякий раз, когда его величество отправлялся слушать проповедь на рыночную площадь, за единственным исключением, что в этот раз его сопровождали шестнадцать великолепно одетых королей. Королева Дивара ехала верхом на коне, убранном мехами, во главе с пажом; придворные и пятнадцать других королей следовали пешком. Дойдя до рыночной площади, дамы вошли в дом напротив престола и, сидя у окон, помогали во время проповеди.

Кафедра и трон стояли бок о бок; их объединял длинный широкий помост. Когда проповедь завершилась, король, его королевы, придворные, министры и проповедник собрались на помосте и станцевали под звуки королевского оркестра.

Именно с этой трибуны король Иоанн, как суверенный понтифик, благословил полигамные браки, сказав невестам и женихам: "То, что соединил Бог, не позволяй никому разлучать; идите, действуйте согласно божественному закону, плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю". Эта санкция была необходима для действительности этих союзов.

Иоанн, желая воспользоваться всеми прерогативами королевской семьи, чеканил монеты различной ценности, с надписью на одной стороне: "Das Wort is Fleisch geworden und wohnt unter uns" (Слово стало плотью и обитало среди нас); или "Wer nicht gebohren ist aus Wasser und Geist der kann nicht eingehen" — остальное на реверсе - В "das Reich Gottes". Den es ist nur ein rechter König über alle, ein Gott, ein Glaube, eine Tauffe" (who is not born of Water and the Spirit, cannot enter into the Kingdom of God. Ибо есть только один истинный Царь над всеми, один Бог, одна Вера, одно крещение). И в середине: "Мюнстер, 1534".

Пока город Мюнстер таким образом переходил от республики к монархии, осада продолжалась, но осаждающие не продвинулись ни на шаг. Беженцы сообщили князю-епископу о том, что произошло в крепостных стенах.

25 августа он собрал капитанов, принцев и знать, которые прибыли в лагерь, чтобы понаблюдать за происходящим, и попросил их посоветовать ему, как положить конец всем этим ужасам и мерзостям. Было предложено послать в город депутацию, чтобы предложить капитуляцию на справедливых условиях, а в случае отказа предложить общий штурм.[\[207\]](#)

28 августа было заключено трехчасовое перемирие, и депутация получила разрешение на въезд в город. Но вместо того, чтобы предстать перед жителями города, которым им было поручено высказать свои предложения, они были представлены Бокельсону и его двору.

Послы сообщили королю Иоанну об условиях, предложенных епископом. Они были чрезвычайно либеральными. Он пообещал всеобщую амнистию, если город будет сдан и оружие сложено.

Король Иоанн надменно ответил, что он не нуждается в милосердии князя-епископа, ибо он укреплен всемогущей и непреодолимой силой Божьей. "Это ваш мнимый епископ, - сказал он, - нечестивый и упрямый мятежник, тот, кто без предварительного объявления ведет войну против верных слуг небесного Отца. Никогда я не сложу оружия, которое я взял в руки для защиты Евангелия; никогда я трусливо не сдам свою столицу: напротив, я знаю, как защищать ее, даже до последней капли своей крови, если этого требует честь Божья".[\[208\]](#)

Епископ, когда он узнал, что его заместителям было отказано в разрешении обратиться к гражданам, приложил письма, скрепленные его епископской печатью, к стрелам, которые были выпущены вгород. В этих письмах он обещал всеобщее прощение всем тем, кто покинет партию анабаптистов и покинет город до следующего четверга.

Но Бокельсон под страхом смерти запретил кому бы то ни было прикасаться к этим письмам или вскрывать их и приказал немедленно обезглавить мужчину, женщину или ребенка, которые выказывали желание покинуть Мюнстер.

Епископ и князья решили предпринять попытку штурма без дальнейших промедлений. Иоанн Лейденский получил информацию об их цели через своих шпионов. Он немедленно вскочил на своего белого коня, созвал народ и объявил им, что Отец открыл ему день и час предполагаемого нападения; он назначил каждого на свой пост, дал работу женщинам и детям и проявил в этот критический момент рвение, энергию и готовность, которые сделали бы честь генералу-ветерану.[209]

Штурму предшествовала трехдневная бомбардировка. Зубчатые стены сдались, в стенах появились бреши, крыши домов были разрушены, разбитые ворота поддались, и все это сулило успех. Но осажденные не пренебрегали предосторожностями. Ночью стены были отремонтированы, а ворота укреплены. Женщины работали по приказу компетентных управляющих в темное время суток, позволяя своим мужьям отдохнуть, как положено. Они таскали камни и военное снаряжение на крепостные валы и, научившись обращаться с арбалетами, преуспели в совершении немалого количества казней в рядах епископальной армии. Другие женщины готовили известь и кипящую смолу, "чтобы сварить для епископа суп".[210] 31 августа на рассвете "рев гессенского дьявола", как называли большую пушку, принадлежавшую ландграфу Филиппу, подал сигнал. Мгновенно город подвергся нападению в шести местах. Рвы были засыпаны, под ворота были подложены петарды, частоколы снесены и установлены лестницы. Но какой бы энергичной ни была атака, защита была не менее энергичной. Те, кто был на стенах, сбросили лестницы вместе со всеми, кто был на них, и они упали в ров, избитые и искалеченные, головы тех, кто добрался до зубчатых стен, были раздроблены камнями и дубинами, а их руки, сжимавшие парапет, были отрублены. Женщины швыряли в осаждающих камни и обливали их кипящей смолой, негашеной известью и пылающей серой.

Получив отпор, они восемь или десять раз переходили в атаку, но всегда безуспешно. Весь день прошел в безрезультатных атаках, и когда красное солнце село на западе, раздались сигналы к отступлению, и армия, удрученная и унося с собой вереницу раненых, отступила, оставив землю усеянной мертвецами.

Если бы анабаптисты предприняли ночную атаку, разгром и рассеяние епископальных войск были бы завершены. Но вместо этого они спели гимн и провели ночь на пиру.

Принц-епископ, отчаявшийся из-за нехватки денег, созвал своих офицеров на совещание 3 сентября, и было единогласно решено превратить инвестиции в эффективную блокаду. Эта резолюция была представлена курфюрстам Кельна и Саксонии, герцогу Клевскому и ландграфу Гессенскому, и эти князья одобрили замысел Франциска фон Вальдека.

Было решено возвести семь редутов, объединенных валами и рвом, вокруг города, чтобы полностью закрыть его и воспрепятствовать выходу осажденных и поступлению провизии. Было решено, что оборону этого круга фортов следует доверить достаточному количеству испытанных солдат, а остальную армию распустиť.

Соответственно, 7 сентября все рабочие окрестностей были заняты под руководством инженера Вилкина фон Штединггена возведением стен и рытьем траншей. Работа энергично велась группами крестьян; тем не менее, предприятие было настолько масштабным, что должно было пройти несколько месяцев, прежде чем оно могло быть завершено.[211]

Стоимость этой ужасной осады уже возросла до 600 000 флоринов, казна была пуста, и страна больше не могла платить налоги. Франциск Вальдекский обратился к курфюрсту Палатинскому, курфюрстам Кельна, Майнца и Трева с просьбой предоставить помощь и субсидии; он также обратился к князьям и знати Верхнего и Нижнего Рейна; и было решено, что 13 декабря 1534 года должен собраться сейм для принятия мер по полному подчинению восставших фанатиков. Все князья, католики и протестанты, трепетали за свои короны, поскольку секта анабаптистов распространилась по всей стране, и если Иоанн Лейденский добьется успеха в Мюнстере, они могут ожидать подобных восстаний в своих собственных княжествах.[\[212\]](#)

Пока шла подготовка к блокаде, Джон Бокельсон, раздутый от гордости, не знал границ своей расточительности, напоказ и деспотизму. Он часто выносил смертные приговоры. Так, Элизабет Хольшерс была обезглавлена за то, что отказала своему мужу в том, чего он от нее требовал; Екатерина Оснабрюкская подверглась такому же приговору за то, что сказала одному из проповедников, что он строит свои доктрины на песке; Кэтрин Нокенбехер потеряла голову за то, что взяла двух мужей. Многоженство было разрешено, но многомужество считалось непростительным проступком.[\[213\]](#)

Однако люди были раздражены тиранией, которой они подвергались, и ропот, тихий и угрожающий, продолжал раздаваться; после чего, по приказу короля Иоанна, Дузеншойер объявил с кафедры, "что все те, кто в будущем будет сомневаться в истинах, которым их учили, и кто осмелится обвинять короля, которого дал им Отец, будут переданы помазаннику Господню, который будет изгнан из Израиля, обезглавлен палачом и приговорен к вечному забвению".

Среди тех, кто с завистью наблюдал за возвышением и великолепием короля-портного, был Книппердоллинг. Он открыл пророку свой дом, оказал ему покровительство, познакомил с жителями Мюнстера, и теперь слава портного затмила славу портнихи. Решив, что для него пришло время взять на себя главенство, он предпринял попытку свергнуть Бокельсона.

12 сентября он был охвачен духом пророчества, стал как одержимый, носился по городу с воем, с пеной у рта, совершая невероятные прыжки и экстравагантные жесты, и кричал на каждой улице: "Покайтесь! покайся!" Продолжая эти выходки в течение некоторого времени, Книппердоллинг выбежал на рыночную площадь, бросился на землю и впал в экстаз.

Люди столпились вокруг него, гадая, какое новое откровение вот-вот будет сделано, и король, который в то время проводил аудиенцию, с беспокойством наблюдал за толпой, расходящейся от его трона к его генерал-лейтенанту, цель которого он не мог предугадать, поскольку это представление не было согласовано между ними.

Он недолго пребывал в нерешительности, потому что Книппердоллинг, поднявшись с земли с побагровевшим лицом, вскарабкался на спину крепкого ремесленника, стоявшего рядом, и пополз на четвереньках, "как собака", - говорит Слэйдан, - над головами толпы, дыша им в лицо и восклицая: "Небесный Отец освятил тебя; прими Святого Духа". Затем он помазал глаза некоторым слепцам своей слюной, говоря: "Да будет дано вам зрение". Ничуть не смущенный неудачей этой попытки сотворить чудо, он пророчествовал, что умрет и воскреснет через три дня; и он указал на угол рыночной площади, где это должно было произойти. Затем, направившись к трону, он начал танцевать перед королем самым гротескным и неприличным образом, презрительно выкрикивая: "Часто я танцевал так перед моими любовницами, теперь Небесный Отец приказал мне исполнить эти танцы перед моим королем".[\[214\]](#)

Иоанн был крайне недоволен этим представлением и сбежал вниз по ступеням своего трона, чтобы прервать его. Но Книппердоллинг проворно вскочил на помост, уселся на величественное место и воскликнул: "Дух Божий побуждает меня: Джон Бокельсон - король по плоти, я - король по Духу; два Завета должны быть отменены и искоренены. Человек должен перестать подчиняться земным законам; отныне он должен повиноваться только побуждениям Духа и инстинктам природы".

Иоанн Лейденский бросился на него, стащил с трона, ударил его по голове своим золотым скипетром и, ударив ногой в зад своего лейтенанта, отправил его кубарем с помоста, а затем, спокойно взойдя на трон, отдал приказ об удалении и заключении мятежника в тюрьму.

Ему подчинились.[\[215\]](#)

Книппердоллинг, оставленный остывать в подземелье, чувствовал, что его единственный шанс на жизнь - это подчиниться. Поэтому он послал королю свои смиренные извинения и заверил его, что в него вселился злой дух, который толкнул его вопреки здравому смыслу и совести на бунт. "И, - сказал он, - прошлой ночью Отец открыл мне, что нужно благоговеть перед королевским величием и что Джону суждено царствовать над всей землей".

Он был немедленно освобожден, потому что Бокельсон нуждался в нем, и провал этой попытки только укрепил власть короля над ним. Он послал ему письмо о помиловании, завершающееся королевской подписью в такой эксцентричной манере:

"In fide persiste salvus
Carnis curam agit Deus.
Йоханнес Лейданус.
Сила Божья, робур меум".[\[216\]](#)

В Мюнстере произошло еще одно событие, которое отвлекло мысли людей от событий осады и попытки Книппердоллинга свергнуть короля.

Пророк Дузеншойер в тот же день, 12 сентября, разыскал царя Сиона в его дворце и сказал ему с вдохновенным видом: "Таково повеление Господа ко мне: Пойди и скажи главе Израиля, чтобы он приготовил на горе Сион (то есть на соборной площади) великий ужин для всех христианских братьев и сестер, а после ужина он поручит учителям Моего Слова отправиться в четыре стороны света, чтобы они могли научить всех людей пути Моей праведности, и чтобы они могли быть приведены ко Мне". в мое лоно".

Король принял это послание с уважением и отдал приказ о его немедленном исполнении.

13 сентября Дюшеншойер созвал избранных, пройдясь по улицам и играя на флейте. В полдень 1700 мужчин, способных носить оружие, 400 стариков и детей и 5000 женщин собрались на горе Сион.

Бокельсон покинул свой дворец в алой тунике, поверх которой была наброшена серебристая мантия, на голове у него была корона, а в правой руке он держал скипетр. Тридцать два великолепно одетых рыцаря служили ему телохранителями. Затем прибыли королева Дивара и остальные придворные жены.

Когда король занял свое место, великий маршал Тильбек велел народу сесть. Столы были расставлены по бокам большой площади под деревьями, с открытым пространством в центре.

Когда все расселись, король и его приближенные раздали приглашенным еду. Сначала им подали вареную говядину с кореньями, затем ветчину с другими овощами и, наконец, жареное мясо. Когда тарелки были убраны, в больших корзинах принесли тонкие круглые лепешки из пшеничной муки высшего сорта, и Иоанн, подозвав верующих к себе, подал их вместе с хлебом, сказав: "Возьмите и съешьте это и возвещайте смерть Господа". Дивара последовала за ним, держа чашу в своих украшенных драгоценными камнями руках; она заставила причастившихся испить из нее, повторяя каждому слова: "Выпейте это и явите смерть Господа". Затем все спели "*Gloria in excelsis*" на немецком, и эта фантастическая пародия на причастие закончилась. Теперь Бокельсон приказал всем своим подданным выстроиться в круг и потребовал, будут ли они верно повиноваться Слову Божьему. Когда все согласились, Дузеншойер взошел на кафедру и сказал: "Отец открыл мне имена двадцати семи апостолов, которые должны быть посланы во все части мира; они будут повсюду распространять чистое учение о celestialном царстве, и Господь покроет их тенью Своих крыльев, так что ни один волос на их голове не пострадает. И когда они прибудут в место, где власти отказываются принимать Евангелие, там они оставят золотой флорин, отряхнут пыль со своих одежд и уйдут в другое место". Затем пророк назвал избранных апостолов — он видел себя в их числе - и добавил: "Идите по всем городам и проповедуйте Слово Божье". Двадцать семь человек выступили вперед, и король, взойдя на кафедру, призвал народ готовиться к грандиозной вылазке.[\[217\]](#)

Пир для народа закончился; но Иоанн, его жены и придворные, а также те, кто стоял на страже на стенах, в количестве 500 человек, теперь сели.

Второй банкет обошелся гораздо дороже первого. В разгар застолья Бокельсон, встав, сказал, что получил приказ от Отца обойти гостей и осмотреть их. Он соответственно осмотрел присутствующих и, узнав среди них солдата епископальной армии, попавшего в плен, сурово повернулся к нему и спросил:

"Друг, в чем твоя вера?"

"Моя вера, - ответил полупьяный солдат, - состоит в том, чтобы пить и заниматься любовью".

"Как ты посмел войти без свадебного наряда?" - спросил король громовым голосом.

"Я не по своей воле пришел на этот дебош", - [\[218\]](#) ответил заключенный; "Меня привели сюда основные силы".

При этих словах король, вне себя от ярости, выхватил меч и отрубил голову несчастному гуляке.

Ночь прошла в танцах.[\[219\]](#)

Пока царь ел и пил, двадцать семь апостолов нежно прощались со своими 124 законными женами,[\[220\]](#) и готовились к отъезду.

Когда все было готово, они вернулись на гору Сион; Бокельсон взошел на кафедру и изложил им их миссию в следующих выражениях: "Идите, приготовьте путь; мы последуем. Бросьте свой золотой флорин к ногам тех, кто презирает вас, чтобы это послужило свидетельством против них, и они будут убиты, все до единого, или склонят свои шеи перед нашим правлением".

Затем ворота распахнулись, и апостолы вышли на север и юг, восток и запад. Блокада не была полной, и им удалось прорваться через вражеские позиции.

Однако князь-епископ уведомил губернаторов городов своего княжества следить за ними и арестовывать, если они попытаются распространять свои особые доктрины.[\[221\]](#)

Нам придется последовать за этими людьми и увидеть результаты их миссии, прежде чем мы продолжим историю осады Мюнстера. На самом деле, от их экспедиции и их успеха, как, вероятно, чувствовал Джон Бокельсон, зависело все. Как только город был полностью окружен, никакое продовольствие не могло попасть внутрь: его уже становилось не хватать; поэтому атака на епископальную армию с фланга была наиболее важна для успеха; частоколы и крепостные валы, недавно возведенные, в достаточной степени защищали врага от неожиданностей и вылазок из города.

Семеро апостолов отправились в Оснабрюк, шестеро - в Косфельд, пятеро - в Варендорф, а восемь, среди которых был и сам Дузеншойер, отправились в Зост.[\[222\]](#)

Войдя в Зост, Дузентшойер и его товарищи-апостолы открыли свою миссию публичным неистовым призывом к покаянию. Затем, услышав, что сенат в сборе, они вошли в зал и произнесли проповедь перед членами городского совета с таким шумом, что магистраты были вынуждены прервать свои прения. Бургомистр спросил их, кто они такие и почему вошли в ратушу без приглашения и предупреждения: "Мы посланы королем Нового Сиона и по приказу Бога проповедовать Евангелие", - таков был ответ Дузеншойера; "и для выполнения этой миссии нам не нужны ни паспорта, ни разрешение. Царство Небесное терпит насилие, и насильники берут его штурмом." "Очень хорошо", - сдержанно сказал бургомистр. "Стража, уведите проповедников и бросьте их в тюрьму". Через несколько дней после того, как несколько из них лишились головы на плахе.

Джон Клоприс во главе четырех евангелистов вошел в Варендорф. Они поселились в доме анабаптиста по имени Эрпо, одного из городских судей, и начали проповедовать и пророчествовать на улицах. В первый день они перекрещивали пятьдесят человек. Клоприс проповедовал с таким пылом и убедительным красноречием, что за ним последовал весь город; сенат в полном составе принял знак завета, и за этим последовало повторное крещение половины населения.

Встревоженный происходящим и опасаящийся диверсии у себя в тылу, Франциск Вальдекский написал магистратам, приказывая им выдать апостолов заблуждения. Они отказались, и принц немедленно окружил город и обстрелял его. Магистраты прислали предложения о капитуляции, которые принц отклонил; они просили сохранить их оружие и привилегии. Франциск Вальдекский настаивал на безоговорочной капитуляции, и они были вынуждены уступить. Некоторые из сенаторов и горожан, раскаявшихся в своем безумии или не принимавших участия в движении, схватили апостолов и повели их в ратушу. Клоприс и его товарищи бросили свои золотые флорины и заявили, что они отряхивают пыль со своих ног от предателей и что они

понесут чистое Слово Божье и живое Евангелие в другое место; но побег не был разрешен, и они были переданы князю-епископу.

Франциск Вальдекский немедленно выставил часовых на улицах, приказал каждому гражданину сдать оружие, отобрал документы о праве собственности на город, лишил его привилегий и казнил четырех апостолов и трех главарей сенаторов. Клоприс был отправлен в Кельн и был сожжен там курфюрстом 1 февраля 1535 года. Затем епископ возвел крепость, чтобы управлять городом, и разместил в ней гарнизон, чтобы поддерживать порядок среди варендорфцев. Семнадцать лет спустя большая часть франшиз была восстановлена, а все остальные - в 1555 году.

Апостолы востока под предводительством Юлия Фризия были арестованы в Косфельде и казнены.[\[223\]](#)

Те, что были с севера, достигли Оснабрюка. Их возглавлял Денис Винниус. Они вошли в дом некоего Отто Шпихера, который, как они считали, придерживался их убеждений, и положили к его ногам свои золотые флорины с титулом и надписью короля Иоанна в знак своей миссии. Шпихер подобрал золотые монеты, положил их в карман, а затем сообщил своим посетителям, что он не принадлежит к их секте и что единственным спасением для их шей было бы умолчание о своей миссии.

Но это был совет, который Винний и его товарищи-фанатики ни в коем случае не были расположены принять. Они выбежали на улицы и рыночную площадь, крича, танцуя, истекая пеной и призывая к покаянию. Затем Винниус, собрав толпу, проповедовал им об установлении Тысячелетнего королевства в Мюнстере. Вслед за этим прибыла городская стража с приказом бургомистра, арестовала миссионеров и отвела их в Козью башню, где они заперли их и крепко заперли двери.[\[224\]](#)

Толпа проявляла признаки насилия, угрожала, неистовствовала, вооружилась топорами и молотками и поклялась, что будет вышибать тюремные ворота, если истинные служители Слова Божьего, чистого от всех человеческих примесей, не будут выпущены на свободу. Магистраты с большой твердостью ответили, что первый, кто попытается взломать двери, должен быть застрелен, и никто не хотел быть первым, хотя соседи очень настаивали на том, чтобы возглавить штурм, толпа пропела псалом и разошлась, а министрам оставалось утешаться обещаниями Дузеншойера, что ни один волос не упадет с их головы.

Магистрат поспешно отправил гонца к князю-епископу, и еще до утра евангелисты были в его руках в Ибурге.

Когда их вели мимо Франциска Вальдекского, один из них, Генрих Грасс, воскликнул по-латыни: "Разве принц не властен освободить пленника?" и принц, настроенный в его пользу, послал за ним. Затем Грасс признался, что все это дело было смесью фанатизма и обмана, ингредиенты были смешаны практически в равных пропорциях, и пообещал, если ему сохранят жизнь, отказаться от анабаптизма и, что более важно, доказать Авессалому в Сионе, что он ахитофел.

Грасс был помилован, Штраль умер в тюрьме, остальные четверо были отправлены на плаху.

Грасс был единственным выжившим апостолом из семидесяти семи, и печальный провал их миссии грубо выбил из него всякую веру в его божественный характер, и он стал столь же ревностным в разоблачении анабаптизма, сколь и восторженным в его пропаганде.

Нет никаких оснований полагать, что этот человек был беспринципным предателем. Напротив, он, по-видимому, был совершенно серьезен до тех пор, пока верил в свою миссию, но его уверенность была поколеблена еще до того, как он покинул город, и сигнального провала миссии было достаточно, чтобы убедить его в его предыдущей ошибке и придать ему решимости противостоять ей.

Однажды темной ночью его, закованного в цепи, привели к воротам Мюнстера и там бросили. Утром часовые узнали его, ввели в город и с триумфом провели к королю при огромном стечении народа, распевавшего немецкие гимны.[\[225\]](#)

И вот как он объяснил свое присутствие: "Прошлой ночью я был в Ибурге в темной темнице, когда внезапно яркий свет наполнил мою тюрьму, и я увидел перед собой ангела Божьего, который взял меня за руку и вывел наружу, и избавил меня от смерти, которая постигла всех моих товарищей и которой нечестивые решили подвергнуть меня завтра. Ангел перенес меня спящего к воротам Мюнстера, и чтобы никто не усомнился в моем рассказе, смотрите! цепи, которыми меня заковали враги Израиля, все еще сковывают меня".

Некоторые придворные сомневались в чуде, но не народ, и король безоговорочно поверил его слову или, возможно, счел, что событие поддается очень простому объяснению, которое было преувеличено и придано сверхъестественный характер разгоряченной фантазии мистика.

Грасс стал кумиром народа и любимцем Бокельсона. Король надел ему на палец кольцо и одел его в почетное одеяние, наполовину серое, наполовину зеленое - первое символизировало настойчивость, второе - благодарность Богу.[\[226\]](#) Грасс воспользовался своим положением, чтобы внимательно наблюдать за всем, что происходило с королевскими планами.

Джон Бокельсон становился все более тираническим и кровожадным. Он повесил умирающего от голода десятилетнего ребенка за то, что тот украл немного репы. Женщина потеряла голову за то, что плюнула в лицо проповеднику Евангелия. Солдат епископальной церкви был взят в плен, и король призвал его принять чистое Слово Божье, свободное от человеческих традиций. Заключенный имел дерзость ответить, что чистое Евангелие, исповедуемое в городе, представляется ему прелюбодеянием, блудодеянием и всякой нечистотой; король, вне себя от ярости, собственноручно отрубил ему голову.[\[227\]](#)

В Мюнстере стало не хватать провизии, и жители были вынуждены употреблять конину, а в магазине кончился порох.

Сейм Кобленца собрался 13 декабря. Появились посланники курфюрста Палатинского, князей-епископов Майнца, Кельна и Трира, князя и знать Верхнего и Нижнего Рейна и Вестфалии. Франциск Вальдекский, не имея возможности присутствовать лично, прислал своих представителей.[\[228\]](#)

Эти депутаты, объявив, что стоимость осады уже составила 700 000 флоринов, умоляли собравшихся князей объединиться, чтобы положить конец этой катастрофической войне. Последовало долгое обсуждение, и был принят принцип, согласно которому, поскольку

создание анабаптистского королевства в Мюнстере стало бы катастрофой, затронувшей всю империю, было справедливо, чтобы епископ не был обязан нести все расходы, связанные с восстановлением Мюнстера. Курфюрст Саксонии Иоганн Фридрих, хотя и не принадлежал к трем созванным кругам, через своих депутатов, посланных в сейм, пообещал принять участие в истреблении еретиков.[229] В конце концов было решено, что епископу следует предоставить 300 конных солдат, 3000 пехотинцев и что опытный генерал, граф Ульрих фон Уберштейн, должен командовать ими и взять на себя общее руководство войной.[230]

Также было обещано выплачивать ежемесячную субсидию в размере 15 000 флоринов до падения Мюнстера. Было также решено, что князю-епископу должна быть гарантирована неприкосновенность его владений; что каждый князь, католик или протестант, должен приложить все усилия, чтобы искоренить анабаптизм в своих владениях; что епископ Мюнстера должен просить Фердинанда, короля римлян, и семерых курфюрстов собраться 4 апреля в Вормсе, чтобы проконсультироваться с теми, кто тогда собрался в Вормсе, о мерах по подавлению восстания, разделить расходы на войну и наказать лидеров восстания в Мюнстере.

Наконец, сейм направил письмо провинившемуся городу, призывая его сдаться по своему усмотрению, если только он не будет готов противостоять объединенным усилиям всех сословий империи.

Но если князья объединялись против анабаптистского Нового Иерусалима, сектанты были в возбуждении и вооружались, чтобы выступить на помощь ему со всех сторон, из Лейдена, Фрейсланда, Амстердама, Девентера, из Брабанта и Страсбурга.

Анабаптисты Девентера были готовы восстать и устроить резню "неверующих" в этом городе, а затем двинуться маршем на Мюнстер, когда заговор был раскрыт, и четверо зачинщиков были казнены. Бдительность регента Нидерландов помешала приверженцам мистической секты, которые были тогда очень многочисленны, волной накатиться на Вестфалию, смыть недисциплинированную епископальную армию и укрепить власть своего короля-понтифика.

Иоанн из Лейдена с нетерпением смотрел именно на Нидерланды. Когда с запада придет ожидаемая поставка? Почему тысячи и десятки тысяч сынов Израиля не поднялись из своих болот, к ним не присоединились обученные отряды из городов, не прошли маршем при свете пылающих городов, не распевали песни Сиона?

Грасс предложил королю отправиться в Нидерланды и пробудить верное семя. "Отец, - сказал он, - приказал мне собрать братьев, рассеянных в Везеле, Девентере, Амстердаме и в Нижней Германии; сформировать из них могучую армию, которая освободит этот город и разнесет вдребезги врагов Израиля. Я с радостью выполню эту миссию в интересах верующих. Я не боюсь никакой опасности, поскольку иду исполнять волю Божию, и я уверен, что наши братья, когда они узнают о нашей крайности и о том, что такова воля их короля, поднимутся и поспешат на помощь".[231]

Джон Бокельсон был удовлетворен; он снабдил Грасса аккредитивами, скрепленными королевской печатью. Письма были сформулированы в следующих выражениях: "Мы, Иоанн, Царь Праведности в новом Храме и слуга Всевышнего, доводим до вашего сведения этими подарками, что податель этих писем, Генрих Грасс, пророк, озаренный Небесным Отцом,

послан нами собрать для увеличения нашего царства наших братьев, рассеянных за границей по всем землям Германии. Он заставит их услышать слова жизни и исполнит заповеди, которые он получил от Бога и от нас. Поэтому мы приказываем и требуем от всех тех, кто принадлежит к нашему королевству, доверять ему, как самим себе. Дано в Мюнстере, граде Божьем, и скреплено нашей печатью на двадцать шестом году нашего правления, во второй день первого месяца, в 1535 году от рождества Иисуса Христа, Сына Божьего".

Грасс, снабженный этим письмом и 300 флоринами из казны, покинул город и направился прямо в Ибург, куда он прибыл ко всеобщей Богоявления;[\[232\]](#) и предстал перед епископом, рассказал ему весь проект, имена главных членов секты в Везеле, Амстердаме, Лейдене и др. , места, где было сложено их оружие, и их план всеобщего восстания и массового уничтожения своих врагов в заранее назначенный день.

Епископ немедленно отправил депеши герцогу Жюльеру и губернаторам Нидерландов, чтобы предупредить их быть настороже. Они ответили, прося его помочь в подавлении восстания; и поскольку наиболее эффективной помощью, которую он мог оказать, было бы послать Грасса, он поручил ему посетить Везель и приостановить выполнение проекта.

Грасс немедленно отправился в Везель, где разоблачил главарей и указал места, где в огромных количествах хранились их оружие и боеприпасы. Вспыхнуло смятение; но герцог Жюльерский вошел в Везель 5 апреля (1535 г.) во главе нескольких кавалерийских эскадронов, схватил зачинщиков, которые были членами главных палат на месте и сената, и 13-го числа казнил шестерых из них. Остальных заставили нести епитимью в белых простынях, лишили оружия и поместили под пристальное наблюдение.

Другое подразделение анабаптистов попыталось овладеть Лейденом, но потерпело поражение, пятнадцать главных мужчин партии были казнены, а пять женщин, наиболее отличившихся своим фанатизмом, утонули, среди которых была первая жена Джона Бокельсона.[\[233\]](#)

В Гронингене сторонники секты были многочисленны; король отдал им приказ восстать, расправиться с магистратами и выступить на помощь окруженному городу. Поскольку не все анабаптисты были расположены признать королевскую власть Иоанна Лейденского, между ними вспыхнула ссора, и попытка провалилась; но 24 января они восстали и выступили под командованием Питера Шомакера, их пророка, и были разбиты бароном Лойтенбургским, а пророк был казнен.

Теперь мы должны вернуться к тому, что произошло в городе Мюнстер в начале 1535 года.

Бокельсон открыл тот год, опубликовав 2 января указ, состоящий из двадцати восьми статей. Оно было адресовано "Всем любящим Истину и Божественную Праведность, сведущим в тайнах Божьих и несведущим в них, чтобы дать им знать, как должны жить или действовать те христиане, которые сражаются под знаменем Справедливости, как истинные израильтяне нового Храма, предопределенного на долгие века, провозглашенного устами всех святых пророков, основанного силой Святого Духа Христом и его Апостолами и окончательно установленного Иоанном, праведным Царем, восседающим на престоле Давида".

Статьи были на этот счет:—

"1. В этом новом храме должен был быть только один царь, который правил бы народом Божиим.

2. Этому царю предстояло стать служителем справедливости и нести меч правосудия.

3. Никто из испытуемых не должен был покидать отведенные им места.

4. Никто не должен был неправильно толковать Священное Писание.

5. Если появлялся пророк, учивший чему-либо, противоречащему простой букве Священного Писания, его следовало избегать.

6. Пьянство, алчность, блуд и прелюбодеяние были запрещены.

7. Мятеж карается смертью.

8. Дуэли должны быть запрещены.

9. Клевета запрещена.

10. Выход из лагеря запрещен без разрешения.

11. Любой, кто отлучается от своей жены на три дня без разрешения своего офицера, чтобы жена взяла другого мужа.

12. Приближаться к вражеским часовым без разрешения запрещено.

13. Любое насилие запрещено среди избранных.

14. Трофеи, отнятые у врага, идут в общий фонд.

15. Ни один отступник не будет повторно принят.

16. Следует соблюдать осторожность при приеме христианина в одно общество, который покидает другое.

17. Обращенных нельзя отталкивать.

18. Любой, желающий жить в мире с христианами, в торговле, дружбе и по договору, не должен быть отвергнут.

19. Дилерам и торговцам разрешается торговать с избранными.

20. Ни один христианин не должен выступать против какой-либо языческой власти и бунтовать против нее, за исключением слуг епископов и монахов.

21. Виновный-язычник не может быть освобожден от наказания за свое преступление путем присоединения к христианской секте.

22. Указания относительно облигаций.

23. Приговор должен быть вынесен тем, кто нарушает эти законы и презирает Слово Божье, но не поспешно, без ведома короля.

24. Никаких ограничений для принуждения к браку.

25. Никто, страдающий эпилепсией, проказой и другими заболеваниями, не должен вступать в брак, не проинформировав другую договаривающуюся сторону о своем состоянии.

26. Nulla virginis specie, cum virgo non sit, fratrem defraudabit; alioquin serio punietur.

27. Каждая женщина, у которой нет законного мужа, должна выбрать из числа общины мужчину, который будет ее опекуном и защитником.

"Дано Богом и королем Иоанном Справедливым, служителем Бога Всевышнего и нового Храма, на 26-м году своего совершеннолетия и в первый год своего правления, во второй день первого месяца после рождества Иисуса Христа, Сына Божьего, 1535 года".[234]

Цель, которую имел в виду Бокельсон, издавая этот указ, состояла в том, чтобы произвести переворот в свою пользу среди лютеран. Он уже чувствовал опасность, исходящую от объединения католиков и протестантов, и надеялся умеренными заявлениями о своей приверженности Библии, и только Библии, как своему авторитету, склонить их если не к общему делу с ним, то, по крайней мере, к отказу от помощи общему врагу, католическому епископу.

С той же целью 13 января он отправил письма ландграфу Гессенскому, а вместе с ними книгу под названием "Реституция" (Von der Wiederbringung), призванную представить анабаптизм в благоприятном свете.[235]

Ландграф дал пространный ответ, упрекая фанатиков в их мятеже, в их распутстве и в их ереси, когда они учили, что у человека есть свободная воля.[236]

Этот ответ вызвал раздражение анабаптистов, и они написали ему снова, чтобы доказать, что они верны чистому Слову Божьему, свободному от всех человеческих доктрин и традиций, и что они следуют прямому вдохновению Бога через своего пророка. Они также произвели некоторый эффект на Филиппа. Ландграф, сказали они, не имел права осуждать их за нападение на своего епископа, поскольку он сделал точно то же самое в своих собственных владениях. Он изгнал всех монахов из их монастырей и присвоил их земли; он восстановил власть герцога Вюртембургского вопреки воле императора; он изменил религию своих подданных и был не в состоянии ссылаться в качестве своего авторитета на прямые повеления Небес, переданные ему пророками живого Бога. Они могли бы также выдвинуть против ландграфа обвинение в безнравственности, но воздержались; их целью было убедить защитника протестантского дела благосклонно отнестись к ним, а не раздражать его, слишком глубоко загоняя *quoque* в душу.

Вместе с этим письмом был отправлен трактат Ротмана, озаглавленный "О тайном значении Священного Писания".

Филипп Гессенский колебался. Он написал еще раз; и после попытки оправдаться за то, в чем его упрекали, он сказал: "Если бы это зависело только от меня, вам не пришлось бы тщетно отстаивать свое *справедливое* дело, и вы получили бы все, что требуете; но вам следовало бы до этого обратиться к князьям империи, вместо того чтобы брать закон в свои руки; братья за оружие, основывать королевство, избирать короля и посылать пророков и апостолов за границу, чтобы взбудоражить города и народ. Тем не менее, возможно, что даже сейчас к вашим требованиям могут благосклонно прислушаться, если вы вспомните на справедливых условиях тех, кого вы изгнали из города и разграбили их имущество, и восстановите ваши древние конституции и вашу прежнюю власть".[237]

Лютер теперь прогремел из Виттемберга. Слэйдан олицетворяет этот трактат. Пять министров Гессена также опубликовали ответ на доктрину анабаптистов Мюнстера, который, вероятно,

был составлен для них самим Лютером или, по крайней мере, представлен ему на утверждение, поскольку он опубликован среди его немецких работ.[238] Он полон оскорблений и аргументов примерно в равных дозах. Здесь можно процитировать только один или два отрывка:—

"Поскольку дьявол ввел вас в такое богохульное заблуждение, вы пьяны и совершенно лишены свободы, вы хотите, как это свойственно сатане, превратить себя в ангелов света и ярко расписать свои дьявольские деяния. Ибо дьявол будет не дьяволом, а святым ангелом, да, даже самим Богом, и его дела, какими бы плохими они ни были перед Богом и всем миром, останутся безнаказанными, и он сам будет почитаем как Самый Святой. Для этой цели он и вы, его послушные ученики, пользуетесь Священным Писанием, как это когда-либо делали все еретики".[239]

"Что мне сказать? Вы показываете всему миру, что понимаете о царстве Христа гораздо меньше, чем евреи, которые обвиняют вас в недостатке понимания, и все же никто не говорил и не верил в то же самое царство более невежественно, чем они. Ибо Писание и пророки указывают на Мессию, через которого все должно было исполниться, и в это иудеи тоже верили. Но вы хотите, чтобы это указывало на вашего Короля-Портного, на великий позор и насмешку над Христом, нашим единственным истинным Королем, Спасителем и Искупителем".[240]

Но в этом и заключалась главная проблема Реформатора — в том, что анабаптист вышел на шаг за пределы самого себя. "Вы отвергли все, чему учил вас доктор Мартин Лютер, и все же именно от него, после Бога, вы получили все разумные знания из Священного Писания; вы дали другое определение веры, на ваш новый манер, с различными дополнительными статьями, так что вы не только затемнили, но и полностью уничтожили ценность спасительной веры".[241]

В трактате Юстуса Мениуса, опубликованном с одобрения Лютера и с его предисловием "О духе анабаптистов", гневно жалуются на то, что эти сектанты выдвигают против лютеранской церкви следующие обвинения: "Во—первых, что наши церкви являются храмами идолов, поскольку Бог обитает не в храмах, созданных руками. Во-вторых, то, что мы не проповедуем истину и не поклоняемся в ней истинному Богу. В-третьих, то, что наши проповедники - грешники и, следовательно, не способны учить других. В-четвертых, что простые люди не исправляют свою мораль нашими проповедями". На все обвинения Юстус Мений отвечает так хорошо, как только может, держа в одной руке меч против папистов, а в другой мастерку, латающую стены своего Иерусалима.[242]

Меланхтон также выступал против анабаптистской книги, отвергая все ее положения и делая это, опираясь на максиму "*Abusus non tollit substantiam*", максиму, полностью проигнорированную реформаторами, когда они атаковали католиков.[243] Таким образом, новая секта боролась с лютеранством точно таким же оружием, каким лютеране боролись с Церковью; и лютеране, чтобы отстоять свои позиции, были вынуждены искать убежища в авторитете Церкви и традиции — позициях, на которые они нападали ранее, и использовать аргументы, которые они ранее отвергали.

В "Трактате о пяти гессенских богословах", составленном по приказу Филиппа Гессенского, ошибки анабаптистов обобщены и осуждены; они заключаются в следующем:

"1. Они верят, что люди оправдываются не только верой, но и совместными верой и делами.

2. Они относят искупление Христа только к грехопадению Адама и к его последствиям для тех, кто от него родился.
3. Они обладают общими благами.
4. Они обвиняют Мартина Лютера в том, что он ничему не учил о добрых делах.
5. Они провозглашают свободу воли человека.
6. Они отвергают крещение младенцев.
7. Они берут Библию отдельно, без каких-либо комментариев.
8. Они выступают за многоженство.
9. Они неправильно учат Воплощению Христа".[244]

Этот "Курце: и в самом деле, что происходит" подписан Джоном Кэмписом, Джоном Фонтиусом, Джоном Кимеусом, Джоном Лессингом и Энтони Корвинусом.

Осаде давно пора было положить конец, так говорили все; но все говорили одно и то же на протяжении последних двенадцати месяцев, и Мюнстер, несмотря ни на что, выстоял.

Командующий войсками генерал направил в город ультиматум, предлагая жителям либеральные условия, если они сдадутся, и предупреждая их, что в случае отказа город будет взят штурмом и отдан на разграбление.[245] На письмо не было дано ответа; тем не менее, оно произвело глубокое впечатление на граждан, которые и без того страдали от нехватки продовольствия. Была сформирована партия, которая решила схватить короля, открыть ворота и заключить соглашение с епископом.[246] Бокельсон, услышав о заговоре, собрал все население на соборной площади и торжественно объявил им по откровению от Отца, что на Пасху осада будет снята, и город переживет чудесное избавление. Он также разделил город на двенадцать частей и поставил во главе каждой герцога своего собственного создания, которому было поручено пресекать государственную измену и защищать ворота. Каждому герцогу было выделено двадцать четыре стражника для защиты его личности и наказания тех граждан, которые проявляли беспокойство при правлении царя Сиона.[247] Этим герцогам было обещано правительство империи, когда королевства Германии стали королевством Иоанна Лейденского. Денекер, бакалейщик, был герцогом Саксонии; Моер, портной, герцогом Брауншвейга; Керкеринги были назначены править Вестфалией; Редекер, сапожник, правил в Жюльере и Клеве. Джон Полк был назначен герцогом Гельдерса и Утрехта; Эдинк должен был стать верховным в Брабанте и Голландии; Фауст, медник, в Майнце и Кельне; Генри Кок должен был стать герцогом Трира; Раттерберг должен был стать герцогом Бремена, Вердена и Миндена; Рейнинк получил свой титул от Хильдесхайма и Магдебурга; а Николас Стрип - от Фризии и Кронингена. Поскольку эти люди были по большей части мясниками, кузнецами, портными и сапожниками, их титулы, герцогские короны и мантии, а также перспектива управлять страной вскружили им голову и сделали их ревностными орудиями в руках Бокельсона.

Король предпринял еще одну попытку поднять страну. Он разослал письма, в которых предлагал разграбление всего мира всем тем, кто присоединится к знамени. Но епископ был проинформирован о подготовке этих посланий датским солдатом в Мюнстере; он был очень встревожен, поскольку его *голландские* были готовы продать свои услуги тому, кто больше заплатит. Поэтому он продолжал обходить город, держал бдительную охрану и захватывал в

плен каждого эмиссара, посланного для распространения этих заманчивых предложений. 11 февраля 1535 года ров, насыпь и частокол вокруг города были закончены; и с тех пор доступ в город или выезд из него был невозможен без ведома принца и его генералов. Несчастные жители Мюнстера, обнаруженные при попытке к бегству, были по приказу короля обезглавлены. Так погибло много мужчин и женщин; среди них была хозяйка Книппердоллинга по имени Дрейер, которая, устав от своей жизни, сбежала, но была поймана и передана палачу. Когда подошла ее очередь, палач заколебался. Книппердоллинг, заметив это, взяла у него меч и, не меняя цвета, отсекла ей голову. "Отец, - сказал он, - непреодолимо вдохновил меня на это, и таким образом я, сам того не желая и не подозревая, стал орудием мести в руках Господа".[248]

Законная жена Книппердоллинга за то, что пренебрегла многоженством, с трудом избежала смерти; она была приговорена к публичной епитимье, стоя на коленях на большой площади, посреди народа, с обнаженным мечом в руках.[249]

Наступила Пасха, время обещанной доставки, а армии верующих из Голландии, Фрисландии и Брабанта так и не прибыли. Положение Бокельсона стало затруднительным. Он выпутался из дилеммы с характерной для него бесстыдностью. В течение шести дней он оставался в своем собственном доме, невидимый для всех. По истечении отведенного времени Он выступил вперед, собрал людей на горе Сион и сообщил им, что освобождение, предсказанное Отцом, *had* произошло, но что это было освобождение, отличное по своему характеру от того, что они ожидали. "Отец, - сказал он, - возложил на мои плечи беззакония израильтян. Я согнулся под их бременем и был почти раздавлен их тяжестью. Теперь, по милости Господа, ко мне вернулось здоровье, и вы все были освобождены от своих грехов. Это духовное освобождение является самым превосходным из всех и должно предшествовать тому, что носит чисто внешний и временный характер. Поэтому терпеливо ждите, это обещано, и это придёт, если вы не впадете снова в свои грехи, но сохраните свое доверие к Богу, который никогда не покидает Свой избранный народ, хотя Он может подвергнуть их испытаниям и невзгодам, чтобы доказать их постоянство".[250] Хотелось бы верить, что Джон Бокельсон был серьезен и был предметом религиозного увлечения, как и его подданные, но после этого так относиться к нему невозможно.

Принцы, расходясь после собрания в Кобленце, договорились вновь собраться 4 апреля. Фердинанд, король римлян, созвал все сословия империи на встречу в этот день в Вормсе. Депутаты нескольких городов протестовали против решений, принятых в Кобленце без их участия, и обсуждение с самого начала было очень бурным. Наконец было достигнуто взаимопонимание, и была согласована ежемесячная субсидия в размере 20 000 флоринов на пять месяцев для поддержания эффективности инвестиций Мюнстера. Но перед разделением была предпринята последняя попытка добиться мирного прекращения войны, и бургомистры Франкфурта и Нюрнберга были отправлены в качестве депутации в город. Эта попытка оказалась такой же бесплодной, как и все предыдущие. "У нас нет ничего общего с римской империей, - ответили вожди Сиона, - ибо эта империя - четвертый зверь, о котором пророчествовал Даниил. Мы снова основали царство Израиль по повелению Отца, и мы призываем вас воздерживаться в будущем от нападений на это царство, поскольку вы боитесь гнева Божьего и вечного проклятия".[251]

Голод в Мюнстере теперь стал ужасным. Кошки, крысы, собаки и лошади были съедены; голодающие люди пытались различными способами утолить свой непреодолимый голод. Они

ели кожу, дерево, даже коровий навоз, высушенный на солнце, кору деревьев и свечи. Недавно захороненные трупы выкапывали ночью и тайно съедали. Матери ели даже своих детей. "Ужасные болезни, - говорит Керссенбрук, - последствия голода, усугубляли положение жителей города; их плоть разлагалась, они гнили заживо, их кожа становилась мертвенно-бледной, губы отвисали; их глаза, неподвижные и круглые, казалось, готовы были вылезти из орбит; они бродили, изможденные, отвратительные, как мумии, и сотнями умирали на улицах. Король, чтобы предотвратить заражение, приказал выбросить тела в большие общие канавы, откуда умирающие от голода тайком вытаскивали их, чтобы сожрать. День и ночь дома и улицы оглашались эхом слез, воплей и стонов; мужчины, женщины, старики и дети впадали в глубочайшее отчаяние".[252]

В разгар всеобщего голода Иоанн Лейденский жил в достатке. Его склады, в которые были собраны съестные припасы, найденные в каждом доме, обеспечивали его собственный стол и стол его ближайших последователей. Его разгул и пышность не ослабевали, в то время как его обманутые подданные умирали от нужды вокруг него.[253]

Когда голод был самым страшным, по городу распространилось письмо от Генриха Грасса, в котором он сообщал людям, что его чудесное спасение было выдумкой и что он отверг безумства анабаптизма, испытывая отвращение к экстравагантности, к которой он привел своих приверженцев, и уверял их, что их король - самозванец, использующий в своих интересах доверчивость обезумевшей толпы.[254]

Это письмо произвело эффект, заставивший короля задрожать. Он призвал к себе своих учеников, упрекнул их за то, что они взялись за плуг и повернули назад, и разрешил всем тем, чья вера поколебалась, уйти из города. "Что касается меня, - сказал он, - я останусь здесь, даже если останусь наедине с ангелами, которых Отец не преминет послать, чтобы помочь мне защитить это место".[255]

Когда король разрешил покинуть город, толпы людей всех возрастов и полов хлынули через ворота, оставив позади только самых фанатичных, которые были полны решимости победить или умереть вместе с Иоанном Лейденским.

За городскими стенами простиралась вытопанная и пустынная местность до рвов и земляных укреплений осаждающих, усеянная руинами домов и усадеб. Несчастные существа, сбежавшие из Сиона, истощенные и изможденные, как призраки, распространились по этому опустошенному региону. Наступающая армия оттеснила их обратно к городу, не желая позволять повстанцам затягивать осаду, избавляясь от всех бесполезных ртов, находившихся в этом месте. Однако они отказались вернуться за стены и оставались в Кенигрейхе, как называлось это пустынное урочище, числом 900 человек, питаясь кореньями и травой, в течение четырех недель, лежа на голой земле. Некоторые были слишком слабы, чтобы ходить, и ползали на четвереньках; их голод был настолько ужасен, что они набивали рот песком, землей или листьями и умирали, задыхаясь, в ужасных конвульсиях. Днем и ночью раздавались их стоны, завывания и вопли. Дети представляли собой еще более плачевное зрелище; они умоляли своих матерей дать им что-нибудь поесть, а те, бедняги, могли отвечать им только слезами и рыданиями; часто они подходили к линии лагеря и пытались возбудить сострадание солдат.

Командующий генерал Графф Уберштейн 22 апреля отправил информацию епископу, который был болен в своем замке в Волльбеке, и спросил, что делать с этими несчастными, погибающими в Кенигрейхе. Епископ пролил слезы и выразил свое сожаление по поводу страданий несчастных, но не осмелился отдать приказ об их вывозе, не посоветовавшись с герцогом Клевским и курфюрстом Кельнским. Так было потеряно много драгоценного времени, и только 28 мая, месяц спустя, умирающим от голода несчастным было разрешено покинуть Кенигрейх на следующих условиях: 1. Что они должны быть перевезены в соседний город Дикхаузен, где они должны быть допрошены, а виновные среди них казнены; 2. Что остальные должны быть помилованы и рассеяны по разным местам, после того как они обязались отказаться от анабаптизма и воздерживаться от переговоров, открытых или тайных, со своими товарищами в осажденном городе.^[256] Когда эти условия были выполнены, беженцев перевезли на тележках в Дикхаузен пешим ходом, поскольку чрезмерное истощение сделало их неспособными к более быстрому передвижению. Их было 200 человек; 700 погибли от голода между линиями наступающей армии и стенами осажденного города. 30 мая были казнены те, кого признали виновными в видном участии в восстании.

Князь-епископ мог бы пожалеть своих слез и прислать хлеба. Его нерешительность и отсутствие искреннего сочувствия к голодающим несчастным характеризуют его характер не только как слабого, но и как эгоистичного и трусливого.

Пока это происходило за стенами Мюнстера, Джон ван Гил, эмиссар Бокельсона, активно участвовал в пробуждении анабаптистов Амстердама. Втершись в доверие к принцессе Марии, регентше Нидерландов, он убедил ее, что желает обуздать сектантов, ожидающих их призыва выступить на помощь Мюнстеру. Она даже предоставила ему разрешение собрать войска для этой цели. Он воспользовался этим приказом, чтобы вооружить своих друзей и составить заговор с целью овладения Амстердамом. Его замысел состоял в том, чтобы сделать этот город местом встречи для всех анабаптистов Нидерландов, которые стекутся в него как в город-убежище, когда он окажется в его власти, и тогда он сможет организовать из них армию, достаточно многочисленную и хорошо оснащенную, чтобы снять осаду Мюнстера.

11 мая он встал во главе 600 друзей, захватил город, перебил половину стражи и одного из бургомистров. Еще через час Амстердам неизбежно оказался бы во власти сектантов, если бы один из стражников не взбежал на башню и не позвонил в колокол тревоги. Когда над городом прозвенел набат, горожане вооружились и бросились на рыночную площадь, напали на анабаптистов и отбили ратушу, несмотря на отчаянное сопротивление. Толпы местных фанатиков, получивших тайное указание собраться у стен Амстердама и ждать, пока откроют ворота, чтобы впустить их, обнаружив, что план провалился, побросали оружие и опрометчиво бежали.^[257]

Ван Гил пал в этой стычке. Заключенные были казнены. Среди них был Кампе, которого Иоанн Лейденский назначил анабаптистским епископом Амстердама. Его казнь была совершена с большим варварством: сначала ему отрубили язык, затем руку и, наконец, голову.^[258]

Мы должны еще раз заглянуть в обреченный город.

Посреди всеобщего запустения Джон Бокельсон и его двор жили в великолепии и роскоши. Каждый, кто роптал на его бесчинства, был казнен. Головы отрубались по малейшему

обвинению, и в мае и июне не проходило и дня, чтобы на горе Сион не лилась кровь. Одной из самых примечательных казней была казнь Элизабет Вандчерер, одной из королев.

У этой женщины было три мужа; первый умер, второй брак был расторгнут, и Бокельсон взял ее в жены, потому что она была хорошенькой и хорошо сложенной.

Она была большой любимицей своего царственного мужа и в течение шести месяцев, казалось, была довольна своим положением; но в конце концов, испытав отвращение к необузданной распущенности королевского гарема, лицемерию и безумному разгулу двора, контрастировавшим с голодом горожан, терзаемая угрызениями совести, она сорвала с себя драгоценности и королевские одежды и попросила у Иоанна Лейденского разрешения покинуть город. Это было 12 июня. Король, разъяренный вероотступничеством в своем собственном доме, потащил ее на рыночную площадь и там в присутствии своих жен и народа собственными руками отрубил ей голову, растоптал ее тело, а затем, распевая "Gloria in excelsis" со своими королевами, танцевал вокруг тела, обгащенного кровью.[\[259\]](#)

Однако королевские запасы были почти исчерпаны, и королю сообщили, что провизии осталось всего на несколько дней. Он решил продолжать свою веселую распутную жизнь, не думая о завтрашнем дне, и, когда все будет израсходовано, поджечь город во всех кварталах, а затем броситься вперед с оружием в руках и прорвать защитный пояс или погибнуть при попытке.[\[260\]](#) Этот проект не был выполнен, поскольку осада была внезапно прекращена до того, как наступил момент для ее завершения.

В конце предыдущего года солдат епископальной армии Джон Эк из Лангенстратена, или, как его называли из-за его маленького роста, Гензель Эк, будучи наказан, по его мнению, чрезмерно или несправедливо за какое-то неисполнение своих обязанностей, дезертировал к анабаптистам и нашел убежище в городе, где Джон Бокельсон, оценив его способности и практическое знакомство с военными операциями, сделал его одним из своих капитанов.

Но Гензель вскоре горько раскаялся в своем шаге. Маленькие человечки, как говорится, вспыльчивы и готовы отстаивать свое достоинство. Его дезертирство было результатом вспышки уязвленного самолюбия, и когда его гнев остыл и здравый смысл взял верх, он разозлился на себя за то, что натворил. Чувствуя уверенность в том, что город в конце концов падет, и зная, что к пойманному с оружием в руках дезертиру, каким бы ничтожным он ни был, не проявят милосердия, Гензель посоветовался с восемью другими недовольными солдатами из своей роты, и они решили бежать из Мюнстера и попросить прощения у епископа.

Они выполнили первую часть своей задачи в ночь на 17 июня и пересекли Кенигрейх по направлению к позициям наступающих войск. Часовые, заметив приближающийся отряд вооруженных людей, луна отражалась от их морионов и нагрудников, открыли по ним огонь и убили семерых. Его миниатюрный рост сослужил Гензелю хорошую службу, и ему вместе с еще одним человеком по имени Собб удалось незаметно перебраться через крепостные валы и добраться до ближайшего форта Хамм, где командовал старый офицер Мейнхард фон Хамм, под началом которого он раньше служил. Гензеля и Собба привели к нему и предложили передать город в руки князя-епископа, если он дарует им добровольное помилование; но они добавили, что нельзя терять времени, поскольку это был всего лишь вопрос часов, а не дней, прежде чем город будет обстрелян и совершена последняя вылазка.[\[261\]](#)

Мейнхардт выслушал его план, одобрил его и написал Франциску Вальдекскому, прося охранную грамоту для Гензеля и настаивая на соблюдении строжайшей секретности, поскольку от сохранения тайны зависел успех плана.

Охранная грамота была с готовностью выдана, и дезертира доставили в Уиллингхеген, спрятанного среди дичи в повозке, прикрытой ветвями деревьев. Виллингхеген - небольшое местечко в миле от окружной стены. Здесь собрались военачальники осаждающей армии, чтобы обсудить план Гензеля Эка. Маленький человечек возразил, что с 300 людьми он может взять город. Он знал слабые места и мог взобраться на стены там, где они были без охраны. Однако было решено отправить в экспедицию четыреста солдат под командованием Уилкина Стединга, "ужасного врага, но преданного друга". Джон из Твикеля должен был нести знамя, а Гензель - быть проводником; и попытка должна была быть предпринята накануне дня святого Иоанна Крестителя.^[262] Однако епископ и граф Уберштейн, желая избежать ненужного кровопролития, в последний раз призвали жителей сдаться 22 июня.

Роттманн ответил депутатам, что "город должен быть сдан только тогда, когда они получат приказ сделать это от Отца через откровение".

Канун Летнего солнцестояния выдался жарким. Ближе к вечеру темные тяжелые тучи напозли против ветра, и сильная буря с громом, молниями и градом разразилась над обреченным городом. Часовые Мюнстера, измученные голодом и встревоженные яростью стихии, покинули свои посты и отступили под укрытие. Темнота, завывание ветра и раскаты грома скрывали приближение епископальных войск. 400 человек под командованием Штединга, ведомые дезертиром, вошли в Кенигрейх между десятью и одиннадцатью часами и не встречали никаких препятствий, пока не достигли ворот Святого креста. Здесь они заполнили ров хворостом, деревьями и связками соломы; был сооружен импровизированный мост, был преодолен частокол, маскировавший бастион, были установлены лестницы, и, не встречая ни малейшего сопротивления, 400 человек достигли вершины стен. Часовые, которых они нашли спящими, были убиты, за исключением одного, который выкупил свою жизнь, выдав пароль "Die Erde". Затем солдаты двинулись по мощеной дороге, пролежавшей между двойными стенами, захватили и убили часовых на каждой сторожевой башне, а затем, выйдя на улицы, пересекли кладбище Убервассер, реку Аа по мосту через нее и вышли на соборную площадь, где слабые отблески удаляющихся молний время от времени освещали тощие строительные леса трона, галерею и кафедру короля-анабаптиста, выглядевшие теперь почти как приготовления к казни.

Собор был превращен в арсенал. Гензель повел епископальных солдат к западным воротам, скомандовал "Умри немедленно", и стражники были убиты прежде, чем успели поднять тревогу. Артиллерия теперь была в руках 400 человек.^[263]

Анабаптисты проспали под раскаты грома, но внезапно их разбудил грохот барабана на Сионском холме. Они вскочили с постелей, спешно вооружились и бросились на соборную площадь, где их собственные пушки открыли по ним свои огненные рты и обрушили железный ливень на главные улицы, которые вели от Минстер-грин. Но они не были обескуражены. Переулками и под прикрытием окружающих домов они добрались до часовни Святого Михаила, которая господствовала над позициями солдат епископальной церкви, и оттуда открыли по ним огонь со смертельной точностью.

Стединг направил орудия против часовни, но ее массивные стены пробить не удалось, и ядра отскакивали от них, не причинив ничего, кроме незначительных повреждений. Анабаптисты преследовали свою выгоду. Пока Стединг был занят теми, кто охранял часовню Святого Михаила, большое количество людей собралось на рыночной площади и сомкнутыми рядами прошествовало на соборную площадь.

400 человек, неспособных противостоять противостоящей им численности, были вытеснены со своих позиций и отступили на узкую Маргарет-стрит, где они не смогли с преимуществом использовать свое оружие. Стединг взломал дверь дома и послал через нее 200 своих людей; они вышли через заднюю дверь, заполнили узкий переулок, идущий параллельно улице, и атаковали анабаптистов с тыла, которые, думая, что город в руках врага и что на них идет подкрепление, опрометчиво бежали.

По непростительной оплошности Стединг забыл оставить стражника у черного хода, через который он въехал в город. Анабаптисты обнаружили эту ошибку и воспользовались ею, так что когда прибыло подкрепление, посланное на поддержку Стединга, ворота были закрыты, а стены защищали женщины, которые бросали в них камни и головешки и пускали в них стрелы, насмехаясь над неудачей попытки захватить город врасплох; и они, не уверенные, верить ли им, что заговор Гензеля Эка провалился или нет, оставались снаружи до рассвета, тщетно пытаясь взять стены штурмом. Анабаптисты, бежавшие с Маргарет-стрит, вскоре сплотились, и 400 человек снова подверглись ярости толпы, вдвое превосходившей их по численности, которая атаковала их спереди и сзади, и они были сбиты камнями и мебелью, брошенными в них из окон женщинами в домах.

Тем не менее они храбро оборонялись в течение нескольких часов, и нападавшие начали терять мужество, когда до них дошли вести о штурме стен. Была уже полночь. Король Иоанн предложил временное прекращение военных действий, на что Стединг с радостью согласился, и посланцы Бокельсона предложили 400 солдатам свою жизнь, если они сложат оружие, преклонят перед ним колени и попросят у него прощения.^[264]

Солдаты с негодованием отвергли это предложение, но предложили покинуть город со своим оружием и прапорщиками. Последовало долгое обсуждение, которое затянулось до рассвета.

В начале переговоров Стединг приказал прапорщику Джону фон Твикелю поспешить к крепостному валу с тремя солдатами, как можно более скрытно, и вызвать подкрепление. Твикель добрался до бастioned на рассвете и крикнул своим товарищам снаружи, чтобы они помогли Стедингу и его доблестному отряду, пока все не было потеряно. Епископалы, опасаясь уловки осажденных, чтобы заманить их в засаду, колебались; но Твикель назвал лозунг, которым был *Вальдек*, и объявил о частичном успехе 400 человек.

Выполнив свою миссию, Твикель вернулся к своим товарищам внутри, подбадривая их во весь голос криком издалека: "Мужайтесь, друзья, помощь близка!"

При этих словах остатки доблестного отряда численностью 400 человек возобновили бой с неудержимой энергией. Они обрушились на анабаптистов с такой яростью, что оттеснили их со всех сторон; они не давали пощады, но, разбившись на отряды, прочесали улицы, встречая теперь лишь слабое сопротивление, поскольку солдаты снаружи колотили в ворота. Напрасно сектанты предлагали покинуть город, их предложение поступило слишком поздно, и маленькая группа гнала их от одного места сбора к другому.^[265]

Роттманн, чувствуя, что все потеряно, бросился на их копья и пал. Джон Лейденский, вместо того чтобы возглавить свой отряд, попытался бежать, но был узнан, когда он убегал через ворота Сент-Джайлса, и закован в цепи.

Тем временем подкрепление взобралось на стены, выбило ворота и хлынуло по улицам, отбрасывая волны сбитых с толку анабаптистов на мечи и копья уничтоженных 400 человек. Двести самых решительных фанатиков засели в круглой башне, господствующей над рыночной площадью, и продолжали стрелять по солдатам принца. Генералы, видя, что город находится в их власти и что для освобождения тех, кто находится в тауэре, потребуется много времени и жизней, предложили им жизнь и разрешение беспрепятственно выйти из Мюнстера, если они сдадутся.

На этих условиях анабаптисты в бастионе сложили оружие. Теперь осаждающие рассредоточились по городу, выслеживая и убивая мятежников. Герман Тильбек, бывший бургомистр, игравший на руку анабаптистам до тех пор, пока не объявил себя, и который был одним из двенадцати старейшин Израиля, был найден спрятанным, наполовину затопленным, в уборной возле ворот Сент-Джайлса, был убит, а его тело оставили там, где он прятался, "таким образом, его похоронили, - говорит Керссенбрук, - хуже, чем погребение осла". Когда бойня закончилась, тела собрали на соборной площади и осмотрели. Тела Книппердоллинга среди них не было. На самом деле он прятался в доме Кэтрин Хоббелс, ревностной анабаптистки; она держала его в безопасности весь 26-й день, но, обнаружив, что каждый дом обыскивается, и опасаясь, что она пострадает за то, что приютила его, она приказала ему уйти и попытаться сбежать через стены.[\[266\]](#)

27-го числа всех женщин собрали на рыночной площади и приказали покинуть город и никогда больше в него не входить. Но как раз в тот момент, когда они собирались уходить, Уберштейн объявила, что любой из них, кто сможет сдать Книппердоллинг, должно быть позволено остаться и сохранить ее имущество. Приманка была заманчивой. Кэтрин Хоббелс выступила вперед и предложила указать место, где спрятался человек, которого они искали. Ей были даны новые гарантии, что ее дом и имущество будут уважаться, и затем она выдала Книппердоллинга, который не покидал своего убежища. Данное ей обещание было неукоснительно выполнено, но ее муж, не попавший в список помилованных и являвшийся главарем фанатиков, был казнен.[\[267\]](#) Женщин сопровождали солдаты до ворот Либ-Фрау; они взяли с собой своих детей, и им было приказано немедленно покинуть епархию и княжество.

Диваре, главной королеве Иоанна Лейденского, жене Книппердоллинга, и трем другим женщинам было отказано в разрешении уехать. Они были казнены 7 июля.

Затем Мюнстер был предан разграблению; но всем тем, кто покинул город во время правления анабаптистов, были возвращены их мебель, дома и то имущество, которое можно было идентифицировать.

Все имущество анабаптистов было конфисковано и продано для уплаты долгов, взятых принцем на покрытие военных расходов. Дележ добычи вызвал несколько волнений, отряды солдат взбунтовались и попытались совершить повторное ограбление, но мятежники были жестоко подавлены.

В последующие дни состоялось еще несколько казней, и люди, спрятанные в подвалах, на чердаках и в канализации, были обнаружены и убиты или отправлены в тюрьму. Среди них были Бернард Кречтинг и Керкеринг.[268]

28 июня Франциск Вальдекский вошел в город во главе 800 человек. Ему были вручены меч, корона и шпоры Иоанна Лейденского вместе с ключами от города.[269]

Принц получил, как было условлено, половину добычи, а также предметы и сокровища, хранящиеся в ратуше и королевском дворце, что составило 100 000 золотых флоринов.[270]

Франциск пробыл в Мюнстере всего три дня. Назначив новых магистратов и организовав гражданское управление городом, он отбыл в свой замок Ибург. 13 июля он приказал спеть "Те Деум" в церквях по всей епархии в благодарность Богу за восстановление спокойствия; и Капитул открыл ежегодную процессию благодарения, которая состоится 25 июня.[271]

15 июля курфюрст Кельнский, герцог Жюльенский и Франциск Вальдекский встретились в Нойсе, чтобы согласовать меры по предотвращению повторения подобных беспорядков. Ведущие протестантские богословы писали, призывая к истреблению еретиков и напоминая князьям, что меч был дан им для этой цели.

В тот же день сейм Вормса согласился с тем, что анабаптисты должны быть искоренены как секта, опасная как для морали, так и для безопасности содружества, и что в ноябре месяце должно быть проведено собрание для принятия решения о покрытии расходов на войну и о форме правления, которая должна быть установлена в городе.[272]

Сейм собрался 1 ноября и постановил, что в Мюнстере все должно быть восстановлено на старых началах и что духовенству должны быть возвращены его собственность и привилегии. Что все, кто бежал из города, спасаясь от правительства анабаптистов, должны быть восстановлены во владении своими должностями, привилегиями и домами. Что все имущество повстанцев должно оставаться конфискованным для покрытия расходов на войну. Что князья соседних государств должны направить депутатов в Мюнстер, чтобы обеспечить, чтобы невинные не страдали вместе с виновными. Например, что укрепления должны быть частично снесены, но что Мюнстер не должен быть лишен своего статуса города. Что епископ, капитул и знать должны снести бастиины внутри города, как только городские стены будут снесены. Что епископы, знать и горожане должны торжественно поклясться, для себя и для своих преемников, никогда не пытаться заново укреплять город. Наконец, что посланцы римского короля и принцев должны посетить упомянутый город 5 марта 1536 года, чтобы убедиться, что эти статьи конвенции были выполнены.

Все эти пункты не были соблюдены. Епископ не снес укрепления, и на этом пункте не настаивали.

Что касается гражданской конституции Мюнстера, его привилегий и привилегий-франшиз, - то они были полностью восстановлены только в 1553 году.

Франциск Вальдекский теперь приступил к ремонту и очищению церквей и восстановил все, как было раньше. Католическое богослужение было повсюду восстановлено, и ни один голос в городе не выступил против. Людей тошнило от протестантизма, будь то в его смягченной форме, как лютеранство, или в его обостренном развитии, как анабаптизм.

Но лютеране других штатов отнюдь не были удовлетворены. Примирение великого города с католической церковью, от которой ранее отделилась половина его жителей, было неприятной новостью для реформаторов, и они громко протестовали. "В пятницу после дня святого Иоанна, - писал Дерпиус, - в середине лета пришел Бог, разрушил этот ад и изгнал дьявола, но мать дьявола пришла снова.... Анабаптисты были в тот день выкорчеваны, и паписты насаждались снова".[273]

Пришло время взглянуть на Иоанна Лейденского и его товарищей по заключению: ими были Книппердоллинг и Бернард Кречтинг. Не могло быть никаких сомнений в том, что их судьба будет ужасной. Откладывать это было еще большей жестокостью. Но епископу и лютеранским богословам было любопытно посмотреть на пленников и поспорить с ними, и их водили с места на место, чтобы удовлетворить их любопытство.

Когда король Иоанн предстал перед Франциском Вальдекским, епископ гневно спросил его, как он может затягивать осаду, в то время как его народ вокруг него умирает с голоду. "Франциск Вальдекский, - ответил он, - они все умерли бы от голода до того, как я сдался, если бы все пошло так, как я хотел".[274] Он сохранил присутствие духа и притворился, что шутит. В Далмене люди столпились вокруг него, спрашивая: "Это тот самый король, который взял себе так много жен?" "Прошу у вас прощения, - ответил Бокельсон, - я брал девушек и брал их в жены".[275]

Часто утверждалось, что троих несчастных перевозили по стране в железных клетках. Это неточно. Их везли в цепях верхом на лошадях в сопровождении двух солдат с каждой стороны; их тела поместили в железные клетки и подвесили к шпилью церкви Святого Ламберта после того, как они были мертвы.

В Бевергерне лютеранский священник Энтони Корвинус и другие министры "брали интервью" у павшего короля, и сохранился длинный и очень любопытный отчет об их беседе.[276]

"Сначала, когда короля привели из тюрьмы в комнату, мы дружески поприветствовали его и предложили сесть перед нами четьрьмя. Кроме того, мы по-дружески спросили, как у него дела в тюрьме, не простудился ли он или заболел? Ответ короля: Хотя он был вынужден терпеть мороз и грехи, давившие на его сердце, все же он должен был, поскольку такова была Божья воля, терпеливо переносить их. И эти и другие подобные разговоры завели нас так далеко — ибо от него ничего нельзя добиться прямыми вопросами, — что мы смогли очень хитро поговорить с ним о его правительстве".

Затем последовал длительный спор по всем еретическим доктринам секты анабаптистов, в котором король проявил немалое мастерство. Проповедники выдвинули против анабаптизма обвинение в новизне, Иоанн Лейденский очень быстро показал, что те, кто живет в стеклянных домах, не должны бросать камни, указав, что лютеранство ненамного старше анабаптизма, что он доказал свою миссию чудесами, тогда как Лютеру нечего было показать, чтобы продемонстрировать свое призвание установить новое вероучение.

Дискуссия об оправдании только верой была самой нежной, поскольку обе стороны были вполне согласны с этой доктриной — несомненно, очень удовлетворительной и очень утешительной для Джона Лейденского. Но по учению о Евхаристии они не могли прийти к согласию, и король придерживался мнения Цвингли.[277]

"Я верю, что в этом Таинстве крещенные верующие получают Тело и Кровь Христа, - сказал король, - ибо, хотя на данный момент я придерживаюсь мнения Цвингли, тем не менее я нахожу, что слова Христа (Это мое Тело, Это моя Кровь) должны оставаться в силе. Но в то, что неверующие также принимают Тело и Кровь Христа, я не могу поверить".

Проповедники: "Как это? Неужели наше неверие принесет больше пользы, чем слово, заповедь и установление Божье?"

Король: "Неверие - это такая ужасная вещь, что я не могу поверить, что неверующие могут причащаться Тела и Крови Христа".

Проповедники: "Это извращение, что вы когда-либо пытаетесь поставить нашу веру или недостаток веры выше слов и постановлений Божьих. Но очевидно, что наша вера ничего не может добавить к Божьему постановлению, и мое неверие ничего не может умалить от него. Должна быть вера, чтобы я мог извлечь пользу из такой еды и питья; но все же в этом вопросе мы должны больше полагаться на Божье повеление и слово, чем на нашу веру или неверие".

Король: "Если это то, что вы имеете в виду, верно, то все неверующие должны были причаститься Тела и Крови Христовых. Но в это я не могу поверить".

Проповедники: "Вы должны понять, что наше неверие не может сделать постановление Бога бесполезным. Скажите теперь, с какой целью было создано солнце?"

Король: "Священное Писание учит, что оно было создано для того, чтобы править днем и сиять".

Проповедники: "Итак, если бы мы или вы были слепы, разве солнце не смогло бы выполнить свою миссию, для которой оно было создано?"

Король: "Я хорошо знаю, что из-за моей или вашей слепоты солнце не перестанет светить".

Проповедники: "Так обстоит дело со всеми делами и таинствами Божьими, особенно с Таинствами. Когда я принимаю крещение, хорошо, если есть вера; но если ее нет, крещение не перестает быть драгоценным, благородным и святым Таинством, да, тем, что Святой Павел называет возрождением и обновлением Святого Духа, потому что это предписано Божьим словом и дано Его обетование. То же самое и в отношении Вечери Господней; если те, кто принимает участие, будут иметь веру, чтобы постичь обетование Христа, как написано, *Одобрет accedentem credere*, но, тем не менее, слово Божье, постановление и заповедь остаются, даже если моя вера никогда больше не обращалась к этому. Но об этом мы сказали достаточно".[\[278\]](#)

Затем проповедники катехизировали Иоанна Лейденского о его ереси относительно Воплощения. Он не отрицал, что Иисус Христос был рожден от Марии, но он отрицал, что получил от нее Свою плоть и кровь, поскольку считал, что, поскольку Мария грешна, от грешной плоти должно произойти грешное потомство.

Далее следует катехизис на тему брака.

Проповедники: "Как вы относитесь к браку и во что вы верите в связи с этим?"

Король: "Мы всегда считали брак делом Божьим и установлением, и мы считаем это сейчас, что в мире не существует более высокого и совершенного состояния, чем состояние брака".

Проповедники: "Почему вы так дико обращались с этим самым сословием, вопреки слову Божьему и общепринятому порядку, и брали одну жену за другой? Как вы можете оправдать такое поведение?"

Царь: "То, что было дозволено патриархам в Ветхом Завете, почему нам должно быть в этом отказано? Мы придерживались следующего: тому, кто желал иметь только одну жену, не навязывали других жен; но тому, кто желал иметь больше одной жены, мы оставили свободу поступать так, согласно Божьему повелению, плодиться и размножаться".

С этим проповедники борются, говоря, что патриархи были невиновны, потому что закон страны (*die gemeine Policey*) тогда не запрещал сожителство, но теперь, когда это запрещено общим правом, это греховно.^[279] Затем они спросили короля, какие еще тексты он мог бы процитировать, чтобы установить полигамию.

Король: "Павел говорит о епископе: пусть он будет мужем одной жены; теперь, если епископу суждено иметь только одну жену, несомненно, во времена Павла мирянам должно было быть разрешено иметь по две или три жены каждому, по их желанию. Вот тебе твоё сообщение".

Проповедники: "Как мы говорили ранее, брак - это вопрос общего полицейского регулирования, *res Politica*. И поскольку сейчас закон страны отличается от того, что было во времена Павла, так что многие жены запрещены и не терпимы, вам придется ответить за свои нововведения перед Богом и людьми".

Король: "Что ж, у меня есть утешение в том, что то, что было дозволено отцам, не может проклясть нас. Я предпочел бы быть с отцами, чем с тобой".

Проповедники: "Ну, мы предпочитаем повиновение государству".^[280]

Здесь мы видим, что Корвин, Кименс и другие служители ставят брак на точно такую же низкую ступень, как это делал Лютер.

"Побеседовав" с королем, эти вороны остановились на Книппердоллинге и Кречтинге в Хорстмаре и затеяли с этими несчастными бумажную полемику.

Заточение короля и двух его сообщников длилось шесть месяцев. Лютеранские проповедники вились вокруг него и жужжали ему в уши, и бедняга верил, что, уступив несколько пунктов, он сможет спасти свою жизнь. Он предложил работать вместе с Мельхиором Хоффманом, чтобы привести к покорности многочисленных анабаптистов во Фрисландии, Голландии, Брабанте и Фландрии, если ему будет предоставлена свобода; но, обнаружив, что проповедники вселяли в него ложные надежды и побуждали к отречению, он отказался встречаться с ними снова и в мрачном отчаянии ожидал своей казни.

Пасторы, которым не удалось обратить анабаптистов в свою веру, и обнаружив, что сектанты использовали против них Священное Писание и частные суждения с такой эффективностью, что они были неспособны победить их аргументами, призвали князей истребить их огнем и мечом.

Кроткая Меланхтон написала трактат или письмо, призывавшее принцев продолжать; оно было озаглавлено "Дас веллише Оберкейтен ден Видертейферн мит лейблихер страффе зу верен шульдиг сей". Etlicher bedenken zu Wittemberg gestellet durch Philip Melancthon, 1536. Ob

Christliche Fürsten schuldig sind der Widerteuffer unchristlicher Sect mit leiblicher straffe und mit dem schwert zu wehren." Он перечисляет доктрины несчастных сектантов в Мюнстере и других местах, а затем говорит, что долг всех князей и знати - мечом искоренять всякую ересь в своих владениях; но затем, с этой оговоркой, чистая Реформатская Церковь должна сначала проинструктировать их из Слова Божьего, какие доктрины являются еретическими, чтобы они могли истреблять только тех, кто отличается от лютеранского сообщества.

Затем он приводит протестантским князьям пример еврейских царей: "Цари в Ветхом Завете, не только еврейские цари, но и обращенные языческие цари, судили и убивали лжепророков и неверующих. Такие примеры демонстрируют власть князей. Как говорит Павел, закон хорош тем, что богохульники должны быть наказаны. Правительство должно управлять людьми не столько ради их физического благополучия, сколько ради чести Бога, ибо они Божьи служители; пусть они помнят это и ценят свой пост".

Но с другой стороны утверждается, что написано: "Пусть оба растут вместе до сбора урожая. Теперь это обращено не к мирской власти, - говорит Меланхтон, - а к проповедникам, чтобы они не использовали физическую силу под предлогом своего служебного положения. Из всего этого ясно, что мирское правительство обязано искоренять богохульство, ложные доктрины, ереси и лично наказывать тех, кто придерживается этих вещей.... Пусть судья знает, что эта секта анабаптистов - от дьявола, и как благоразумный проповедник наставляет представителей разных сословий, как им следует себя вести, как он учит жену, что рожать детей - значит угождать Богу, так и он учит светские власти, как они должны служить чести Бога и открыто изгонять ересь".[\[281\]](#)

Точно так же писал Юстус Мений, призывая к истребительному преследованию сектантов; он также утверждает, что "Пусть оба растут вместе до жатвы", не должно цитироваться князьями в качестве оправдания сохранения жизни и имущества.[\[282\]](#)

12 января 1536 года Иоанн Лейденский, Книппердоллинг и Кречтинг были доставлены обратно в Мюнстер для вынесения смертного приговора.[\[283\]](#)

21-го числа на площади перед ратушей была возведена платформа, и на эту платформу был воткнут большой кол с прикрепленными к нему железными ошейниками.

Когда 21-го Джону Бокельсону сообщили, что завтра он умрет, он попросил позвать капеллана епископа Джона фон Сибурга, который провел с ним ночь. Под страхом предстоящей ему ужасной смерти уверенность несчастного человека поколебалась, и он сделал свое признание со всеми признаками истинного раскаяния.

Книппердоллинг и Кречтинг, которым также была предложена помощь священника, с презрением отвергли это предложение. Они заявляли, что им достаточно присутствия Божьего, что они сознают, что не совершили никакого греха, и что все их действия были совершены исключительно во славу Бога, что, более того, они были добровольно оправданы верой во Христа.

В понедельник, 22-го, в восемь часов утра бывшего короля Мюнстера и его спутников повели на казнь. Ворота города были закрыты, и большой отряд войск окружил эшафот. За пределами

этого железного кольца была плотная толпа людей, а в окнах виднелись головы. Франциск Вальдекский занял окно прямо напротив эшафота и оставался там на протяжении всей отвратительной трагедии.^[284] Как хорошо заметил историк, "Франциск Вальдекский, за неимением других добродетелей, мог бы, по крайней мере, не забывать о том, что было связано с его высоким званием и его епископским характером; он не считал ни того, ни другого, но проявил себя таким же свирепым, каким был Джон Бокельсон, став зрителем долгих и ужасных пыток трех преступников".^[285] Джон и его сообщники, добравшись до ратуши, получили свой приговор от городского судьи Весселинга. Она заключалась в том, что их следовало прижигать раскаленными щипцами и, наконец, протыкать нагретыми на огне кинжалами.^[286]

Король был первым, кто взошел на эшафот и подвергся пыткам.

Король выдержал три захвата клещами, не говоря ни слова и не плача, но затем разразился криками: "Отец, сжался надо мной! Бог милосердия и любящей доброты!" и он просил прощения за свои грехи и помощи. Его крики агонии пронзили прохожих до глубины души, рыночную площадь наполнил запах жареного мяса; его тело превратилось в одну огромную рану. Наконец знак был подан, ему вырвали язык красными клещами и вонзили кинжал в сердце.

Книппердоллинг и Кречтинг были подвергнуты пыткам сразу после начала агонии короля. Книппердоллинг попытался вышибить себе мозги о кол, а когда ему помешали, попытался задушить себя собственным воротником. Чтобы помешать ему осуществить свой замысел, ему в рот продели веревку и привязали к столбу таким образом, чтобы полностью лишить его возможности двигаться. Когда эти несчастные были мертвы, их тела поместили в три железные клетки и повесили на башне церкви Святого Ламбера, с королем посередине.^[287]

Так закончилась эта отвратительная драма, которая произвела эффект по всей Германии. Чрезмерный размах скандала поверг в ужас все католические правительства и предупредил их о безмерности опасности, которой они подвергаются, допуская распространение протестантского мистицизма. Города и княжества, которые колебались в своей верности Церкви, сразу же заняли решительную позицию.

В Мюнстере был восстановлен католицизм. Как уже упоминалось, распутный, жестокий епископ в душе был лютеранином, и его честолюбивым намерением было превратить Мюнстер в наследственное княжество своей семьи по примеру некоторых других князей.

Соответственно, в 1543 году он предложил штатам епархии принять исповедание Аугсбурга и отказаться от католицизма. Предложение принца было единогласно отклонено. Тем не менее, принц присоединился к протестантской унии Смолкальда в следующем году, но после того, как на него пожаловались папе римскому и императору, и опасаясь судьбы Германа фон Вида, архиепископа Кельнского, он, как мог, извинился перед своим родственником Йостом Ходефильтером, епископом Любека, и Францем фон Деем, суфрагистским епископом Оснабрюка.

Перед Смалкальдской войной принц-епископ тайно заручился помощью Союза против своего старого врага, "дикого" герцога Генриха Брауншвейгского. После войны герцог Ольденбургский жестоко отомстил княжеству огнем и мечом и пощадил сам Мюнстер только за 100 000 гульденов. Епископ умер от горя. Он оставил троих внебрачных сыновей от Анны Польшманн. Они носили на гербе половинку звезды, а целая звезда была гербом Вальдека.

Authorities: Hermann von Kerksenbroeck; Geschichte der Wiederthauffer zu Münster in Westphalen. Münster, 1771. Сокращенное издание на латыни имеется в Menckenii Scriptores Rerum Germanicaum, Лейпциг, 1728-30. Т. iii. стр. 1503-1618.

Wie das Evangelium zu Münster erstlich angefangen, und die Widerteuffer verstöret widerauffgehöret hat. Darnach was die teufflische Secte der Widerteuffer fur grewliche Gotteslesterung und unsagliche grawsamkeit ... in der Stad geübt und getrieben; beschrieben durch Henrichum Dorpium Monasteriensem; in Luther's Sammtliche Werke. Примечание. 1545-51. Полоса II. ff. 391-401.

Historia von den Münsterischen Widerteuffern.

Там же. ff. 328-363.

Acta, Handlungen, Legationen und Schriften, &c., d. Munsterischen sachen geschehen. *Там же.*, стр. 363-391.

Kurtze Historia wie endlich der König sampt zweien gerichted, &c. *Там же.* ff. 400-9.

D. Lambertus Hortensius Monfortius, Tumultuum Anabaptistarum Liber unus. Амстердам, 1636 год.

Histoire de la Réformation, ou Mémoires de Jean Sleidan. Традиция. де Куррейе. Ла Хэй, 1667. Том ii. lib. x. [Это издание, цитируемое в статье.]

Sleidanus: Commentarium rerum in Orbe gestarum, &c. Серебро. 1555; изд. алыт. 1559.

I. Hast, Geschichte der Wiederthauffer von ihren Entstehen in Zwickau bis auf ihren Sturz zu Münster in Westphalen Münster. 1836.

Cowan & Co., Limited, Принтеры, Перт.

СЕРИЯ РОМАНОВ МЕТУЭНА.

ТРИ ШИЛЛИНГА И ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

Господа. Время от времени МЕТУЭН будет выпускать Серию авторских романов известных авторов в красивых переплетах по вышеуказанной популярной цене. Первые тома (готовы):—

Ф. МЕЙБЛ РОБИНСОН.

1. ПЛАН КАМПАНИИ.

С. БЭРИНГ ГУЛД, автор книги "Мехала" и др.

2. ЖАККЕТТА.

Миссис ЛЕЙТ АДАМС (миссис Де Курси Лаффан).

3. МОЯ ЗЕМЛЯ БЬЮЛА.

Г. МЭНВИЛЛ ФЕНН.

4. ДЕТИ ИЛАЯ.

С. БЭРИНГ ГУЛД.

5. АРМИНЕЛЬ: Светский роман.

ЭДНА ЛАЙАЛЛ.

6. ДЕРРИК ВОЭН, писатель. С портретом автора.

Ф. МЕЙБЛ РОБИНСОН.

7. РАЗОЧАРОВАНИЕ.

М. БЕТАМ ЭДВАРДС.

8. РАЗОРУЖЕН.

У. Э. НОРРИС.

9. ОТЕЦ ДЖЕКА.

С. БЭРИНГ ГУЛД.

10. МАРДЖЕРИ КЕТЕРСКАЯ.

Другие тома будут объявлены в свое время.

АНГЛИЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ.

Под редакцией А. М. М. СТЕДМАНА, магистра медицины

Под вышеуказанным заголовком господина Метуэна начал подобную публикацию серии коротких биографий, свободных от партийных пристрастий, наиболее выдающихся лидеров религиозной жизни и мысли в этом и прошлом столетиях.

Каждый том будет содержать краткий отчет и оценку карьеры, влияния и литературной позиции автора мемуаров.

Следующее уже подготовлено—

КАРДИНАЛ НЬЮМАН. *Р. Х. Хаттон.* [Готов.

"Немногие, кто прочтет эту книгу, не будут поражены тем удивительным пониманием, которое она раскрывает в природе гения кардинала и духе его жизни". — Уилфрид Уорд, в the Tablet.

"Полон знаний, превосходен в методе и умен в критике. Мы считаем это совершенно замечательным". — Академия.

"Оценка, тщательная, обдуманная, полная глубоких рассуждений и острой проницательности". — Pall Mall Gazette.

ДЖОН УЭСЛИ. *Дж. Х. Овертон, магистр искусств* [Готов.

"Это хорошо сделано; история рассказана четко, пропорции должным образом соблюдены, и нет недостатка ни в разборчивости, ни в сочувствии". — Manchester Guardian.

"Одинаково восхитительны по тону и стилю". — Академия.

ЕПИСКОП УИЛБЕРФОРС.	<i>Г. В. Дэниэлл, магистр</i>
ДЖОН КЕБЛ.	<i>У. Лок, магистр</i>
ЧАРЛЬЗ СИМЕОН.	<i>Х. К. Г. Моул, магистр</i>
Ф. Д. МОРИС.	<i>Полковник Ф. Морис, старший лейтенант</i>
ТОМАС ЧАЛМЕРС.	<i>Миссис Олифант.</i>
КАРДИНАЛ МЭННИНГ.	<i>А. В. Хаттон, магистр медицины</i>

Другие тома будут объявлены в свое время.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ.

Под редакцией Х. де Б. ГИББИНС, М.А.

Заводная головка 8vo2s6d.

Господа. Метуэн имеет честь объявить о публикации серии томов, посвященных темам, представляющим социальный, экономический и промышленный интерес, которые в настоящий момент занимают первостепенное место в общественном сознании. Каждый том серии будет написан автором, который является признанным авторитетом в предмете, которым он занимается, и который будет относиться к своему вопросу с полным сочувствием, но беспристрастно, уделяя особое внимание историческому аспекту предмета и с точки зрения Исторической школы экономики и социальных наук. Рабочий вопрос будет рассмотрен в томах о профессиональных союзах и кооперации; земельный вопрос составит тему еще двух томов; в других будут рассматриваться социализм в Англии на различных его этапах, а также трудовые проблемы Континента. Монография о торговле будет представлять особый интерес в настоящее время ввиду недавнего развития американской торговой политики. Статьи об образовании и бедности будут иметь такое же значение в свете текущей дискуссии, а книга о взаимной бережливости станет ценным обзором различных учреждений для этой цели, уже существующих среди рабочего класса.

Ниже приведены более ранние тома серии:—

ПРОФСОЮЗЫ —НОВЫЕ И СТАРЫЕ.

Г. ХАУЭЛЛ, член парламента, автор книги "Конфликты капитала и труда". [Готов.

"Ничто из написанного мистером Хауэллом ранее не сравнится с этой небольшой книгой по убедительности и живости, по ясной статистике и четким аргументам". — Manchester Guardian.

"Полная и осмысленная история возникновения и современного развития трудовых организаций. Эту книгу следует прочитать работникам и работодателям". — Ливерпульская почта.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАШИХ ДНЕЙ.

Дж. Дж. ХОЛИОУК, Автор книги "История сотрудничества. [Готово.

ВЗАИМНАЯ БЕРЕЖЛИВОСТЬ.

Преподобный Дж. ФРОМ УИЛКИНСОН, магистр медицины, автор книги "Движение дружественного общества". [Коротко.

БЕДНОСТЬ И ПАУПЕРИЗМ.

Преподобный Л. Р. ФЕЛПС, магистр, стипендиат Ориел-колледжа в Оксфорде.

СЕРИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ.

Под вышеприведенным названием "Господа". Компания Methuen приступила к публикации серии книг на исторические, литературные и экономические темы, подходящих для студентов-заочников и кружков домашнего чтения. Эти тома предназначены для того, чтобы помочь лектору, а не для того, чтобы узурпировать его место. Каждый том будет законченным сам по себе, а темы будут рассмотрены компетентными авторами в широком и философском духе.

Под редакцией Дж. Э. САЙМСА, магистра медицины,

Директор Университетского колледжа Ноттингема.

Заводная головка 8vo2s6d.

Следующие тома уже подготовлены, а о других будет объявлено в ближайшее время.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ.

Х. де Б. ГИББИНС, магистр медицины, ныне покойный стипендиат колледжа Уодхэм, Оксон, лауреат премии Кобдена. С картами и планами. [Готово.

"Компактная и ясная история нашего промышленного развития. Изучение его краткой, но яркой книги не может не дать читателю ясного представления об основных явлениях нашей промышленной истории. Редактора и издателей следует поздравить с этим первым томом их затеи, и мы с большим интересом будем ожидать следующих томов серии. Если они будут поддерживать тот же стандарт качества, сериал займет постоянное место среди множества сериалов, которые появляются время от времени ". — University Extension Journal.

"Тщательный и ясный набросок". —Times.

"Писатель хорошо информирован, и от начала до конца его произведение глубоко интересно". - Scots Observer.

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Автор: Л. Л. ПРАЙС, магистр медицины, научный сотрудник колледжа Ориэл, Оксон, дополнительный преподаватель политической экономики. [Готов.

"Мистер Прайс пишет с большой ясностью и замечательно преуспел в изложении действительно читаемым и поучительным текстом английской политической экономики". — Daily Chronicle.

"Эта книга заполняет важный пробел в экономической литературе". — Glasgow Herald.

ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ: исследование производственных условий бедных.

Дж. А. ХОБСОНА, магистра медицины, покойного стипендиата колледжа Линкольна в Оксоне, преподавателя экономики в США. [Готов.

ПОЭТЫ ВИКТОРИАНСКОЙ эпохи.

Автор А. ШАРП.

ПСИХОЛОГИЯ.

Ф. С. ГРЕЙНДЖЕР, магистр философии, Лондон, преподаватель философии в Университетском колледже Ноттингема.

СНОСКИ:

[1] Дрейк был посланником британского правительства в Мюнхене; Наполеон обвинил его и Спенсера Смита, временного поверенного в делах в Вюртемберге, в том, что они стояли у истоков контрреволюции и пытались добиться его убийства. Дрейк и Смит действительно вели переписку с партиями во Франции с целью захвата Хагенау и Страсбурга и внесения раздора в войска Республики, но они ни на минуту не думали о том, чтобы добиться убийства Первого консула, насколько мы можем судить по их переписке, попавшей в руки французской полиции.

[2] К сожалению, файл Британского музея несовершенен и не содержит числа за 20 августа.

[3] А. де Бошан, Сын Людовика XVIII. Париж, 1824 год.

[4] Антониус Бонфиниус: *Rer. Hungaricarum Dec.*, v. 1., 3, приводит *четыре* причины. Thomas Cantipratensis, *Lib. II.*, с. 29, приводит другой и нелепый пример, который нельзя цитировать даже на латыни.

[5] Флери, *Hist. Еккл.*, vi. стр. 110.

[6] Юбилей искусственного чуда (экстраординарное Бельгийское ревю), Брюссель, 1870.

[7] "Функции публичного доступа ... ducebant vitam." "Et ipsi, ut cernitur, sicut laici, palam uxores ducunt."—Andr. Бренчание. "Vit. Arialdi." "Quis clericorum non esset uxoratus vel concubinarius?"—Andr. Бренчание. "Вит. С. Джоан. Gualberti."

[8] "Cœperunt ipsi presbyteri et diacones laicorum more uxores ducere suscepsoque filios hæredes relinquere. Nonnulli etiam episcoporum verecund â omni contemptâ, cum uxoribus domo simul in unâ habitare."—Victor Papa "in Dialog."

[9] "Единственный муж, сам по себе погибший, сам по себе наложница (и сам по себе плацерит) сидят конъюнктивально". —1-й конц. в тоledo, Канада. 17. "Он свободен, не имеет права распоряжаться, не имеет права украшать и пользоваться привилегиями", — говорят Отцы-болландисты и добавляют, что это вульгарная ошибка: "Наложница называется солис и трибуэр, она является корпорацией, имеющей обыкновение быть единым командиром, не имеющей временной легитимности после смерти". - *Acta SS.*, Jun. T. L., стр. 178.

[10] То же самое и со святым Григорием, Ниссен, Барониус, Альбан, Батлер и другие современные агиографы смело заявляют об этом, но ни в каких древних источниках о его жизни нет ни тени доказательств того, что это было так.

[11] "Hic Archiepiscopus habuit uxorem nobilem mulierem; quæ donavit dotem suam monasterii S. Dionysii, quæ usque hodie Uxoriam dicitur."—Calvaneus Fiamma, sub ann. 1040.

[12] "Некому на земле, - пишет святой Петр Дамиани женам священнослужителей, - быть сильным, не быть верующим, быть вероломным во время подпорогового кольца; быть справедливым и контролировать доталию нотариуса, квазиматримонии по призыву на военную службу: быть юрисконсультom ad". подтвердите, к чему приводит сопряженный совокупительный процесс. Ignorantes quia pro uniuscujusque fugaci voluptate concubitus mille annorum negotiantur incendium."

[13] Ландульф сенатор II. с. 27.

[14] Для авторитетных источников у нас есть Андрей из Валломброзы, ум. 1170 г. н.э., ученик Ариальда. Он был уроженцем Пармы. Впоследствии он отправился во Флоренцию, где был замешан в беспорядках, вызванных святым Иоанном Гуальберто в 1063 году. Он вступил в орден Валломброзы и стал аббатом Струми. По крайней мере, я полагаю, как и болландисты, что Эндрю из Валломброзы и Эндрю из Струми - одно и то же лицо.

[15] "Плебс - это всеобщее признание".

[16] "Hæc cum Guido placide dixisset; eo finem orationis dixerit, ut sacerdotibus fas esset dicere uxores ducere."—Alicatus, "Vit. Arialdi."

[17] Арнульф., Гестский архиепископ. Медиол. ап. Перц, х. с. 17.

[18] "Sic ab eodem populo sunt persecuta et deleta (clericorum connubia) ut nullus existeret quin aut cogeretur tantum nefas dimittere, vel ad altare non accedere."—Andr. Бренчание.

[19] Арнульф., Геста Ер. Медиол. ап. Перц, х. стр. 18. Не следует путать Ландульфа Котту, демагога, с Ландульфом старшим, историком, и Ландульфом младшим, учеником и биографом Ариальда.

[20] Ap. Pertz, l.c., стр. 19, 20.

[21] У нас есть полный отчет об этом посольстве в письме святого Петра Дамиани архидиакону Гильдебранду (Петри Дам. Опр. iii; Орусс. v., стр. 37), помимо отчетов Бонизо, Арнульфа и Ландульфа старшего.

[22] Перц, х. с. 21.

[23] "Ничто не предвещает беды".

[24] Бонизо. Заслуживает внимания, что Бонизо, ярый сторонник Гильдебранда и партии реформаторов, называет эту папскую партию *Патари*, показывая тем самым, что она действительно состояла из еретиков-манихеев.

[25] Указ. т. iii.; Опуск. xiii. с. 188.

[26] "Моллюски флорентийские, выращенные внутри, нарезанные кубиками" и др.... "ille utpote simplicissimus homo coepit jurejurando dicere," &c.—Andrew of Genoa, с. 62.

[27] "Alacres et avidi rem scisitari".

[28] В дополнение к биографии Эндрю Струми, у нас есть Диалоги Дезидерия Монте-Кассинского, часть iii.

[29] "Мученики на месте преступления любви".—Andr. Бренчание.

[30] "Как решить проблему отсутствия студебека?" Qui potius inveniretur, proh dolor! qui non esset uxoratus vel concubinarius? De simoniâ quid dicam? Omnes pene ecclesiasticos ordines hæc mortifera bellua devoraverat, ut, qui ejus morsum evaserit, rarus inveniretur."—Andr. Бренчание.

[31] "Exemplo vero ipsius et admonitionibus delicati clerici, spretis connubiis, coeperunt simul in ecclesiis stare, et communem ducere vitam."—Atto Pistor., Vit. S. Joan. Гуальб.

[32] Далее, в дополнение к процитированным выше источникам, у нас есть Хроника Бертольда с 1054 по 1100 год; Перц, Пн. Сакр. v., стр. 264-326.

[33] "Защитники короны, квам джам густаверант, мученики".—Andr. Бренчание.

[34] "Любимец всех святых, Епископов, сторонников Петри, и всесильный монахис адверси".—Andr. Бренчание.

[35] "Maxime feminarum".

[36] "Et nos, viri fratres, civitatem hanc incendamus atque cum parvulis et uxoribus nostris, quocumque Christus ierit, secum camus. Si Christiani sumus, Christum sequamur."—Andr. Бренчание.

[37] Об этом не упоминается в послании флорентийцев папе римскому, повествующем о тяжелом испытании и предполагаемом чуде, которое передают Андрей из Струми и Атто из Пистойи.

[38] Hæc ut nobilis Herembaldus ceterique Fideles audiere, sumptis armis, in audacem plebem et temerariam irruere; quos protinus exterminavere omnes, quasi essent vilissimæ pecudes,"—Andr. Бренчание.

[39] Ариальд был убит 27 июня 1065 года. Андрей Струмский говорит о 1066 году; но он следовал флорентийским вычислениям — он был флорентийским священником, — по которым год начинался 25 марта.

[40] "Gloriosus hac vice delusus", - говорит Арнульф.

[41] "Audivimus quod quidam Episcoporum apud vos commorantium, aut sacerdotes, et diaconi, et subdiaconi, mulieribus commisceantur aut consentiant aut negligant. His præcipimus vos nullo modo obedire, vel illorum præceptis consentire, sicut ipsi apostolicæ sedis præceptis non obediunt neque auctoritati sanctorum patrum consentiunt." "Quapropter ad omnes de quorum fide et devotione confidimus nunc convertimur, rogantes vos et apostolicâ auctoritate admonentes ut quidquid Episcopi dehinc loquantur aut taceant, vos officium eorum quos aut simoniace promotos et ordinatos aut in crimine fornicationis jacentes cognoveritis, nullatenus recipiatis."—Letter to the Franconians (Baluze, Misc. vii. p. 125).

[42] Перц, viii. стр. 362.

[43] Жизнь Липранда была написана Ландульфом младшим, сыном его сестры, в его "Истории". Mediolan. 1095-1137.

[44] "Предложение о том, как я суммирую симониака за муну и ману. Modo die: cui dedi; Tunc presbyter super populum oculos aperuit, et digitum ad eos, qui stabunt in pulpito, extendit, dicens, Videte tres grandissimos diabolos, qui per ingenium et pecuniam suam putant me confundere."

[45] Из этого обсуждения совершенно очевидно, что Гросулани был невиновен в настоящей симонии; все обвинения против него были выдвинуты из-за того, что он отменил выборы Ландульфа и, таким образом, в некотором роде сместил "архиепископа с его архиепископства".

[46] Из рассказа самого Ландульфа младшего видно, что архиепископ не заставлял священника проходить это испытание.

[47] Керссенбрук, стр. 114.

[48] Там же. стр. 115.

[49] Керссенбрук, стр. 116.

[50] Там же. стр. 117.

[51] Там же. стр. 120.

- [52] Керссенбрук, стр. 126.
- [53] Керссенбрук, стр. 128.
- [54] *Там же.*
- [55] *Там же.* стр. 138.
- [56] Керссенбрук, стр. 143.
- [57] *Там же.* 148; Латинское издание, стр. 1517-9; Dorpius, f. 391 a.
- [58] Керссенбрук, стр. 152.
- [59] Керссенбрук, стр. 152.
- [60] Керссенбрук, стр. 165 *и далее*; Латинское издание, Менкен, стр. 1520-8: Слейден, французский сборник, стр. 406.
- [61] Керссенбрук, стр. 185; Буллингер, "Adversus Anabaptist". lib. ii. с. 8.
- [62] Керссенбрук, стр. 189-90.
- [63] *Там же.* стр. 203.
- [64] Stürck, "Gerchichte v. Osnabrück." Основа. 1826, пт. iii. стр. 25.
- [65] Vehse, "Geschichte der Deutschen Höfe." Hamburg, 1859, vol. xlvii. стр. 4-6. Bessen, "Geschichte v. Paderborn"; Paderb. 1820, vol. ii. p. 33.
- [66] Керссенбрук, стр. 207; Дерпиус, ф. 391 б. 392.
- [67] *Там же.* стр. 208.
- [68] Керссенбрук, стр. 209.
- [69] *Там же.* стр. 210, 211.
- [70] Керссенбрук, стр. 213-23.
- [71] *Там же.* стр. 272.
- [72] *Там же.* стр. 228-34.
- [73] Керссенбрук, стр. 228, 229.
- [74] *Там же.* стр. 230.
- [75] *Там же.* стр. 248 *и далее.*
- [76] Керссенбрук, стр. 268-9.
- [77] *Там же.* стр. 279 *и далее.*
- [78] *Там же.* стр. 283 *и далее.*

- [79] Там же. стр. 284, 285.
- [80] Керссенбрук, стр. 330.
- [81] Керссенбрук, стр. 332.
- [82] Там же. стр. 335-7.
- [83] Там же. стр. 338.
- [84] Там же. стр. 340 и далее.
- [85] Керссенбрук, стр. 347.
- [86] Там же. стр. 348.
- [87] Там же. стр. 349.
- [88] Керссенбрук, стр. 351.
- [89] Там же. стр. 351.
- [90] Там же. стр. 353.
- [91] Там же. стр. 354 и далее. Слэйдан, французский сборник, стр. 407.
- [92] Керссенбрук, стр. 358 и далее. Слэйдан, французское издание, стр. 408. Слэйдан также называет это число как 900; Дерпиус, ф. 392 г. до н. э.
- [93] Керссенбрук, стр. 368.
- [94] Там же. стр. 392 и далее.
- [95] Керссенбрук, стр. 398 и далее.
- [96] Там же. стр. 402.
- [97] Там же. стр. 403.
- [98] Там же. стр. 404.
- [99] Керссенбрук, стр. 404.
- [100] Там же. стр. 405.
- [101] Там же. стр. 406.
- [102] Керссенбрук, стр. 407 и далее.
- [103] Там же. стр. 413.
- [104] Там же. стр. 413.
- [105] Керссенбрук, стр. 415.
- [106] Там же. стр. 416.

[107] Керссенбрук 417.

[108] Керссенбрук, стр. 429 *и далее.*; Слейден, французский тр. стр. 409; Буллингер, "Adv. Anabapt.", 116, ii. с. 8.

[109] Керссенбрук, стр. 431, 432; Dorp., f. 322-3.

[110] Керссенбрук, стр. 434.

[111] *Там же.* стр. 436.

[112] Керссенбрук, стр. 437-9.

[113] *Там же.* стр. 441.

[114] Керссенбрук, стр. 443; Слейден, стр. 410; Дерпиус, ф. 393 б.

[115] Керссенбрук, стр. 443.

[116] *Там же.* стр. 444.

[117] Керссенбрук, стр. 444 *и далее.*

[118] *Там же.* стр. 457 *и далее.*

[119] Dorpius, f. 394.

[120] Керссенбрук, стр. 448.

[121] *Там же.* стр. 449.

[122] Керссенбрук, стр. 450 *и далее.*

[123] Керссенбрук, стр. 453 *и далее.*

[124] Это подтверждается Акта, Handlungen и с., fol. 385. *Проповедники:* Вы верите, что Христос получил Свою плоть от плоти Марии под действием Святого Духа? *Иоанн Лейденский:* Нет; Священное Писание не учит этому." И он объяснил, что если плоть была взята у Марии, то это, должно быть, было греховно, потому что она не была непорочной.

[125] Керссенбрук, стр. 456; Слейден, стр. 411.

[126] *Там же.* стр. 456.

[127] Керссенбрук, стр. 461.

[128] *Там же.* стр. 461.

[129] Керссенбрук, стр. 163; Дерпиус, ф. 394 а.

[130] Керссенбрук, стр. 464.

[131] *Там же.* стр. 466, 467.

[132] Керссенбрук, стр. 468.

- [133] Там же. стр. 472.
- [134] Керссенбрук, стр. 473.
- [135] Там же. стр. 476.
- [136] Керссенбрук, стр. 476.
- [137] Керссенбрук, часть ii. стр. 51 *и далее.*; Хересбах, стр. 31; Хаст, стр. 324.
- [138] Керссенбрук, часть первая, стр. 477 *и далее.*
- [139] Керссенбрук, стр. 479.
- [140] Hаст, стр. 329 *и далее.*
- [141] Керссенбрук, стр. 479.
- [142] Дерпиус, стр. 394.
- [143] Керссенбрук, стр. 483.
- [144] Там же. стр. 479.
- [145] Керссенбрук, стр. 484.
- [146] Dorpius, f. 394.
- [147] Керссенбрук, стр. 405 *и далее.* Монфор., "Суматоха. Анабар.," стр. 15 *и далее.*; Буллингер, lib. ii. c. 8.
- [148] Те же авторитетные источники; Слэйдан, стр. 411.
- [149] Керссенбрук, стр. 495 *и далее.*
- [150] Керссенбрук, стр. 496.
- [151] Керссенбрук; Дерпиус, ff. 394-5.
- [152] Там же., стр. 502; Менкен, стр. 1545.
- [153] Керссенбрук, стр. 503.
- [154] Там же. стр. 505.
- [155] Керссенбрук, стр. 509.
- [156] Керссенбрук, стр. 510; Слейден, стр. 411; Дерпиус, стр. 395.
- [157] Керссенбрук, стр. 513 *и далее.* Слэйдан, lib. x. стр. 412-3; Хересбах, стр. 36.
- [158] Керссенбрук, стр. 516.
- [159] Там же. стр. 517; Слейден, стр. 412.
- [160] Керссенбрук, стр. 5222.

- [161] Керссенбрук, стр. 520; Дерпиус, ф. 395.
- [162] Керссенбрук, стр. 523.
- [163] Керссенбрук, стр. 531 *и далее.*; Hast, стр. 344.
- [164] Керссенбрук; Дерпиус, f. 395.
- [165] *Там же.* стр. 585.
- [166] Керссенбрук, стр. 535 *и последующие*; Монфортиус, стр. 19; Слейдан и Дерпиус называют человека Правдивым; Слейдан, стр. 412; Дерпиус, стр. 395 до н. э.
- [167] Монфортиус, стр. 19.
- [168] Керссенбрук, стр. 538.
- [169] Керссенбрук, стр. 539.
- [170] Керссенбрук, стр. 541, 542; Буллингер, ii. с. 10.
- [171] *Там же.* стр. 542.
- [172] *Там же.*, 542; Hast, стр. 348.
- [173] Керссенбрук, 542; Слейден, стр. 413; Буллингер, lib. ii. с. 9; Хересбах, стр. 138; Бюиссьер, стр. 310.
- [174] Керссенбрук, стр. 543; Монфор., стр. 24.
- [175] Буллингер, ii. с. 8; Слейден, стр. 271; Дерпиус, f. 396.
- [176] Керссенбрук, стр. 545; Хересбах, стр. 139; Слейден, стр. 413; Дерпиус, стр. 396.
- [177] Керссенбрук, стр. 596; Монфор, стр. 25, 26; Хересбах, стр. 99 *и последующие*.
- [178] Дерпиус, ф. 396 г. до н. э.
- [179] Керссенбрук, часть ii, стр. 1-9; Монфортиус, стр. 26, 27; Hast, стр. 352 *и последующие*.
- [180] Керссенбрук, pt. ii. стр. 9.
- [181] *Там же.* стр. 11, 12.
- [182] Керссенбрук, стр. 15, 16; Слейден, стр. 413.
- [183] Керссенбрук, стр. 15, 16.
- [184] *Там же.* стр. 21.
- [185] Хаст, стр. 357; Слэйдан, стр. 413.
- [186] Керссенбрук, стр. 26 *и далее*.
- [187] Керссенбрук, стр. 36.

[188] Там же. стр. 38; Х. Монфор., стр. 28.

[189] Слэйдан, стр. 414; Dorp. f 396.

[190] Керссенбрук, стр. 38.

[191] Керссенброк, стр. 39 *и далее.*; Хересбах, стр. 41, 42; Х. Монфор., стр. 29, 30; Буллингер, lib. ii. с. 9, стр. 56.

[192] Керссенбрук, стр. 40.

[193] Там же. стр. 41; Дерпт, ф. 536 г. до н. э.

[194] Х. Монфор., стр. 29; С. Хересбах, стр. 42.

[195] Керссенбрук, стр. 42. Дерпиус подтверждает ужасный рассказ Керссенбрука из того, что он видел сам, стр. 498.

[196] Керссенбрук, стр. 43 *и далее.*

[197] *Ibid.* p. 47; Sleidan, p. 419; Bullinger, lib. ii. p. 56; Montfort., p. 31; Heresbach, pp. 136-7, "Historia von d. Münsterischen Widerteuffer," f. 328 b; Dorpius, f. 397.

[198] Керссенбрук, стр. 43 *и далее.*

[199] Керссенбрук, стр. 47; и авторы, процитированные ранее.

[200] Керссенбрук, стр. 49.

[201] Там же. стр. 55 Монфор., стр. 31-3; Слэйдан, стр. 418; Буллингер, стр. 57; Хересбах, стр. 137-8.

[202] Керссенбрук, стр. 55 *и далее.*; и цитируемые выше авторы. Керссенбрук подробно описывает одежду, украшения и образ жизни короля; также "История фон Д. Münsterischen Widerteuffer," f. 329.

[203] Керссенбрук приводит имена всех жен, кроме одной, которую он милосердно скрывает, поскольку бедное дитя — она была очень маленькой — заболело, но выздоровело и после осады жило респектабельно у своих родственников в городе.

[204] Керссенбрук, стр. 59.

[205] Kerssenbroeck, p. 62; H. Montfort., p. 33; Hast, p. 363 *et seq.*; Sleidan, p. 415; "Historia von de Münsterischen Widerteuffer," f. 328 b.

[206] Керссенбрук. Слэйдан говорит: "Почти каждое дело и жалоба, переданные на его рассмотрение, касались женатых людей и разводов. Ибо ничего не было более частого, так что люди, прожившие вместе много долгих лет, теперь впервые расстались". — стр. 415-6.

[207] Керссенбрук, стр. 65 *и далее.*; Монфор., стр. 27, 28.

[208] Керссенбрук, стр. 21.

[209] Керссенбрук, стр. 68.

[210] Там же. стр. 70.

[211] Керссенбрук, стр. 75 *и далее.*; Хересбах, стр. 132.

[212] Там же. стр. 75; Бюссьер, стр. 372; Hast, стр. 366.

[213] Керссенбрук, стр. 75; Бюссьер, стр. 372.

[214] Керссенбрук, стр. 81 *и далее.*; Слейден, стр. 416.

[215] Керссенбрук, *Есть* стр. 366.

[216] Сохраняйте уверенность. Бог заботится о плоти. Иоанн Лейденский. Сила Божья - моя сила.

[217] Керссенбрук, стр. 86; Монфор., стр. 34; Дерпиус, стр. 397 b; Хересбах, стр. 139, *и последующие.*; Буллингер, lib. ii. с. 10; Слэйдан, стр. 417; этот автор устанавливает число участников сообщения в 5000, "Новый автор". Цайтунг", номер 4000, стр. 329. Этот авторитет добавляет, что причастники распределяли полученное ими причастие между собой, говоря: "Брат и сестра, примите и вкусите от него. Как Христос отдал Себя за меня, так и Я отдам себя за вас. И как кукуруза и пшеница запекаются в одно целое, а виноградные ветви прессуются в одно целое, так и мы, будучи многими, являемся одним целым". Также "Письмо епископа кельнским курфюрстам", *там же.* стр. 390.

[218] Использованное выражение было несколько широким —Hurenhochzeit.

[219] Керссенбрук, стр. 88 *и последующие*; Хересбах, стр. 139; Dörp. f. 398.

[220] Свидетельство Генриха Грасса. Дерпий говорит, что апостолов было двадцать восемь, и называет их имена и места, в которые они были отправлены, стр. 398.

[221] Керссенбрук, стр. 89 *и далее.*; Хересбах, стр. 89, 101, 141; Монфор., стр. 35; Буллингер, lib. ii. с. 10; Слэйдан, стр. 417-8; Хаст, стр. 368; "История против д. Мюнста. Вайдертойфер". стр. 329 а.

[222] На деяния этих апостолов, Керссенбрук, стр. 92 *и далее.*; Менк. стр. 1574; Монфор., стр. 36 *и далее.*; Слейден, стр. 418; Буллингер, lib. ii. с. 10; Хересбах, стр. 149.

[223] В "Newe Zeitung v. d. Widerteuffer. цу Мюнстер", стр. 329 b, 330a, содержит краткое изложение признаний этих людей и их рассказ о состоянии дел в городе. Они говорили, что у каждого мужчины там было пять, шесть, семь или восемь жен и что каждую девочку старше двенадцати лет заставляли выходить замуж; что если одна жена проявляла неприязнь к другой, ревность или жаловалась, король приговаривал ее к смерти.

[224] Керссенбрук, стр. 100 *и далее.*

[225] Керссенбрук, стр. 103 *и далее.*; Монфор., стр. 40-1; Ранее стр. 368.

[226] Монфор., стр. 40.

[227] Керссенбрук, стр. 110.

[228] Там же. стр. 114.

[229] Там же.; Слейден, стр. 419; Хересбах, стр. 132.

[230] Слэйдан, стр. 419.

[231] Монфор., стр. 40; Керссенбрук, стр. 104 *и последующие.*; Hast, стр. 368.

[232] Монфор., стр. 40.

[233] Hast, стр. 370; Бюссьер, стр. 403.

[234] Керссенбрук, стр. 132 *и далее.*

[235] Керссенбрук, стр. 128; Слейден, стр. 420; Hast, стр. 373 *и последующие.*; "Acta, Handlungen," &c., f. 365 b. Письмо короля начиналось словами "Leve Lips" ("Дорогой Фил").

[236] Слейден, стр. 421.

[237] Керссенбрук, стр. 129; Слейден, стр. 421.

[238] Лют. "Sämmtliche Werke," Wittenb. 1545-51, ii. ff. 367-375; "Von der Teuffelischen Secte d. Widerteuffer. zu Münster."

[239] Там же. f. 367.

[240] Там же. f. 369.

[241] Там же. f. 373.

[242] Там же. ii. ff. 298-325.

[243] Там же. ii. ff. 334-363. Меланхтон говорит, что в Мюнстере дело дошло до того, что ни один ребенок не знал, кто его отец, брат или сестра.

[244] "Обработка акта". & c. f. 366 a.

[245] Керссенбрук, стр. 130.

[246] Там же. стр. 140.

[247] Слейден, стр. 419; Буллингер, л. ii. с. 9; Хересбах, стр. 156; Dorp. f. 498.

[248] Керссенбрук, стр. 148.

[249] Там же. стр. 149.

[250] Керссенбрук, стр. 153, 154; Слейден, стр. 422; Буллингер, библиотека ii. с. 2; Хересбах, стр. 159, 160.

[251] Керссенбрук, стр. 155; Hast, 394.

[252] Керссенбрук, стр. 157 *и далее.*; Хересбах, стр. 151, 152; Хаст, стр. 395; Монфор., стр. 46.

[253] Там же. стр. 157.

[254] Монфор., стр. 47.

[255] Керссенбрук, стр. 161.

[256] Керссенбрук, стр. 161-8.

[257] Керссенбрук, стр. 73, 74; Hast, стр. 37; Монфор., стр. 58 *и последующие*.

[258] Монфор., стр. 68, 69.

[259] Керссенбрук, стр. 176-7; Дерпиус, стр. 498 b; Слэйдан, стр. 422, говорит, что она была казнена за то, что заметила некоторым своим спутникам, что Божьей волей не могло быть, чтобы они жили в достатке, в то время как подданные погибали от нехватки предметов первой необходимости. Хаст, стр. 395; Хересбах, стр. 145.

[260] Керссенбрук, стр. 177.

[261] Керссенбрук, стр. 179 *и далее.*; Слейден, стр. 427; Монфор., стр. 71; Хересбах, стр. 162 *и далее.*; Хаст, стр. 395 *и далее.*; Дерпиус, ф. 499.

[262] Керссенбрук, стр. 169; и цитируемые ранее авторы.

[263] Керссенбрук, стр. 176 *и далее.*; и цитируемые ранее авторы.

[264] Керссенбрук, стр. 385; Хересбах, стр. 162-6; Монфор., стр. 72; Хаст, стр. 396 *и последующие*.

[265] Керссенбрук, стр. 188, 189.

[266] Керссенбрук, стр. 195.

[267] *Там же.* стр. 196; Хересбах, стр. 166.

[268] Керссенбрук, стр. 198-200. Дерпиус говорит: "При взятии города женщины и дети были пощажены; и после первого боя никто не был убит, за исключением зачинщиков". — с. 399.

[269] Монфор., стр. 73.

[270] Керссенбрук, Хересбах, стр. 168; Hast, стр. 400.

[271] *Там же.* стр. 200.

[272] *Там же.* стр. 201

[273] "Hernach auff freitag S. Johanstag mitten in Sommer, kommet Gott und zerstöret die Helle, und jaget den Teuffel heraus, und komet sein Mutter wider hinein ... und sind die Widerteuffer an obgemeltem tag ausgerottet worden, die Papisten aber wider eingepflantzet."—Dorp. f. 399 (by misprint 499).

[274] Dorp. ff. 399 a, 400 a, b.

[275] Dorp. f. 399 b.

[276] "Саммитлихе Верке" Лютера. Wittenb. 1545-51. Группа, ii. ff. 376-386.

[277] "Denn wiewol ichs fur dieser zeit mit dem Zwingel gehalten," &c., f. 384.

[278] *Ibid.*.

[279] Wei zweiveln nicht wenn ein bestendig Policey und Regiment gewesen were, wie itzt est, es würden sich die Vetter freilich aug der selbigen gehalten haben.

[280] Predicanten: So wöllen wir in diesemfäll viel lieber der Oberkeit gehorsam sein, f. 386 b.

[281] "Das weltliche Oberkeit" и др., в Лют. "Sämt. Werke." 1545-51, ii. ff. 327-8.

[282] "Фон дем Гейст д. Widerteuffer." in Luth. "Samt. Werke." 1545-51, ii. f. 325 b.

[283] Керссенбрук, стр. 209; История Курце. f. 400.

[284] Керссенбрук, стр. 210; История Курце. f. 400.

[285] Бюссьер, стр. 462.

[286] Керссенбрук, стр. 211; Буллингер, lib. ii. c. 10; Монфор., стр. 74; Хересбах, стр. 166-7; Хаст, стр. 405-6; Kurtze Historia, f. 400.

[287] Керссенбрук, стр. 211; Kurtze Hist. f. 401.

Примечание переписчика:

Незначительные типографские ошибки исправлены без замечаний. Неточности и несоответствия в тексте сохранены в том виде, в каком они были напечатаны.

Несовпадающие кавычки не исправляются, если недостаточно ясно, куда следует поместить недостающую кавычку.

Обложка для электронной версии этой книги была создана автором и находится в общественном достоянии.

Страница 60: "О том, что Джаспис заметил ему в апреле 1820 года, что были обстоятельства" — Цифра "2" в 1820 году в книге была неясной, но была вставлена переписчиком.

Страница 106: "приказываю освободить евреев умиатчирдне" — переписчик вставил "заключен в тюрьму" вместо "умиатчирдне".

Страница 221: "Никакие посланцы из столицы не присутствовали на воссоединении палат в Уоллбеке 20 декабря.— Слово "из" непонятно.

Страница 262: Переписчик предоставил ссылку на сноску 147. Керссенбрук, стр. 405 *и далее*. Монфор., "Смятение". Анабар., стр. 15 *и далее*.; Буллингер, lib. ii. c. 8."